

Роже Вадим
От звезды к звезде. Брижит Бардо, Катрин Денев,
Джейн Фонда...

«От звезды к звезде»: Прогресс-Традиция; Москва; 2011
ISBN 5-89826-092-7

Аннотация

Автор мемуаров, известный французский кинорежиссер Роже Вадим, настоящая фамилия которого Племянников, рассказывает о знаменитых актрисах, с которыми связала его судьба, – Брижит

Бардо, Катрин Денев, Джейн Фонда и др. При чтении мемуаров возникает и образ самого автора, сумевшего, по его словам, на протяжении всей своей жизни сохранить с этими «замечательными женщинами самые нежные и дружеские отношения». Перевод дан с некоторыми сокращениями.

Роже Вадим
От звезды к звезде
Брижит Бардо, Катрин Денев, Джейн Фонда...

Издательство «Прогресс-Традиция»
выражает
признательность за содействие в
издании книги
Министерству культуры Франции

ОТ АВТОРА

Публикация дневников и мемуаров не новость в наши дни. О своих семьях, любовных связях, людях, которые были им известны, писали на протяжении тысячелетий литераторы, политики, философы и даже святые (обою пола). Что касается понятия «вмешательство в личную жизнь», то оно появилось сравнительно недавно.

Следует заметить, что словосочетание «личная жизнь» понимается всеми по-разному. Скажем, актриса, дабы сделать карьеру, стремится привлечь к себе внимание масс-медиа, рассказывая о личной жизни, чувствах, а также о профессии, демонстрируя при этом свои прелести с помощью экрана и фотографий. Но ее вряд ли поймут, если уже на вершине успеха она решит, что все сказанное ею прежде должно быть забыто и, как во времена Савонаролы, подвергнуто цензуре и уничтожению.

Знаменитая «звезда» не вправе претендовать на совершенно анонимное существование. В противном случае ей следовало бы выбрать иную форму приложения сил и не добиваться славы с

помощью театральных подмостков, экрана или средств массовой информации.

Разумеется, существуют исключения. Например, Грета Гарбо, жившая затворницей в тени голливудских гигантов. Она никогда не приглашала фотографов по случаю своего дня рождения или другого события в личной жизни.

Публикуя эту книгу, я никоим образом не стремился к сенсации. (Бог свидетель, у меня для этого было предостаточно материала!) Напротив, я хотел лишь выразить свои самые нежные и почтительные чувства этим замечательным женщинам.

Р.В.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ БРИЖИТ БАРДО

1

С тех пор как Боттичелли написал свою Венеру плывущей на перламутровой раковине, никто не видел богиню любви выходящей из пены морской.

Свидетелями именно такого чуда стали 12 мая 1953 года в двенадцатом часу пополудни две тысячи американских моряков авианосца «Энтерпрайс», бросившего якорь в Каннской бухте.

Сначала они увидели, как из морских глубин появилась длинная прядь волос, затем лицо в капельках воды, блестящих на солнце подобно бриллиантам. Невинный, но чувственный рот, идеально прорисованные глаза, маленький носик, щеки, еще сохранившие детскую округлость, – все это словно было создано для наслаждения. Две породистые ручки ухватились за борт моторной лодки, и вот она уже предстала перед всеми со своей лебединой шеей, покатыми плечами, высокой грудью и осиной талией, которую можно было обхватить пальцами обеих рук, с круглой, на зависть Адонису или Афродите, дерзкой задницей, великолепными бедрами и мускулистыми ногами балерины. Ничто, кроме бикини, не скрывало

это чувственное и гордое тело.

Даже не зная, кто она, моряки «Энтерпрайса» могли без труда догадаться, что перед ними богиня. Их свист и аплодисменты несомненно донеслись до ступеней Дворца фестивалей на набережной Круазетт. Чтобы лучше разглядеть девушку, моряки столпились по левому борту авианосца.

Стоя в лодке, Брижит расхохоталась. «Да они же перевернут корабль!» – воскликнула она.

Дежурный офицер спустил трап и пригласил Брижит подняться на борт. Это было против правил, но он предпочел их нарушить, чтобы не вызвать бунт на корабле.

Со свойственной ей непосредственностью Брижит приняла приглашение. И, оказавшись на палубе, стала пожимать руки морякам, рассмешила знанием четырех английских слов, позволила сколько угодно снимать себя. Она так отличалась от обычных гостей «Энтерпрайса» типа Боба Хоупа или манерных девиц с маркой «Сделано в Голливуде»! Покидая авианосец, Брижит оставила там две тысячи друзей.

По дороге в отель «Карлтон» она успела натянуть джинсы. Но ей понадобилось добрых полчаса, чтобы пройти сто метров от пляжа до гостиницы, и столько же времени, чтобы миновать ее холл. В конце концов она все же сумела сесть в лифт. Но при выходе из него на четвертом этаже, где находился наш номер, ее уже поджидали другие фотографы.

Каннский фестиваль был в разгаре. Это было безумное и веселое время. «Звезды» еще не знали, что подобно Мессии посланы на землю, дабы указать путь человечеству, а журналисты не судили об их талантах в зависимости от общественного положения и политических взглядов. Брижит Бардо уже снялась в нескольких фильмах, но не была «звездой». Она, впрочем, не была и гостьей фестиваля, а просто сопровождала мужа, молодого репортера «Пари Матч» по имени Роже Вадим...

Мы были женаты четыре месяца, и она не захотела остаться одна в Париже.

Испытывая аллергию к официальным приемам и

пресс-конференциям и зная, что ни один фильм с ее участием не значится в списке конкурсных картин, она никак не могла понять, отчего с момента нашего приезда вокруг нее стало происходить нечто странное. Побросав свою обычную добычу – известных в мире «звезд» обоего пола, – фотографы следовали по пятам Брижит, куда бы она ни шла – в рестораны, магазины, и даже забирались в наш номер.

Помнится, однажды во второй половине дня я был единственным журналистом, интервьюировавшим Лоллобриджиду, Ким Новак и Керка Дугласа в зале пресс-конференций. Все остальные бегали за моей женой по лавочкам на улице Антиб и пальмовой аллее набережной Круазетт.

«Феномен Бардо», та непонятная притягательная сила, которой обладала эта девятнадцатилетняя девчонка, сам по себе не был новостью. Но тогда в Канне он приобрел поистине международный размах. В тот же день, когда она побывала на «Энтерпрайсе», мы ужинали с друзьями в маленькой таверне в Ла-Напуль. Нам с трудом удалось избавиться от журналистов и фотографов (как ни странно, мне приходилось прятаться от собратьев по перу), но тут к нашему столику приблизился человек, представившийся секретарем Онассиса.

– Каким образом вы меня нашли? – удивилась Брижит.

– Позвольте скрыть мой источник информации, мадемуазель.

Вопрос принципа.

– У вашего хозяина отменная шпионская служба, – заметила Брижит.

– Можно и так сказать. Он просил пригласить вас на прием на борту яхты «Кристина» завтра вечером. Там будут все «звезды» фестиваля. Господин Онассис просил передать, что без вас этот прием не будет иметь успеха.

– И он совершенно прав, – ответила Брижит. – К сожалению, завтра я занята. Я ужинаю с мужем, – а после того, как секретарь протянул приглашение и мне, добавила: – Тет-а-тет.

Всем известна красота Брижит, ее вызывающая чувственность. Она – само воплощение эротики и радости жизни минувшей эпохи.

Но мало кому известны ее страхи, волнения, ее способность накликасть на себя беду, которые так часто приводили ее на грань трагедии.

Влюбленные, которые прогуливаются, обмениваясь поцелуями, при свете луны, не думают о другой ее стороне. Это же самое относится и к Брижит: всем известна только одна сторона ее жизни.

Что же скрывается в действительности за лучезарным обликом известного секс-символа?

2

92-й автобус двигался по авеню Поль-Думерг в сторону Булонского леса. Первые недели октября были хмурые, но в это утро погода внезапно смилостивилась. Осеннее солнце особенно выгодно оттеняет красоту Парижа. Воздух был легким, деревья – в позолоте и ржавчине. Брижит стояла на открытой платформе и рылась в большой матерчатой сумке, в которую были засунуты трико балерины, балетные пуанты, школьные тетради и учебники. Она трижды выругалась. Ей было пятнадцать лет.

Кондуктор с восхищением разглядывал проступающие в разрезе блузки молодые груди.

– Вы что-то потеряли, милая дамочка? – спросил он.

– Учебник алгебры. Наверное, выпал из сумки, когда я переодевалась у Бориса.

Мог ли знать кондуктор, что Борис Князев, балетмейстер при дворе царя Николая II, был всего лишь учителем танцев этой прелестной девчушки. Трижды в неделю после лица она отправлялась в студию Уокера на площади Пигайль к этому гениальному тирану. «Толчок! Аттитюд! Пируэт! Прыжок! Жете бацию!.. Раз, два, три... Голову выше! Большой прыжок с вращением!» После первого знакомства Борис сказал:

– Хорошо. Но придется серьезно потрудиться.

Что на самом деле означало: «Ты станешь примадонной».

Выйдя из автобуса на остановке «Юшет», Брижит легкой походкой дошла до дома 1-бис по улице Помп. Поднимаясь на

стареньком гидравлическом лифте, напоминавшем гриб, подвешенный к колонне, она размышляла, к какой тактике прибегнуть, чтобы получить разрешение пойти с подругой в кино. Доехав до последнего, шестого, этажа, она вышла из лифта и трижды коротко позвонила в дверь. Ей открыла прислуга.

В гостиной ее ждал сюрприз. У матери в гостях была главный редактор журнала «Эль» Элен Лазаревф, искавшая новое лицо для репортажа о молодой француженке. Будучи подругой госпожи Бардо, она была знакома с Брижит. «Это она, говорю тебе. Она!» – повторяла Элен в тот момент, когда девушка вошла в комнату. Госпожа Бардо, Тоти для близких, недоверчиво относилась к газетам и рекламе. Но согласилась, чтобы сделать приятное Элен. «При условии, что Брижит не будет манкировать занятиями», – уточнила она.

Всегда согласная со всем, что могло поколебать рутину семейной жизни, Брижит не скрывала своего восторга.

В те времена я жил у Даниель Делорм и Даниеля Желена, молодых супругов и актеров французского кино. Иногда мне приходилось выступать в роли бэби-ситтера при их трехлетнем ребенке. Это мне нравилось, я всегда любил детей. Поиграв в барракуду в ванне, постреляв из игрушечного пистолета по прохожим на авеню Ваграм и соорудив римскую тогу из старой простыни, мы с Зази поняли, что выдохлись.

– Сделай бумажного голубя, – попросил он.

Я вырвал страницу из последнего номера «Эль». Складывая ее по диагонали, я обратил внимание на фотографию девушки. Зази ждал голубя и проявлял нетерпение.

– Что ты делаешь?

– Рассматриваю фотографию. Зази отобрал журнальную страничку.

– Я ее не знаю. Но она красивая, – сказал он.

Брижит была тогда темной шатенкой. Вопреки тому, что обо мне писали, я никогда не предпочитал блондинок. Красота – вот что меня больше всего волнует. Брюнетка Брижит была очень красива.

На другой день я показал это фото Марку Аллегре, который собирался снимать фильм по моему первому сценарию под названием

«Срезанные лавры», и без особого труда убедил его, что эта девушка наилучшим образом воплотила бы образ моей героини. Он написал записку госпоже и господину Бардо, в которой говорилось, что он хотел бы повидать их дочь и сделать с ней пробы для фильма.

Спустя семь лет после окончания войны кинематограф еще был недоступен для молодых режиссеров. В нем царили Марсель Карне, Рене Клер, Анри-Жорж Клузо, Рене Клеман, Жюльен Дювивье и Марк Аллегре. Их средний возраст был 50 лет. Марк был известен тем, что дал шанс многим молодым актерам. Он обладал даром открывать таланты.

Я познакомился с ним тремя годами раньше, участвуя в массовке его фильма «Петрюс». Тогда он внезапно покинул съемочную площадку, узнав, что что-то случилось с дочерью. Я видел, как он сел в машину и умчался на всех парах. Я же вернулся на съемочную площадку, где пребывал в унынии продюсер, уже подсчитывая, во сколько ему обойдется этот простой: снималась массовая сцена ярмарки с участием трехсот статистов. Я подошел к бедняге и сказал, что Марк Аллегре проинструктировал меня, как снять сцену. Продюсер почему-то нисколько не усомнился в способности семнадцатилетнего парня снять довольно сложный план с панорамой, наездом на лошадок карусели и закончить крупным планом Фернанделя, главной «звезды» фильма. А он почему-то поверил.

Съемочная группа расставила всех по местам, мы прорепетировали, и спустя два часа план был отснят. Когда Марк Аллегре появился на съемочной площадке, продюсер горячо поблагодарил его. Я уж готов был пуститься наутек, но Аллегре удержал меня. Оказывается, он краем глаза наблюдал за моей работой и пригласил к себе в кабинет. До этого он ни разу не разговаривал со мной.

– План был снят неплохо. Взять Фернанделя через голову лошади даже забавно. Я об этом не подумал. Не хотите ли пообедать вместе? – спросил он.

Марк Аллегре стал моим ментором, моим другом, сообщником в некоторых ситуациях, которые можно назвать довольно «пикантными», в какой-то мере отцом. Мой настоящий отец Игорь

Племянников, консул Франции, умер в возрасте тридцати четырех лет от сердечного приступа. А отчим Жеральд Ханнинг, архитектор, урбанист, сотрудник Ле Корбюзье, превосходный человек, был на десять лет моложе матери. Он оказал на меня большое интеллектуальное влияние. Я восхищался им и любил, как старшего брата. Увы, он разошелся с мамой. Будучи человеком весьма независимым (я жил самостоятельно с пятнадцати лет), встретив Марка, я почувствовал, как мне нужен отец.

Первые шаги ассистента я сделал в Лондоне на картине Аллегре, которую он снимал для сэра Александра Корда «Бланш Фьюри» с Валери Хобсон и Стюартом Гренжером. Английские профсоюзы отличались яростным изоляционизмом, поэтому мне не заплатили ни гроша. Но я не роптал. Я жил в отеле «Дорчестер», в «люксе» для режиссера, изучал английский язык, англичан и в более интимном плане – англичанок.

Вернувшись во Францию, я закончил сценарий «Срезанных лавров». В нем все герои были несовершеннолетние. В то время средний возраст зрителей был от 25 до 50 лет. Поэтому фильмы о молодежи не были в чести. Но поскольку Марк согласился снимать по этому сценарию фильм, продюсер заплатил мне 80 тысяч (старых) франков. Это не означало ни признания, ни благополучия, и тем не менее журнал «Синемонд» напечатал тогда статью, озаглавив ее: «19-летний Роже Вадим – самый молодой сценарист Франции».

Однажды в поезде Лондон–Париж мы с Марком познакомились с одной из самых талантливых балерин Парижского балета Лесли Карон. Он сделал с ней пробы для фильма по моему сценарию. Но воспротивился продюсер. «Она похожа на эскимоску», – заявил он. Однако благодаря этой пробе Лесли получила обложку в «Пари-Матч», а Джин Келли пригласил ее сниматься в «Американце в Париже».

Я испытывал большую нежность к Лесли. Но та отвечала мне только привязанностью. Мы провели три недели в Альпах, катаясь на лыжах. Балансируя на проволоке любви, мы оба не решались сделать решающий шаг. Я был застенчив, а она только начала отходить после бурного романа с одним из партнеров в Парижском балете. В

межевском отеле «Монблан» мы жили (исключительно из соображений экономии средств) в одном номере. Лесли спала на полу на матрасе. Испытывая чувство вины за то, что не занималась любовью в номере мужчины, которого несомненно поощряла, она решила истязать себя, отдав мне удобную постель. И спала с темными наглазниками, как «звезда» довоенного кино.

Находясь в Голливуде, где велись приготовления к съемкам «Американца в Париже», Лесли чувствовала себя ужасно одинокой. Ее длинное письмо заканчивалось следующим абзацем:

«Почему бы тебе не приехать сюда? Ты сумеешь и тут писать. Я уверена, что тебе удастся продать свой сценарий. Как грустно, что ты так далеко, и чем больше я об этом думаю, тем мне печальнее».

Я бы ответил согласием, если бы приблизительно за месяц до этого не встретил Брижит Бардо. Теперь мне понятно, что нежность, дружба и физическое влечение, которое я испытывал к Лесли (мы с ней только целовались), не были любовью.

Принимая во внимание, какое будущее планировали своей дочери родители Брижит (замужество за банкиром, промышленником, в крайнем случае – министром), шансы на то, что они ответят положительно на записку Марка Аллегре, были минимальные. Но, не считая пробу как нечто серьезное (а ей было интересно познакомиться с известным режиссером), мадам Бардо уступила дочери. Она решила, что из этой встречи все равно ничего не получится, но так, по крайней мере, удастся избежать упреков Брижит. Свидание должно было состояться у Марка Аллегре в доме 11-бис на улице Лорд-Байрон в конце дня, после школы.

Брижит не рассчитывала, что ее пригласят сниматься в фильме. К тому же она и не думала о кино, ей хотелось сделать карьеру классической балерины. Но она охотно знакомилась с новыми людьми, лишь бы те отличались от друзей папы и мамы и лицеистов из хороших семей, которых привечали на улице Помп. Как и матери, ей хотелось познакомиться с человеком, который, по ее представлениям, командовал целым сонмом «звезд» и знаменитостей.

Ни Тоти, ни мадемуазель Бардо и не думали, что эта встреча серьезно изменит всю их жизнь.

3

Когда мы познакомились, больше всего меня поразила в Брижит ее статья, походка. А также тонкая талия. Царственная посадка головы. И манера смотреть на людей. Многие смотрят, но ничего не видят.

Мать ее была светлой, коротко стриженной шатенкой. Прекрасные миндалевидные глаза, тонкий, чуть длинноватый нос, изящно прорисованный рот. Всегда сдерживаемая улыбка и легкая светскость придавали этому лицу без морщин неоправданно суровый вид, сообщая ему также молодость, столь редкую у парижанок ее положения. От сорокалетия ее отделяли всего два года. Она не была похожа на дочь. У первой побеждали воспитание и классовые предрассудки, у второй все подчинялось спонтанности и естеству.

Мы находились на восьмом этаже в залитой солнцем квартире Марка Аллегре, которому госпожа Бардо объясняла, что уступила капризу дочери и удовольствию познакомиться с таким высокоталантливым человеком, как он, но не предназначает дочь для актерской карьеры. Продолжая болтать, она смогла убедиться, что Марк – полная противоположность тому, какое представление имеют о шоу-мене в ее среде. Своими манерами и изящной речью он скорее напоминал дипломата, чем одержимого художника, орущего на съемочной площадке. Госпожа Бардо была очарована, хотя Марк и не старался щегольнуть своей культурой. Ей, наверное, были известны слова президента Пуанкаре, что «культура подобна варенью – чем его меньше, тем больше его расхваливают». Словом, Марку удалось ее уговорить («Брижит в том возрасте, когда любят эксперименты. Одна проба ни к чему не обязывает»).

Во время этого разговора заинтересованная особа все время поглядывала на молодого человека, которого Марк насмешливо представил как своего сотрудника: «Роже Вадим... Сценарист... Ленив, вечно опаздывает, но для своего возраста человек весьма способный». На что Брижит ответила своим непосредственным и заразительным смехом, сразу пленившим меня. Позднее она призналась, что испытала «нечто похожее на любовь с первого

взгляда».

Было решено, что я порепетирую с Брижит в те дни, когда она не посещала курсы Уолкера.

Еще не доехав до дома, мадам Бардо уже пожалела, что дала согласие Марку Аллегре. Но, будучи человеком слова, она не пойдет на попятную. Оставалось убедить мужа. Именуемый близкими Пилу, господин Бардо был на пятнадцать лет старше жены. Высокий лоб, волосы с проседью, узкие губы, острый, волевой подбородок, напряженный, становившийся подчас пристальным взгляд, делавший его еще более странным из-за толстых стекол очков, – он мог бы сойти за директора психиатрической клиники, полковника в отставке или изобретателя противогаза. А на самом деле возглавлял администрацию завода по изготовлению сжиженного кислорода.

Всегда пунктуальный, даже в обстановке окружающего борделя, он являл собой пример человека, который все (до минуты) рассчитывает наперед, например, время на остановки во время поездки в машине, на заправку, среднюю скорость и т. д. И одновременно этот человек был способен прийти в восторг при виде коровы в поле. Фотографируя ее целый час, он затем, дабы наверстать упущенное время, гнал машину, превышая «среднюю скорость», рискуя жизнью семьи на каждом вираже. Ничто не принуждало его к этому, кроме стремления прибыть на место в час, обозначенный в его записной книжке. Он обожал каламбуры и анекдоты, не расставаясь с блокнотом, куда записывал услышанное. Мог прервать разговор, чтобы записать понравившийся ему анекдот, не замечая неловкости и замешательства окружающих. Господин Бардо считал, что все в доме решает он, но на самом деле бразды правления находились в руках Тоти.

На известие, что его дочь станет готовиться к кинопробе, он отреагировал следующими словами: «Шутов в семье я не потерплю», а затем добавил: «Прежде чем перешагнуть порог студии, ей придется перешагнуть через мой труп». На что Брижит возразила: «Это вы сейчас, папа, разыгрываете комедию». Тоти сказала, что дала слово. «Ты согласилась?» – переспросил Пилу. – «Да». Господин Бардо оказался в корнелевской ситуации: допустить клятвopеступление

супруги или узреть бесчестие дочери. Он выбрал второе, решив, что кинопроба, в конце концов, ни к чему не обязывает. И снял свое veto.

В один из понедельников в конце дня Брижит пришла в дом № 44 на авеню Ваграм, в квартиру Желенов. Положив учебники на один из стульев при входе, она проследовала за мной в гостиную.

– Глядя на вас, я не перестаю думать о Софи, – сказал я ей.

Брижит была вылитой Софи, героиней романа, написанного мной в отрочестве. Уязвимая и динамичная, сентиментальная и современная во взглядах на секс, испытывавшая аллергию к проявлениям буржуазной морали, Софи всем напоминала Брижит. Ее образный, дерзкий язычок украшали довольно смелые, но отнюдь не вульгарные словечки. Позднее я дал ей прочитать роман, и «Софи» стало ее тайным, кодовым именем. Долгие годы она подписывала им свои любовные письма.

Брижит расположилась в одном из кресел гостиной, и мы начали работать над сценой, текст которой я попросил ее выучить заранее. Свое театральное образование я получил у Шарля Дюлена, в школе которого занимался с пятнадцати до восемнадцати лет. Конечно, у меня не было опыта моего знаменитого учителя, но я быстро сообразил, что Брижит неподражаема и что ее недостатки могут стать достоинством. Ей нужен был садовник, а не учитель. Такой цветок нельзя подрезать, его следует обильно поливать. Борьба с интонациями ее голоса, с его капризными интонациями, было бы вандализмом. В такой же мере, как заставлять вникать в психологию героини. Мотивировка поступков ее совершенно не интересовала. Она либо понимала все чисто инстинктивно, либо ничего не понимала. Брижит делала реальными своих героинь, «бардолизируя» их, прибегая к собственным эмоциям. И тогда происходило чудо.

Память у Брижит была специфическая. Она могла запомнить свои реплики за несколько минут до съемки либо напрочь забывала все то, что выучила накануне, если ее отвлекло какое-то взволновавшее ее событие. Когда мы расставались с ней после первой репетиции, она знала текст наизусть. А два дня спустя не помнила ни слова и в качестве извинения произнесла: «Отец бьет тарелки».

Оказывается, всякий раз, когда за столом она заводила разговор обо мне, Пилу хватал серебряный нож и бил рукояткой по тонкого фарфора тарелке, которая разлеталась вдребезги. «Мама считает, что вы дорого нам обходитесь», – сказала она и рассмеялась. Бергсон писал, что смех – это сущность человека. Я всегда считал, что эти слова имели к Брижит самое непосредственное отношение.

Одетая в блузку, она сидела на полу, прижавшись к стене и поджав ноги. Я всячески старался смотреть ей в глаза, но она поняла, что волнует меня. И тогда сказала:

– А почему бы нам не перейти на «ты»?

Я расценил эти слова как скрытое признание в любви. Но не воспользовался этим. Мы ведь встретились по делу, и я принял все меры, чтобы это не обернулось флиртом. Я вообще никогда не пользовался своим положением в личных целях. Хотя я и не был знаменит, но статус сценариста и ассистента Аллегре не мог не произвести впечатление на пятнадцатилетнюю девушку. За всю свою карьеру я никогда не заводил романы во время съемок. (Если только уже не жил с актрисой, что действительно имело место.) Встречам на авеню Ваграм, сопровождавшимся смехом, была присуща затаенная нежность. Они не были лишены своего очарования.

Наступил день кинопробы.

Брижит проявила полное самообладание. У нее не было никакого опыта, но создавалось впечатление, что она всю жизнь стояла перед камерой. Я гордился своей ученицей, которая произвела большое впечатление на Марка Аллегре.

Было поздно, когда я вез ее домой на такси. Она держала меня за руку. Мы не имели понятия, каков будет приговор продюсера, и не знали, не станет ли эта поездка через Париж нашим последним свиданием. Перед тем как выйти из машины, она быстро (впервые) поцеловала меня в губы.

Продюсеру не понравились зубы Брижит. Он посчитал, что она слишком раскрывает рот. Брижит забраковали, и начало съемок «Срезанных лавров» было отложено на неопределенное время. Я не видел Брижит несколько недель.

Но я не забыл ее. Однако мне было трудно представить, как

можно согласовать столь разный, чем у нас, образ жизни. Я в буквальном смысле жил, как птица на ветке, ночуя то у одного, то у другого приятеля, в зависимости от настроения или характера общения. (Дом 44 на авеню Ваграм был убежищем, но не собственностью). Много времени я проводил на Сен-Жермен-де-Пре, напоминавшей деревню внутри большого города. Моими друзьями были тогда никому не известные люди, многие из которых прославились с тех пор. Другие, как Жан Кокто, Жак Превер, Борис Виан, Жан Жене, уже были знамениты. Я был также знаком с Морисом Шевалье, Эдит Пиаф, Колетт, Сартром, Камю, Сальвадором Дали, многими «звездами» театра и кино...

Ночи в Сен-Жермен пользовались популярностью, весь Париж приезжал сюда развлечься и пораспутничать. Если у тебя не было ни гроша, это не имело никакого значения: у кого было три су, платил за всех. Мы пользовались кредитом в бистро и дискотеках. И не без оснований. Именно такие парни, как Кристиан Маркан, Мишель де Ре и я сам, такие девушки, как Жюльет Греко или Аннабелла, придали этому району свой стиль и подбросили мысль об открытии клубов в подвалах домов. Слово «дискотека» придумано мной. Какой-то журналист обозвал нас экзистенциалистами. Позднее нам на смену пришли битники и хиппи. О нас тогда часто писали в таких изданиях, как «Самди суар» и «Франс диманш».

Нам было невдомек, что некоторые масс-медиа и местные торгаши ради прибыли использовали в своих интересах внезапно возникшее движение, бывшее скорее стилем жизни и мирной формой анархии, чем политической и интеллектуальной позицией с опорой на философские взгляды Жан-Поля Сартра. Впрочем, довольно скоро подлинный послевоенный Сен-Жермен погиб от загрязнения среды, привлекая к себе толпы туристов. Таким он остается и сегодня. Но когда я встретил Брижит, я вел шикарную, полную приключений жизнь, позволявшую общаться с самыми образованными и интересными людьми того времени.

Снимаясь подчас в массовках, продавая сценарий или работая ассистентом у Марка Аллегре на одном из его фильмов, я всячески отказывался от постоянного места службы. Но при этом в куда

большей степени успевал учиться, предчувствуя, что сей период полной свободы, последовавший за четырьмя годами нацистской оккупации, станет лишь кратковременным эпизодом, и был полон решимости воспользоваться им в полной мере.

В подобных условиях просто невозможно было предположить любовную связь с благовоспитанной девушкой, которой разрешалось лишь раз в месяц возвращаться домой после полуночи. Но я не мог забыть Брижит и нежность ее губ.

Однажды в субботу по выходе из кинотеатра я обратил внимание, что у меня в кармане всего несколько франков. Я мог либо позвонить Брижит, либо купить билет метро. Я выбрал первое. Почему именно в этот день, а не в другой, не могу сказать. Это было не внезапным озарением, а чистой потребностью. Приказ возник в подсознании, и я не мог ему не подчиниться.

Я страшно рассеянный человек. Мне случалось забывать о свидании, от которого зависела моя карьера, ошибиться днем, перепутать студию, где шли съемки. Но у меня фантастическая память на телефоны, и к счастью, ибо я вечно теряю записные книжки. Я помнил номер телефона Брижит потому, что звонил ей с месяц назад.

Она сама подошла к телефону. Под каким-то предлогом отказалась провести уик-энд в Ловесьене с родителями. По голосу я понял, как она обрадована моим звонком. «Сейчас же приходи, – сказала она. – Я тут с приятелем и бабушкой. Ей поручена охрана до понедельника». Денег на метро не осталось, пришлось идти пешком с Итальянского бульвара на улицу Помп.

Брижит знала мою слабость к какао с молоком и приготовила горячий и пенистый «Овомальтин». Мы сидели в салоне, обставленном мебелью в стиле Людовика XVI, обсуждая с ее приятелем какие-то пустяки. Я был старше обоих всего на пять лет, но чувствовал себя чуждым их заботам. Целый мир отделял меня от этих подростков, не знавших войны и живших на содержании родителей.

Когда приятель ее ушел, мы заговорили о личных вещах, но появление каждые три минуты «бабули», весьма серьезно

относившейся к своей роли дуэньи, не допускало никакой интимности. В полвосьмого бабушка дала понять, что мне пора удалиться. Я перехватил ее знак внучке, которая ушла с ней в другую комнату. Прощаясь со мной на лестнице, Брижит, чтобы не расхохотаться, кусала губы. «Бабуля просила пошарить у тебя в карманах. Она опасается, что ты стащил ее серебряные ложки...» – сказала она. Я обнял ее, и мы поцеловались. Этот долгий поцелуй был прерван шагами бабушки.

Реакция на мой счет бабули Бардо была весьма характерна для реакционной французской буржуазии середины века. Подобно тому как короли когда-то держали шутов для развлечения гостей, хозяйки престижных домов считали лестным принимать у себя известных актеров и певцов. Те чаровали, подчас восхищали, но одновременно, особенно киношники, казались людьми подозрительными. В этом смысле понятна тревога бабули Бардо, когда она увидела в доме странно одетого молодого человека, работавшего в кино и способного увлечь бедняжку Брижит в свой мир богемы, где не чтут никаких законов.

Господин и госпожа Бардо были образованными людьми. Среди их друзей находились журналисты, театральные деятели, модельеры. Они любили искусство. Мои шотландские рубашки, неглаженные брюки, довольно длинные волосы не пугали их. На них произвело некоторое впечатление, что мой отец был французским консулом и в четырнадцатилетнем возрасте сражался с большевиками. Мое настоящее имя Роже Вадим Племянников. Имя Вадим выбрали родители, другое, в соответствии с законом, было взято из альманаха, да еще мой крестный носил имя Роже. По-русски фамилия Племянников означает сына брата. Подойдя в своем рассказе к происхождению фамилии, я предложил семейству Бардо отправиться в далекие края, в XIII век, во времена владычества Чингисхана. На своем смертном одре он поделил империю, простиравшуюся от Китая до границ Европы, между сыновьями. Младший получил часть Польши и Украины. После его смерти наследником стал не сын, а племянник. Фамилия Племянников так и осталась за нашим родом

даже после того, как он прекратил царствовать.

Став изгнанником после революции, мой отец приехал во Францию и получил тут гражданство. Как все выходцы из дворянских семей, он бегло говорил по-французски, закончил Школу политических наук и с блеском выдержал «малый конкурс». Назначенный вице-консулом в 28 лет, он женился на француженке Мари-Антуанетте Ардилуз. Его первым постом была Александрия.

Я никогда не мог себе представить, что, благодаря своему предку, сжигавшему города и отрубавшему головы, буду принят в парижском буржуазном салоне XX века. Поначалу я делал промашки в этикете. Скажем, разбивал яйцо всмятку ножом вместо ложечки, это весьма шокировало Тоти. Ложки становились для меня какой-то проблемой в семействе Бардо... Несмотря на беспокойство, вызванное растущей привязанностью ко мне их дочери, Пилу и Тоти относились ко мне хорошо. Не без некоторого фатализма я был принят в качестве почетного члена семьи. Но это случилось, естественно, не сразу.

Сначала посещения улицы Помп были еженедельными. Лишь месяц спустя мне разрешили повести Брижит в кино на восьмичасовой сеанс. Мы тем временем разработали стратегию тайных свиданий. Нашим штабом стала квартирка на третьем этаже в доме 15 на улице Боссано, отданная моему лучшему другу Кристиану Маркану отцом. Господин Маркан издавал ежегодник для коммерсантов, и Кристиан оплачивал квартиру услугами, наклеивая марки на тысячи конвертов. Подчас и я помогал ему в этом неблагодарном деле, отнимавшем раз в месяц немало времени.

Обстановка в комнате состояла из большого пружинного матраса, стула и столика. Разговаривая, мы ложились на матрас или сидели на полу. Абажур ночника был разрисован чернилами и цветным карандашом Жаном Жене. Кристиан предоставлял мне квартиру по первому требованию.

Было три часа дня, когда Брижит впервые пришла на свидание.

– Я должна была бы быть на уроке алгебры, – сказала она. – Но выбрала свободу.

Она прижалась ко мне и протянула губы. Я всегда поражался

удивительной в ней смеси невинности и женственности, бесстыдства и застенчивости.

Время пролетело быстро. Надо было расстаться. Брижит спросила:

– Теперь меня можно назвать настоящей женщиной?

– Только на двадцать пять процентов.

Она слабо улыбнулась мне улыбкой Моны Лизы, думая об оставшихся семидесяти пяти. Я помог ей подделать подпись матери под извинением о пропуске занятия по алгебре и проводил до остановки автобуса.

На обратном пути дорогу мне перегородила консьержка мадемуазель Мари, пятидесятилетняя и 95-килограммовая особа, которую боялись все жильцы.

– Это что за малышка? – спросила она со своим типично парижским говорком.

– Подружка, – ответил я. – Очень приличная девушка.

– Это респектабельный дом, – проворчала она, – надеюсь, вы не превратите его в бордель.

У меня была купюра в тысячу франков, которую я сунул ей в карман. Деньги производили на м-ль Мари болеутоляющее действие. Коли я собирался и впредь встречаться с Брижит, ничего не оставалось, как подкупить этого цербера. И она успокоенно удалилась в свое логово, то есть в привратническую.

Во время второго визита Брижит снова спросила:

– Меня можно назвать женщиной?

– На пятьдесят процентов, – ответил я. После третьего раза я мог ей уже сказать:

– На сто процентов! Брижит захлопала в ладоши, подбежала к окну и распахнула его.

– Я настоящая женщина! – крикнула она прохожим, которые, подняв головы, так и застыли на месте.

В своем восторге Брижит забыла о том, что была совершенно нагая.

Ничто так не возбуждает страсть, как необходимость сохранять тайну. Своей непримиримостью г-н и г-жа Бардо превратили первую любовь дочери в эпическую драму. Брижит была Джульеттой, я – Ромео.

Вынужденные утаивать два часа для того, чтобы побыть наедине, мы проявляли ловкость тайных агентов. Нашими соучастниками были Марк Аллегре, моя мать и Кристиан Маркан. Среди вражеских шпионов, которых следовало опасаться, находились Мижану (младшая сестра Брижит), друзья семьи Бардо и все те, кто сознательно или не подумав о дурном могли сказать, что видели нас вместе. В этих условиях заниматься любовью становилось не только удовольствием, но и опасной игрой, неким достижением.

Секс не был для Брижит синонимом греха. Она не испытывала никакой психологической травмы, представляя себе картину, что отец вмешается в ее постельные дела. У нее не было никаких религиозных страхов в духе иудо-христианской дребедени, увязанной с понятием о наслаждении. Она была Евой еще до проявленного боженькой гнева в саду Эдема. И никогда не считала обнаженное тело женщин их тайным оружием соблазна. Нагота была в ее понимании той же улыбкой или краской для цветка. В этом смысле она была скорее художником, чем его моделью. Или подчас и тем и другим.

Впрочем, ее натуре было присуще одно противоречие. Такая свободная в обращении со своим телом, она была в первую очередь романтиком. Чувства, окружающая обстановка, декорации имели для нее такое же значение, как и наслаждение. Она всегда страдала от того, что не принадлежала одному мужчине. Брижит так и не удалось справиться с парадоксом: оставаться верной, следуя велению своего тела и своего сердца.

Точно так же в общественной жизни существовали две Брижит: одна – приверженная буржуазным ценностям с потребностью быть экономной, боязнью приключений, стремлением к скромным размерам квартиры, с очевидным пристрастием к мебели в стиле рококо, и безделушкам, и другая – современная женщина, идущая неизменно впереди своего времени, независимая, способная вызвать

во Франции и на всех континентах скандал. Для своей гениальности она явно не была оснащена соответствующим образом.

Естественно, она не могла и предположить, что окажет такое влияние на современников своими ролями в кино и успехом у медиа. Если бы ее предупредили оракул или волшебное зеркальце, испугавшись, она бы наверняка не стала актрисой.

Безнаказанность придает преступникам нахальства, они рано или поздно попадают. Так произошло и с нами. Мы очень рисковали, обмениваясь ласками в коридоре, лифте, сидя позади рулившего своей машиной Пилу... Более опасными были некоторые ночи во время каникул. Я снимал тогда номер в том же отеле, что и семья Бардо, и босоногая Брижит ночью приходила ко мне.

Зима 1950/51 годов чуть не стала для нас фатальной. Дело было в Межеве, а местом преступления стал отель «Межеван», очень милый, выстроенный из дерева со скрипучим паркетом. Моя комната помещалась как раз над номером г-на Бардо. Но такая топографическая подробность была мне сначала не известна.

Разбуженному скрипом паркета Пилу показалось, что он слышит наверху голос дочери, и он на рысях бросился ко мне. К счастью, Брижит услышала его шаги, и мы успели выскочить со второго этажа прямо в снежный сугроб. Только молодость и жар сердец спасли нас тогда от воспаления легких...

Подобно солдатам, которые считают себя неуязвимыми, уверенными, что пули предназначены соседу, эта тревога не прибавила нам осторожности.

Однажды, придя на улицу Помп с плановым визитом, я узнал от Брижит, что родители куда-то уехали, а Мижану – у бабушки. Лукавый демон удержал нас в большой гостиной вместо того, чтобы отправиться в комнату Брижит.

«О время, попридержи свой бег», – сказал поэт. В тот день мы немного пренебрегли им. Когда внезапно открылась входная дверь, мы едва успели спрятаться за балконную штору.

В салоне появился г-н Бардо в сопровождении крупного банкира, его жены и сына, слегка приударявшего за Брижит. Мадам Бардо отправилась на кухню похлопотать об ужине.

Сын банкира заговорил о наивности и хорошем воспитании Брижит как о качествах, редких у современных девушек. Потом оба отца обратились к менее фривольному сюжету – к опасности коммунизма во Франции. Жена банкира интересовалась, подлинная ли мебель в стиле Людовика XVI в салоне или хорошая подделка.

Внезапно она спросила:

– А где малышка Брижит?

– Наверное, в своей комнате, – сказал Пилу. – Схожу-ка за ней.

Брижит проявила полное хладнокровие. С достоинством актрисы на подиуме она отбросила портьеру и вышла на середину комнаты.

– Привет, – произнесла она.

После того как прошло первое удивление, Пилу спросил:

– Что ты делала за портьерой?

– Пряталась. Не хотела показаться в растрепанном виде. Сами бы накричали на меня.

Сын банкира рассмеялся, и господин Бардо притворился, что восхищен характером дочери. Брижит увела их в свою комнату, чтобы показать коллекцию плюшевых зверушек, и мне удалось никем не замеченным покинуть помещение.

Господин и госпожа Бардо владели в Сен-Тропе маленьким домом в верхней части улочки, стены которого были увиты диким виноградом.

Этот маленький порт на Лазурном берегу славился своим очарованием, песчаными пляжами, домами Колетт и художника Денуайе де Сегонзака. Туристы и отпускники еще не завладели им. Модными были Канн, Антиб, Жуан-ле-Пэн, набережная Прогулки Англичан в Ницце и Монако. Я обнаружил сей райский уголок еще мальчишкой во время одной из велосипедных прогулок во время войны. И стал приезжать туда ежегодно.

Летом 1950 года я отыскал Брижит под сосновыми кронами около пустынной бухты. Она опасалась стрекоз, которые замирали, пока мы целовались. Эти большие насекомые, вероятно, с уважением относились к музыке наших вздохов, но Брижит утверждала, что они – шпионы, оплаченные ее отцом.

Мы поймали двух стрекоз, назвав их «Шпионка № 1» и

«Шпионка № 2». Я пообещал никогда не расставаться с последней, которую Брижит с пристрастием расспрашивала при каждом свидании. Она устраивала мне сцены ревности, утверждая, что «Шпионка № 2» сообщила ей, будто застала меня в объятиях шведки или дочери зубного врача.

Для ревности у Брижит, надо признать, были основания. Я вел в Париже отнюдь не монашеский образ жизни. Часто разъезжал. Иногда по заданию Марка Аллегре, а подчас просто так. Но я искренно любил Брижит, хотя и не хотел жертвовать своей свободой. А той ничего не оставалось, как ждать под охраной родителей совершеннолетия.

Перед очередным моим отъездом она требовала, чтобы я фотографировал ее. Одетую и обнаженную. Дабы мог увезти с собой ее лицо, ее улыбку, ее тело. Брижит писала мне ежедневно. Это была смесь детского лепета, страстных признаний в любви и эротических фантазий, описаний романтических снов относительно нашего будущего и бунтарства против не понимавших ее родителей. При этом повторялась одна и та же фраза: «Ты ведь будешь любить меня вечно?»

Тогда я еще не знал, что женщины, мечтающие о вечной любви, особенно уязвимы перед лицом новой страсти. Ее фраза означала: «Не дай мне влюбиться в другого». Большинство мужчин воспринимают эти слова как доказательство своей исключительности. А все как раз наоборот. Романтично настроенные женщины ищут абсолютную любовь, но не встречают ее ни с одним мужчиной. Они говорят о «вечности», а на деле переходят от одного настоящего к другому.

Брижит мечтала заключить духовный и манихейский контракт. Она хотела читать свою жизнь по звездам. Она же будет солнцем, неизменно приносящим жизнь и тепло, со своими спутниками, вращающимися вокруг по законам ее сердца.

Самой трудной проблемой были ее месячные. Сегодня трудно себе представить девичий страх при отсутствии надежной контрацептики. В иных семьях беременность означала проклятие, бесчестие, перспективу остаться без крова. В лучшем случае

вынужденное, заранее обреченное на неудачу замужество. Извечный кошмар. Матери-одиночки не пользовались никакой помощью со стороны общества. С тех пор как во времена Христа неверных жен побивали камнями, мало что изменилось.

Через год после знакомства с Брижит я поселился вместе с Кристианом Марканом в прелестной квартирке на острове Сен-Луи в доме № 6 по Орлеанской набережной. Из окна на девятом этаже были видны башенки Собора Парижской Богоматери, Пантеон, Сена и крыши домов на горе Святой Женевиевы.

Хозяйка квартиры Эвлин Видаль, только что расставшаяся с мужем, выделила нам две комнаты, окна которых выходили на крыши соседних домов. Эвлин была очаровательной, забавной молодой женщиной с коротко стриженными темными волосами, любившей развлечения, к тому же богатой после развода и безмерно счастливой по этому поводу. Все считали, что мы ее любовники и что она приютила нас поэтому. Слышать такое было лестно, но все обстояло иначе. Просто мы обольстили Эвлин, проведя целую ночь в разговорах, слушая Дэвида Брубeka, Телониуса Монка и раскрашивая в розовые и фиолетовые цвета омерзительные резиновые листья, украшавшие входную дверь. Когда взошло солнце, Кристиан сказал: «Вот черт, Эвлин, мы совершенно забыли тебя трахнуть».

Ей нужны были друзья, и мы остались у нее жить. Квартплата была чисто символическая. Да мы всегда и забывали о ней.

Брижит часто приходила ко мне на Орлеанскую набережную. Облокотившись о подоконник, мы разглядывали однажды Париж. Шел мелкий дождь, придавая блеск и некоторую враждебность покрытым свинцом крышам. Внезапно Брижит сказала:

– Знаешь, у меня задержка на один день. По утрам кружится голова и подташнивает. Вероятно, я беременна.

Я успокоил ее, напомнив об эпидемии гриппа в последние недели. Я только что вылечил Эвлин и Кристиана, сделав им уколы витамина С. К подобной терапии тогда никто не прибегал. (Я всегда был в курсе новейших методов лечения. Уколы делать я научился в 13 лет в Верхней Савойе во время оккупации. В горах мы не всегда

могли прибегнуть к врачебной помощи.)

Слегка обеспокоенная, Брижит, однако, согласилась на укол витамина С.

– Думаешь, поможет? – спросила она. – Мне не будет больно?

Она отправилась в салон, а я на кухню прокипятить шприц. Внезапно вбежала Эвлин с криком, что Брижит умирает, что она позеленела.

Я бросился в салон. Брижит лежала на диване. Левая щека, часть рта и пальцы рук были зеленые.

– Мне трудно дышать, – произнесла она. – Я умру. Я уже зеленая. – Взяв мою руку, она прижала ее к груди. – Я не хочу умирать, Вадим.

По моим представлениям, зеленым становишься после кончины. Но эти соображения я оставил при себе и сказал:

– Пустяки, дорогая, тебя укусил паук.

Однако я был в ужасе. Эвлин уже вызвала доктора Лефранка, чей кабинет был на третьем этаже. Брижит не отпускала мою руку.

– Не говори родителям, что я мертва. Они с ума сойдут.

Я с трудом представлял свое появление на улице Помп, держа на руках Брижит и говоря: «Ее сердце больше не бьется, она не дышит, она зеленая, но это пустяки. Она не умерла».

Вошел доктор Лефранк и склонился над ней. Погладил лоб Брижит, приподнял веко, пощупал пульс, выпрямился, посмотрел на руки, которые поднес к губам, и сказал:

– Это краска.

Поняв, что она не умерла, Брижит вспомнила, что, оставив меня, пошла в ванную причесаться. А там как раз были заново окрашены стены. Она просто не заметила, как дотронулась до стены и двери.

Холодная война была в полном разгаре. Американские войска вторглись в Корею. Французский экспедиционный корпус терпел первые поражения под Као-Бангом и Ланг-Соном. Отдавая себе отчет, что политическая обстановка внутри страны и за ее пределами делает перспективы на будущее весьма сомнительными, в свои двадцать лет я старался максимально пользоваться радостями жизни. Несмотря на ежемесячные тревоги и страх, что родители Брижит

могут застать нас на месте преступления, я был счастлив.

Брижит бросила лицей и посещала частные курсы, чтобы располагать временем для занятий танцем.

Иногда я заходил на студию Уолкера посмотреть, как она занимается, и был в полном восхищении. Изящная, воздушная, она всю себя отдавала этому искусству. Никогда потом я не видел ее на студии, перед камерой в такой согласии с самой собой. Если бы по причинам, о которых я скажу ниже, она не рассталась с балетом, она несомненно могла бы стать одной из самых великих танцовщиц своего времени. Я знал, что после неудачи с пробой на «Срезанных лаврах» она поставила крест на кино и теперь всецело отдавала себя балету.

Ни ее среда, ни наследственность не предрасполагали Брижит к артистической карьере. Но несмотря на полученное воспитание у Брижит сформировался весьма независимый характер. Имея антиконформистскую натуру, Брижит стремилась самоутвердиться вопреки принятым правилам морали, которая, по ее мнению, совершенно устарела. О родителях она говорила, что они живут в эпоху динозавров. Вероятно, именно потому, что религия и ежевоскресная месса были ей навязаны, как нечто обязательное, не подлежащее обсуждению, Брижит с детства испытывала аллергию к церкви и обрядам.

Не догадываясь относительно характера моих отношений с его дочерью, господин Бардо проявлял тем не менее все большую нервозность. Разрешая мне сводить Брижит в кино, он навязывал нам в качестве сопровождающей Мижану. Однажды та донесла, что видела, как я целую ее сестру в метро. Пилу пригласил меня в свой кабинет.

Он был очень бледен. Губы сжаты.

– Я жду, – произнес он.

– Чего? – спросил я, чтобы потянуть время.

– Я жду объяснений по поводу поцелуя в метро.

Я заметил на его настольном календаре дату 21 июня и сказал:

– Я поздравил ее с началом лета.

Подумав немного, он произнес:

– Поцелуй разрешен в полночь 31 декабря, а не в первый день лета.

– Я решил ввести новый обычай, – возразил я.

Он не мог сдержать улыбки и покачал головой. Но в течение двух недель мы были лишены права ходить в кино.

Брижит было все труднее сносить принуждение со стороны родителей. Чувствуя себя ущемленной, она нервничала и, не видя конца своим мучениям, теряла надежду, часто плакала, и мне никак не удавалось ее успокоить. Однажды мы задержались на три часа, возвращаясь домой. Господин Бардо следил за нами с балкона. Он был в истерике. В то время как я прощался с Брижит перед дверью дома, нам на голову упала горсть монет.

– Ай! – воскликнула Брижит, подобрав двухфранковую монету, упавшую ей на голову. – Это на завтрашнее метро.

Открыв ей дверь, он устроил страшную сцену.

– Я больше не могу вам доверять, – заключил Пилу. – Ты больше никогда не увидишь Вадима!

На другой день, не ведая о запрете господина Бардо, я позвонил в дверь. Открыв ее, Брижит прижала палец к губам и сказала, что мне вход воспрещен. Я как раз собирался уехать на время к маме в Ниццу из Парижа, сказав, что мне плохо работается на Орлеанской набережной, что вдали от столичных соблазнов я быстро закончу обещанный Марку Аллегре сценарий и через три дня вернусь.

Брижит спокойно и грустно посмотрела на меня. Потом, поцеловав меня на прощание в губы, она глядела, как я спускаюсь вниз в лифте. Если бы она мне рассказала про сцену с отцом накануне, я бы наверняка никуда не уехал. А она лишь бросила на прощание вместе с воздушным поцелуем: «Не забывай бедную Софи!»

В тот самый момент, когда я садился в поезд Париж–Ницца, Мижану, Тоти и Пилу собрались поглазеть на впервые за одиннадцать лет подсвеченные памятники – Триумфальную арку, собор Парижской Богоматери, обелиск на площади Согласия и Пантеон. Эта «премьера» призвана была отметить окончание эпохи военных лишений. Париж снова становился Городом огней.

– Поторопись! – крикнула Мижану. – Ты еще не причесана.

– Я останусь дома, – сказала Брижит. – Я плохо себя чувствую.

Проводив родных, Брижит вернулась в свою комнату. Сидя на постели, она гладила старого плюшевого мишку, с которым не расставалась с пяти лет. Смотрела на стены, на которых были приколоты семейные фотографии и ее в пачках совсем маленькой рядом с программкой Реннской оперы, на сцене которой состоялось ее первое публичное выступление. Коллекция плюшевых зверушек была разложена на столике из черешневого дерева вместе с пачкой почтовой бумаги, коробкой для нот и несколькими засохшими листьями.

Она встала и подошла к овальному зеркалу, купленному на блошином рынке. Брижит любила старые вещи, новые ее пугали.

«Бедняжка Софи», – сказала она своему отражению.

Внезапно почувствовав себя очень плохо, она легла на постель. Ее била лихорадка. «Я умру», – подумала она.

В тот же самый момент, сидя в вагоне поезда, уносившего меня в Ниццу, я испытал чувство внезапного страха. Отложив книгу, я задумался о причине этого внезапного недомогания, от которого у меня сильно билось сердце. Мне показалось, что полированные стены купе приблизились ко мне. Я словно оказался заперт в камере. Я думал о Брижит. Мне захотелось вернуться в Париж. Обнять ее. Я никогда раньше не испытывал подобной физической и одновременно психологической пытки.

Помнится, у меня возникло совершенно нелогичное желание выйти из вагона, чтобы вернуться в Париж. Но обратного поезда не было до утра. Я не мог уснуть всю ночь. Потом, когда я увидел, как встает солнце над кипарисами и оливковыми деревьями Воклюза, мои страхи утонули в синем море, появившемся за холмами Кассиса.

Мне известно, что подобный феномен телепатического общения бывает у близнецов.

Со мной это тоже происходило несколько раз, но только в связи с Брижит.

После того как шестнадцатилетняя Брижит поправилась и снова

обрела радость жизни, ее мать сказала:

– Если через два года ты будешь по-прежнему любить Вадима и он тебя, мы позволим тебе выйти за него замуж.

На вилле мамы не было телефона, я позвонил Брижит с почты. Она сказала:

– Я люблю тебя. Заканчивай скорее работу и возвращайся побыстрее, мой дорогой. Мне плохо без тебя.

Моя мать любила Брижит, но говорила: «Она внушает мне страх», – считая, что та слишком жадно стремится к счастью. «Брижит никогда не вырастет. Думаю, она навсегда останется ребенком. Чтобы быть счастливым, надо уметь любить. Она страстная натура, но не умеет любить». Думаю, мама хотела сказать, что, слишком на многое надеясь, слишком многого требуя от жизни и любви, Брижит умела быть счастливой лишь в короткие мгновения. Я называл это любовной хворью. И сравнивал ее с Ланселотом, рыцарем грез, со слишком способным ребенком, отправившимся на поиски невозможного. Грааль Брижит был не спасением в мужчине, а лишь ее собственным счастьем. Она это бессознательно понимала: но подобному волшебному камню, идеально отделанному бриллианту не было места на земле.

Когда я вернулся из Ниццы, Брижит сказала, что не хочет ждать восемнадцатилетия, чтобы жить со мной. Она где-то вычитала, что в Шотландии можно пожениться без согласия родителей, не будучи совершеннолетними. Стоило большого труда убедить ее, что подобный, пусть и романтичный и необыкновенный, брак не будет узаконен во Франции. Мне претила мысль быть отправленным господином Бардо в кутузку за соращение малолетней. Перспектива увидеть своего любовника за решеткой напугала Брижит. Она решила потерпеть два года.

5

После нашего официального обручения и ее восемнадцатилетия свадьба была назначена на декабрь 1952 года.

По случаю рождества она впервые получила разрешение

провести восемь дней со мной. Оставив свой дом в Ницце, моя мать сняла маленький домик в трех километрах от Сен-Тропе, где мы могли остановиться, а сама взяла на себя роль надсмотрщика. После долгих переговоров Пилу вручил ей список неукоснительных правил, которых нам следовало придерживаться:

...Брижит и Вадим не имеют права уходить из дома, не поставив в известность куда и зачем.

...Они имеют право на тет-а-тет лишь два раза в неделю.

...Возвращение домой – не позднее полуночи.

...Следить за одеждой Брижит. Не подавать ей первый завтрак, когда она в ночной сорочке.

Моя мать обещала соблюдать эти правила и сдержала слово.

Однако Пилу не учел главного. Ему было настолько очевидно, что у нас будут отдельные комнаты, что он не дал никаких инструкций на сей счет. Таким образом, мы с Брижит впервые спали в одной постели, не вздрагивая при малейшем шорохе в коридоре.

Я подарил маме машину «бугати» с откидным верхом, заплатив 50 000 франков. На этой старой развалюхе мы ездили в порт Сен-Тропе, играли с приятелями в «детский футбол» в тех самых бистро, которые сегодня оккупируют миллиардеры: «Горилла», «Пересадка», «Кафе искусств». Мы колесили по проселочным дорогам, подчас вынужденные подталкивать «бугати», если она застревала на месте, словно упрямый осел. А на обратном пути набирали хворост для камина в нашей комнате. И занимались любовью в отражении его пламени.

Дата возвращения неумолимо приближалась. Брижит испытывала что-то похожее на шок. Ей не хотелось ехать в Париж.

– Увези меня куда-нибудь, – просила она.

– Куда?

– В Италию, Испанию, на Таити. Если ты отвезешь меня к родителям, мы никогда не будем счастливы.

Это было ребяческое неблагоразумие, но в каком-то смысле она была права. Ее не следовало отпускать, не следовало принимать всерьез гнев и угрозы родителей. Брижит исполнилось 17 лет, и я считал, что наказание за соращение малолетней мне уже не

угрожает. Я и сам был молод. Но возобладал разум. Был ли это только разум?

Вернувшись в Париж, Брижит очень переменялась, в ней словно что-то надломилось. У нее в руках был Грааль, а она его теряла.

Всякий раз, отпуская вожжи, Пилу тотчас стремился исправиться, компенсируя свой либерализм вспышками пугавшего Брижит гнева. Однажды она позвонила мне на Орлеанскую набережную, говорила шепотом, и я понял, что случилось что-то серьезное.

– Мне надо с тобой немедленно встретиться.

– Приезжай, я жду тебя.

– Не там – слишком опасно.

– Тогда на площади Сен-Мишель, при выходе из метро. Идет?

Через полчаса мы встретились в условленном месте. Брижит была бледна и бросилась мне на шею.

– У тебя есть револьвер? – спросила она.

– Тебе прекрасно известно, что нет. А в чем дело?

– Тебе надо им обзавестись немедленно.

Из ее сбивчивых объяснений я понял, что Пилу вызвал ее к себе в кабинет, открыл ящик стола и сказал: «Смотри». Брижит наклонилась, чтобы разглядеть.

– Что это такое? – спросил Пилу.

– Хм... Пушка, – слегка озадаченно ответила Брижит.

– Не смей говорить «пушка», это называется револьвер, – уточнил Пилу. Так вот, если я когда-нибудь узнаю, что ты была любовницей Вадима, я убью его.

Слишком взволнованная, чтобы должным образом оценить угрозу, Брижит отправилась к матери, которая как раз была занята макияжем.

– Мамочка, Пилу перегрелся на солнце.

– Вряд ли, – ответила Тоти. – Уже две недели идет дождь.

– Его нельзя выпускать из дома.

И Брижит рассказала о состоявшемся разговоре.

– Я совершенно согласна с твоим отцом, – спокойно заметила Тоти. – Могу добавить, что, если тебе придет в голову переспать с

Вадимом до свадьбы, а Пилу передумает, револьвером воспользуюсь я.

– Вы шутите?

– Ничуть.

Я был совершенно уверен, что ни Тоти, ни Пилу никогда не доведут дело до суда ради спасения чести дочери. Они просто пугали ее, не зная, что опоздали.

Покинув площадь Сен-Мишель, мы двинулись вдоль набережной. Никакие аргументы не убеждали Брижит.

– Относительно мамы ты, вероятно, прав, – сказала она. – Но я знаю Пилу, он способен на все.

– Допустим, я приобрету револьвер и твой отец действительно явится вооруженным. Разве я смогу его убить?

– Я предпочитаю остаться сиротой, чем вдовой.

– Ты не будешь вдовой. Ты не замужем.

– Не придирайся к словам, – рассердилась Брижит. – Замужем или не замужем, я все равно буду вдовой.

Оставался последний аргумент.

– А что ты скажешь нашим детям, когда они вырастут? Что их папа убил дедушку?

– Я не хочу детей.

Чтобы ее успокоить, я позвонил приятелю Жан-Полю Фору, чей брат коллекционировал оружие, и тот одолжил мне кольт, бывший на вооружении американской армии. Мне даже не пришлось его зарядить. Но подобные детали Брижит не интересовали.

Чтобы заслужить руку принцессы, мне надлежало выполнить два условия: найти постоянную работу и выучить катехизис.

Мои отец и мать были вольнодумцами. Но, чтобы доставить удовольствие бабушке Племянников, меня трех лет какой-то поп окунул в купель и объявил православным. Таким образом, мне не надо было принимать католичество. Тем не менее, чтобы обвенчаться в соборе и воспитывать детей в лоне церкви их матери, пришлось изучать Новый и Ветхий Завет, лютеранские и кальвинистские ереси (дабы спасти будущих детей от происков дьявола) и выучить более двадцати молитв на все случаи жизни, которые читают перед

трапезой, отходя ко сну, при отпевании, в знак раскаяния и др. Мне предстояло также пойти на исповедь. Все это очень забавляло Брижит, тем более что священник, приставленный ко мне в качестве ментора, был тот самый, который пестовал ее в раннем детстве. Сей кюре был вполне светским и искренним человеком. Я узнал от него много полезных вещей, способных удовлетворить мое извечное любопытство.

А вот найти постоянную работу оказалось не таким простым делом. Во Франции, как и в США, студии не заключают годовых контрактов. Да я бы и не согласился на подобное рабство. Как быть?

Оставалась журналистика. Тогдашний директор «Пари Матч» Эрве Милль был одним из самых блестящих людей своего времени. Вместе с братом Жераром, способным художником, они принимали в своем особняке на улице Варенн кого угодно. Это был самый открытый и одновременно закрытый салон Парижа. Открытый в том смысле, что ни возраст, ни состояние, ни известность не служили критериями для того, чтобы перед ними не раскрылись его двери, а закрытый – потому что для того, чтобы быть там принятым, в расчет принимались только талант, ум, способность оригинально мыслить и проявлять дерзость. Завсегдатаями на улице Варенн были молодые люди и девушки, из которых многие прославились как репортеры, фотографы, актеры. Здесь бывали гениальные приживалы, которые возвели свой отказ работать в степень искусства, непризнанные поэты. На улице Варенн можно было встретить Этьена де Ротшильда, принцессу Савойскую, Али Хана, Жана Жене, Жана Кокто, Марлона Брандо.

Жерар и Эрве Милль обожали Брижит. В тот вечер, когда я представил ее своим друзьям, нас сопровождал ее отец. Пожав руку Мари-Лор де Ноай, генералу Корнильон-Молинье, Жюльетте Греко и молодому американскому сенатору Джону Ф. Кеннеди, успокоенный Пилу покинул нас.

Среди гостей оказалась женщина, чьи любовные приключения неизменно привлекали внимание всех газет. Директриса театра Симона Бери вела бурную жизнь. Достигнув пятидесяти лет, она остепенилась, но продолжала забавлять своими выходками. Чтобы

насмешить собравшихся, она решила выбрать в качестве объекта Брижит.

– Вы девственница? – внезапно спросила она ее, надеясь смутить малышку и заставить покраснеть. Но не такую напала.

– Нет. А вы, мадам?

Последовал дружный смех собравшихся.

Брижит выиграла матч в первом раунде.

Особняк на улице Варенн стал местом, где мы могли встречаться без всякого страха. Господину Бардо было невдомек, что тут говорили не только об искусстве и политике и что вечера проходили очень весело.

Впрочем, возвращаться домой Брижит должна была все равно к двенадцати ночи.

Эрве Милль взял меня в штат «Пари Матч», и я с удовольствием занялся журналистикой. Зарплата была весьма скромная: 80 000 франков (плюс премиальные и деньги на разъезды).

Пока ТВ не перехватило власть у прессы, такие издания, как «Пари Матч», занимали важное место, это было одно из самых престижных изданий. На зависть своим коллегам, здесь успешно работали человек двадцать репортеров и фотографов, готовых на все, способных на все, располагавших возможностями, которые и не снились большинству журналистов. Мы составляли настоящую шайку, у членов которой были свои правила, свой язык (большинство словечек, рожденных тут, потом вошли в словарь), свой специфический стиль поведения.

Сфера наших интересов была очень обширная: искусство, спорт, революции, войны, несчастные случаи или природные катаклизмы – нас видели повсюду. В то время как коллеги натыкались на закрытые двери, короли и принцессы, парашютисты Индокитая, наемники, «звезды» и политики давали нам интервью.

Меня охотно приняли в этот частный клуб, тем более что большинство репортеров и фотокорреспондентов были давно знакомы. Но главным образом потому, что я тоже принадлежал к расе умевших выпутываться, благородных и циничных мальчишек, прошедших суровую школу жизни при оккупации.

Но приключение подчас обходится очень дорого. За десять лет погибли десять человек, больше половины моих друзей. Одни в дорожных авариях и авиакатастрофах, другие – в Индокитае, в Африке... в Будапеште, на Суэце и на Кубе...

Хотя уезжал в командировки всегда я, случилось однажды, что наши роли поменялись. С согласия родителей, которым был знаком владелец лайнера «Иль де Франс», Брижит согласилась танцевать для участников круиза к испанским островам в Атлантике. С нею поехала подруга Капюсин. Та не разыгрывала банальную дуэнью, ибо была одной из самых известных моделей в начале пятидесятых годов. Но Капюсин пообещала не спускать с Брижит глаз. Несмотря на раскачивающийся пол и несколько неудачных па, прима-балерина «Иль де Франс» имела огромный успех. Ей было очень весело. Но именно после этого круиза она решила бросить балет.

– Я не смогу быть балериной и вечно разлучаться с тобой.

Это было непростое решение. Она понимала, что отказывается от своей заветной мечты, своего единственного желания – стать прима-балериной. Никогда потом, даже после самых крупных ссор, она не упрекала меня за эту жертву. Она перевернула страницу, сделала выбор и отвечала за этот поступок.

У Брижит любовь всегда стояла впереди призвания.

После того как Брижит решила расстаться с балетом, мысль о том, чтобы начать сниматься в кино, уже не казалась ей столь нелепой. Ей было известно, что я стремлюсь сделать карьеру режиссера. Став актрисой, она могла бы работать вместе со мной.

Прежде, бывая в гостях у Марка Аллегре и в ряде других случаев, Брижит видела, что привлекает внимание продюсеров и режиссеров. Но неизменно отказывалась от их предложений. Теперь она дала согласие сняться в роли наивной девчонки в неосентиментальной и, к счастью, обреченной на забвение комедии.

Ее партнером был Бурвиль, гениальный комик, но тогда игравший лишь второстепенные роли. Однажды мы заговорили с ним о Брижит, и он сказал:

– Она будет «звездой». Жаль только, что Брижит не любит эту профессию.

Помимо того, что съемки велись в 80 км от Парижа, ни название картины «Нормандская дыра», ни сценарий, ни режиссер не радовали ее. Находясь на некотором расстоянии от Парижа, она была избавлена от бдительного ока родителей, но зато была в часе езды от своего возлюбленного. Начав работать в «Пари Матч», я приобрел машину «симка аронд», куда менее живописную, чем «бугати», но зато обладавшую большой скоростью и надежностью.

Первый фильм не стал для Брижит откровением. Она охотно и старательно выполняла указания режиссера, но считала дни до окончания съемок. А также до 20 декабря, даты нашего бракосочетания.

– Вечно считаешь минуты, отделяющие тебя от счастливого события, забывая, что смерть все равно вычтет их из твоей жизни, – говорила она. – Смерть – это единственный банкир, который обогащается на потере капитала.

Спустя несколько лет Брижит вернулась к разговору о смерти:

– Она сводит меня с ума! Так что иногда появляется желание смешать карты и добраться до нее раньше времени, без предупреждения. Вызвав при этом ее ярость, можно будет сказать: а я тебя перехитрила!

Каково же было удивление постановщика фильма Жана Буайе, когда он увидел, сколько журналистов съехалось на съемки его фильма ради Брижит Бардо. Конечно, это произошло не без моего участия, но я ведь не мог оказать затем влияние на их оценки. То обстоятельство, что я всего два месяца работал в «Пари Матч», не могло отразиться на притягательной силе Брижит. Я первый попал под ее обаяние, и не требовалось слов, чтобы понять тот факт, что маленькая романтическая балерина оказалась настоящей сиреной. Ее голос, обнаженное тело и пение притягивали моряков к подводным камням модернизма. Она становилась известной еще до того, как ее увидели.

Налицо была какая-то загадка Бардо. Но она совершенно не отдавала себе в этом отчета. И только повторяла: «Какая скучища эти журналисты!»

Она была тогда брюнеткой.

Спустя две недели ей предстояло отправиться на Корсику сниматься в картине «Манина, девушка без покрывала». Постановщик картины был с большими амбициями. Он хотел снять эротический фильм. Цензура не помешала всем увидеть Брижит в одном бикини, выходящей из моря.

Кругом стали поговаривать о неотразимом обаянии малышки Бардо.

Столь подверженные всяческим условностям, Пилу и Тоти были поражены, увидев дочь на экране в малюсеньком бикини. Эти благопристойные люди со своей моралью решительно отказывались измениться.

Я посоветовал Брижит сняться в этих фильмах, прекрасно сознавая, что им не грозит оказаться в Синематеке господина Ланглуа. «Раз ты решила сниматься в кино, – сказал я ей, – следует начинать с чего-то попроще, без претензий. Никто не осуждает художника, работающего по воскресеньям на площади до тех пор, пока ему не взбредет выставиться в модной галерее».

В качестве примера я приводил судьбу некоторых актеров, чья карьера, начавшись у крупных режиссеров, обрывалась очень быстро. От их второго фильма ждали слишком многого, а они к этому не были подготовлены. Вот и приходилось начинать с нуля, с риском быть преданным забвению. «Не слушай людей, – говорил я, – которые советуют отказываться от предложений в надежде, что позвонит Рене Клеман, Анри-Жорж Клузо. Они ничего не смыслят в нашем деле».

Чтобы себя проявить, таланту нужно время. На свете мало Маяковских, Раймонов Радиге или Артюров Рембо. К тому же они умерли очень рано. А молодость является помехой для актеров.

В сентябре госпожа Бардо купила для нас маленькую квартиру, состоявшую из спальни, столовой и кухни.

– Я не собираюсь поощрять вашу лень, – сказала она мне. – Но вам нужно гнездышко, чтобы побороть свои дурные привычки. После свадьбы вы получите эту квартиру на три года.

Пилу по-прежнему проявлял бдительность. Он говорил мне:

– Некоторое время я думал о вас плохо. Вы порядочный человек.

Как бы это ни звучало наивно и старомодно, но я счастлив, что моя дочь отправится в постель супруга девственницей. Дай-ка я тебя поцелую.

И он поцеловал меня на французский лад – в правую и левую щеки.

Этот человек из третичного периода, которого Брижит называла динозавром, очень мне нравился. Все разделяло нас, но я понимал его.

Спустя двадцать лет мы предали земле его прах на красивом морском кладбище в Сен-Тропе. Я только что вернулся из Штатов «вдовым» после очередного развода. Брижит не позвала меня на похороны, и я смешался с толпой друзей и зевак, направлявшихся к месту захоронения, чтобы попрощаться с Пилу. Его опустили в могилу, куда больше не заглянет солнце. Послышался звук, отделяющий будущих мертвецов от нынешних. И возникло молчание, призывавшее к тому, чтобы благоговейно подумать об усопшем. Увидев меня, Брижит обернулась и сказала:

– Видишь, как он со мной поступил?

Брижит так долго ждала и столько надежд вложила в этот брак, что он стал для нее наваждением, абстракцией. То было не началом новой жизни, а, скорее, окончанием периода страхов, неуравновешенности, повседневной фрустрации.

Случалось, что я оставался ночевать на улице Помп. После ужина мне стелили на диване в столовой.

Однажды, еще не совсем проснувшись, по дороге в ванную я услышал голос Брижит, обсуждавшей с матерью цвет занавесок в нашей будущей квартире. В это мгновение я особо остро осознал свою чужеродность, странную прививку на древе этой семьи. Я не принадлежал к их расе.

Когда я вошел в ванную, чтобы почистить зубы, туда тотчас пришла Брижит. Прижавшись ко мне и не обращая внимания на зубную пасту, она поцеловала меня в губы.

– О Вадим, – сказала она, – осталась неделя. Я так счастлива!

6

Подвенечное платье, сшитое у мадам О., модной портнихи с улицы Пасси, по рисунку Брижит, не уступало моделям «звезд» в коллекции Жака Фата или Балансиаги. Оно предназначалось для венчания в церкви Отея в воскресенье.

Гражданский брак был зарегистрирован накануне в мэрии XVI округа. Новобрачная была в юбке и пиджаке, новобрачный – в синем костюме с галстуком в тон.

Запутавшийся при произнесении моей фамилии, мэр выступил с речью, в которой подчеркнул значение международных браков для дела мира во всем мире. Он приветствовал наш союз как символ франко-русской дружбы. Брижит с трудом сдерживала смех. Выйдя из мэрии, она бросилась мне на шею.

– Наконец-то это случилось! Я госпожа Племянников...

К обеду на улице Помп были званы только члены семьи и несколько близких друзей.

К одиннадцати часам я отправился в спальню Брижит, где она меня дождалась, лежа в постели в одной весьма романтической и полупрозрачной сорочке. Так и лучилась счастьем. Я присел рядом. Спустя полчаса явился Пилу.

– Мой дорогой Вадим, мне кажется, вам пора удалиться.

– Куда удалиться? – ничего не понимая, спросила Брижит.

– Мы постелили ему в столовой, – ответил Пилу.

– Но мы женаты, папа. Вы разве забыли? Вы расписались. Мама расписалась, свидетели тоже. Вадим сказал «да». Я ЗАМУЖЕМ... ЗА-МУ-ЖЕМ...

– Вы станете мужем и женой завтра после церкви, – невозмутимо произнес Пилу.

– Он сошел с ума! – воскликнула Брижит, выпрямляясь в постели. – Папа сошел с ума. Люди, на помощь! Пилу спятил!..

– Не разыгрывай девочку, Брижит, – произнес господин Бардо. Его лицо опасно скривилось, и рот превратился в тонкую прямую линию. – Сегодня утром состоялась лишь неизбежная формальность, не более того. Вадим станет твоим мужем завтра после венчания в

церкви.

Брижит, пунцовая от возмущения, готова была взорваться.

– Я буду эту ночь спать с мужем. На улице, на тротуаре, коли понадобится!

Казавшаяся мне сначала комической, эта сцена стала приобретать драматический характер. Я попросил Пилу оставить нас одних.

– Только этого не хватало! – кричала Брижит. – Я жду этого права три года. Я замужем! Все по закону! Я буду спать и заниматься любовью с мужем в своей постели. Или в его, или Папы Римского, наплевать где! Я не останусь сегодня ночью одна!

– Ты ждала этого три года, – сказал я. – Обождешь еще одну ночь.

– Никогда! Сбросив сорочку, она подбежала к шкафу.

– Я оденусь, и мы уйдем.

Перехватив ее, я прижал Брижит к себе. Немного побрыкавшись, она успокоилась. Я объяснил, что в этот вечер мы не можем наплевать на волю родителей. Как ни смешно, но мы должны проявить здравый смысл. Я не хотел, чтобы она когда-нибудь пожалела, что порвала с родителями.

Брижит в конце концов успокоилась и даже рассмеялась.

– Значит, брачную ночь ты проведешь один в столовой? Такое может произойти только с тобой!

Так и случилось, что я провел эту ночь один на тесном диване, женившись на одной из самых очаровательных парижанок, о которой будет написано, что она была недосыгаемой мечтой всех женатых мужчин на земле.

Мы согласились на брачную церемонию в церкви, чтобы доставить удовольствие родителям Брижит. И были поражены, испытав волнение во время службы в набитой до отказа друзьями церкви. Орган, голос священника, резонирующий под куполом, свет, проникавший через витражи, магия сотен горевших свечей, торжественное настроение толпы – все это было, вероятно, театром, но театром, который волновал душу.

Мой шафер Марк Аллегре выглядел очень взволнованным. Мать и сестра, которых я не считал чувствительными к таким вещам, плакали. Брижит не спускала с меня глаз. Ее приоткрытые губы дрожали. Две слезинки медленно ползли по щекам.

К жизни нас вернули после церемонии вспышки фотографов и аплодисменты друзей. Прием в квартире Бардо очень удался.

С наступлением ночи мы спустились вниз на стареньком лифте без потолка, который так часто разлучал нас прежде. Чемоданы уже были в «симке-аронде». Уважая традиции, мы отправились в свадебное путешествие.

Доехав до Фонтенбло, Брижит попросила остановиться на краю шоссе.

– Мне страшно, – сказала она.

– Чего ты боишься?

– Всего. Я хочу вернуться в Париж на квартиру родителей.

Я не стал напоминать, что накануне она хотела сбежать из нее среди ночи. Я понимал, что этот внезапный кризис не был ни игрой, ни капризом. Будущее и дальние страны всегда пугали Брижит. Межев, куда мы направлялись, находился всего в пятистах километрах, а ее жизнь начиналась на обочине шоссе, которое вело в неизвестность.

Проплакав полчаса на моем плече, она успокоилась. И больше никогда не говорила о возвращении к родителям.

В конце 1952 года еще никто не знал, кто такой Роже Вадим. Не думаю, что статья, появившаяся три года назад, в которой говорилось обо мне как о самом молодом сценаристе Франции, оставила какой-то след. А Брижит, которая уже много снималась, еще никак нельзя было назвать «звездой». Поэтому мы были очень удивлены, увидев, как широко газеты осветили нашу свадьбу. В «Пари Матч» она занимала четыре страницы. До сих пор такой чести удостоивались лишь коронованные особы и «звезды». А я-то считал, что приглашенные на свадьбу друзья снимали для семейного альбома.

И это была еще одна загадка Бардо.

Мы зарезервировали номер в симпатичном отеле «Жерентьер». После нашего пребывания там справочник «Мишлен» прибавил

отелю еще одну звездочку.

Наши первые раздоры начались во время партии в «монопольку». Всегда спокойный в самые трудные минуты жизни, я орал, проигрывая в этой детской игре, и Брижит возмущалась моей бессовестностью.

– Ты попал на улицу Мира и должен мне 95 франков.

– Я вытянул шестерку и нахожусь в отправной точке.

– Ты вытянул пятерку. Ты на улице Мира!

Я хороший лыжник, и Брижит было не угнаться за мной. Сидя на террасе ресторана, она загорала на солнце. Единственный вид спорта, который она признавала, был плавание брассом. Придя на футбольный матч, она никак не могла понять, почему все игроки бегают за одним мячом. «Надо дать им несколько, они перестали бы спорить», – говорила она.

Ночи в Межеве были оживленные и веселые. Но Брижит мечтала о скорейшем возвращении в Париж. Ей хотелось заняться меблировкой и отделкой нашей квартиры.

Для девушек, мечтающих постичь рецепт успеха, читателям, замороженным теми путями, которые приводят к славе, спешу сказать, что будущей международной «звезде» было в высшей степени наплевать на появление ее фото в «Пари Матч» и на новые контракты. Она мечтала о цветном ковре в гостиной и высчитывала шансы на получение от матери лиможского розового фарфорового столика.

Квартирка на улице Шардон-Лагаш была маленькая, но солнечная. Довольно широкий балкон, позволявший разместить там цветник, выходил на полицейский участок. Лифта в доме не было, и приходилось взбираться на четвертый этаж по узкой лестнице. Консьержка мадам Ледье была очень старая, очень нежная и очень сентиментальная особа. Ее лучшего друга и сожителя звали Тино. Это был длиной в семь сантиметров от клюва до хвоста серый соловей. Именно он бывал причиной нервных срывов своей хозяйки. Если Тино переставал петь, мадам Ледье не раскладывала почту по ящикам и не мела лестницу. Я так и не смог понять, зависело ли настроение Тино от перемены погоды или от психосоматических страхов.

Несомненно было одно: комфорт жильцов дома 72 по улице Шардон-Лагаш зависел от него. Иногда по утрам мадам Ледье умилялась: «Он поет». И все понимали, что в течение недели в доме будет порядок.

Брижит принимала всерьез свои обязанности хозяйки дома. Родители одолжили нам квартиру, но без мебели. Первое время мы спали на матрасе на полу. Можно рассказать много трогательных сцен о том, как молодые супруги день за днем обустроивали свое гнездышко. По правде говоря, я не очень интересовался мебелью, шторами и кухонной утварью. Я даже не помню тот день, когда нам доставили постель. Я лишь досадовал, когда надо было выносить мусор, и жалел об отсутствии телефона.

У Брижит было странное понятие об экономии. Она тратила целое состояние на такси и могла поехать на другой конец Парижа за отрезом, который стоил на тридцать сантимов меньше, чем в соседнем магазине. Я ей как-то заметил, что ее экономия нам дорого обходится.

– Ты ничего не понимаешь, – ответила она. – Это вопрос принципа. Какой смысл платить за бархат 6,40 франков, когда его можно купить за 6,10.

Моей зарплаты хватало нам на жизнь, но не на оплату мебели. Брижит предложили сняться фильме. Для этого пришлось бы ехать в Ниццу. Перед ней встала серьезная проблема. Ей нужны были деньги, чтобы обставить квартиру, но не хотелось уезжать из Парижа. Поэтому она согласилась сыграть в пьесе Жана Ануя «Приглашение в замок». Это был настоящий вызов. Самые выдающиеся актеры мечтали играть в пьесах Ануя. Режиссер Андре Барсак неохотно уступил, как он считал, капризу автора. Справится ли с ролью неопытная дебютантка? Обычно не ходивший в кино, Ануй где-то увидел кусочек «Нормандской дыры». Брижит его удивила и пленила.

Уже на первых репетициях в театре «Ателье» она осознала, во что впуталась.

– Я с ума спятила, – сказала она мне. – Придется потерпеть с ковром и диваном. Я откажусь.

Мне удалось убедить ее не соскакивать с идущего поезда, и я

помог ей, репетируя с ней дома, войти в образ героини. Я обещал ничего не говорить об этом Андре Барсаку, одному из самых уважаемых театральных режиссеров Франции. Такова уж гордыня великих людей. Она столь же чувствительна, как попка новорожденного.

И произошло чудо. В день премьеры Брижит удивила не только зрителей, но и своих партнеров. Ее реплики били в цель, она вызывала смех в нужный момент. А шарм, апломб и искренность заставили забыть недостаток опыта. Критики не признали в ней новую Сару Бернар, но не скрывали своего благожелательного впечатления. Это был удачный ход молодой дебютантки, о которой злые языки говорили, что своему успеху она обязана изяществу талии.

Этот успех не вскружил голову Брижит. Она объективно признавала, что хотя и справилась с ролью, но еще не созрела для театральной карьеры. К тому же ей не нравилось играть каждый день много недель подряд одну и ту же роль. «Вот и подтверждение, что я не создана для театра», – говорила она.

Тем временем наша квартира приобрела вполне приличный вид, и мы часто приглашали к себе друзей. Брижит готовила еду, но не была искусной поварихой. Однажды, когда у нас была сестра Кристиана Маркана Лилу, из кухни повалил густой дым. Вспыхнул жир в кастрюле с тушеным мясом, и из духовки вырывались языки пламени. Лилу стала заливать огонь водой, а это только усугубило ситуацию. Потеряв голову, Брижит захлопнула дверь на кухню, где находилась ее подруга. Лилу стучала кулаками, но Брижит отказывалась отпустить ручку.

– Ты спятила! Сейчас же открой! – закричал я.

– Если я открою, сгорит моя мебель, – ответила она.

Я оттолкнул ее и спас Лилу от огня. С помощью тряпки мне удалось погасить пламя в зародыше.

Мы часто ссорились, и иногда весьма бурно. Но в этих ссорах было что-то ребяческое. Я вспоминаю, как мы ругались, как обижали друг друга, но совсем не помню из-за чего. Однако историю с дверью я не забывал никогда.

Жаркий спор, начавшийся однажды после ужина, превратился в ссору в гостиной и достиг своего апогея на кухне. Внезапно, без видимой причины, Брижит успокоилась. Это совсем было на нее не похоже и должно было бы насторожить.

– Ты забыл отнести мусор, – бросила она. – Сходи, мой дорогой, будь так добр. Я обожду тебя в постели.

Я схватил ведро и вышел. Но, едва переступив порог, осознал свою ошибку. Однако было уже поздно... Брижит заперла за мной дверь и задвинула засов. Я был в пижамных брюках. В таком виде не могло быть и речи, чтобы воспользоваться машиной и отправиться к кому-либо из друзей, к тому же у меня не было ключа. Не лучшим выходом из положения было устроиться на ночь на лестничной площадке с мусорным ведром в обнимку.

Я попробовал выставить дверь плечом, но такое получается лишь в кино. Тогда я придумал другой способ. Площадка была узкая, и можно было, прижавшись спиной к стене, упереться ногами в дверь. Ярость утроила мои силы, ибо дверь внезапно подалась. Напуганная Брижит умчалась в спальню, куда я последовал за нею. Не помню себя в таком гневе. Мне хотелось ее побить, но я никогда не смел поднять руку на женщину. И сейчас, несмотря на весь свой гнев, я не мог на это решиться. Я был недоволен сам собой. Тогда я нашел довольно экстравагантный, но тогда показавшийся мне оптимальным выход. Уложив Брижит на ворсистый ковер и набросив на нее матрас, я стал прыгать на том месте, где находилась ее задница. Гнев мой постепенно прошел. Брижит же долго дулась, но не из-за моих упражнений на матрасе (ей не было больно), а из-за выломанной двери, которую пришлось заменить новой.

Четыре года спустя, когда мы решились развестись, адвокат Брижит допытывался у нее, какие она может перечислить претензии ко мне.

– У меня к нему нет претензий, – ответила она.

– Коли вы разводитесь, значит, есть что-то, в чем вы можете его упрекнуть.

– Нет, ни в чем. Мы часто ссорились, но виноваты были оба.

– Послушайте, мадам, я должен представить судье какие-то

основания. Постарайтесь вспомнить хоть что-нибудь.

– Ах, да, – сказала Брижит. – Есть одна вещь... Я буду этим попрекать его всю жизнь.

– Вот и прекрасно! Расскажите.

– Однажды он выломал дверь. А я только ее покрасила...

В свою очередь, я тоже не мог предъявить Брижит какие-то претензии. Она любила меня. Была мне верна. По крайней мере, я так думал. Кстати, если бы я узнал, что во время одной из своих поездок на съемки она изменила мне, я бы, вероятно, расстроился, но не стал бы кричать на каждом углу о ее измене. Мы умели развлекаться и смеяться. А ссорились, как балованные дети, любовники, и это было похоже на легкую зыбь, а не на бурю. Шум, ею вызванный, объяснялся столкновением двух сильных характеров, которые при этом не уничтожают себя. Наоборот, мы взаимно обогащали друг друга.

Подобно ребенку Брижит слишком многого требовала от тех, кого любила. Если на какое-то мгновение она лишалась их внимания, ее охватывал страх. «Я несчастна. Мне страшно», – повторяла она неоднократно. Работа в журнале принуждала меня к частым отлучкам, и это разрушало в ней что-то. Мое присутствие нужно было ей, как воздух. Днем, ночью, в Париже, во время съемок в провинции или за границей она звала на помощь, и я мчался к ней. А когда приезжал, бросив важную работу, настроение ее уже переменилось. Она напоминала ребенка, который утром забывает приснившиеся ночью кошмары. В этом смысле она была ужасной эгоисткой. Иногда мне подолгу приходилось увещевать, успокаивать ее. «Мне страшно, Вадим. Ты будешь любить меня вечно?»

Переменчивая в настроениях, она столь же быстро меняла свое решение. Могла отказаться от ужина, о котором договорилась неделю назад. Могла отменить встречу с журналистом, приехавшим к ней специально из Рима или Нью-Йорка. При этом даже не извинялась. Обедая с ней три дня назад, я услышал: «Ты один умел заставить меня переменить решение. Сегодня никто не способен это сделать, и мне так трудно».

Я прощал ей многие капризы, как прощал их потом своим детям.

Но ребенок вырастает и приспособляется к своему новому положению. Говорят, он достигает возраста разума. А Брижит так и не выросла. Напротив, чем больше успех привлекал к ней людей, тем большего благоговения она требовала к своей персоне. Не то чтобы она стремилась всеми командовать, все решать, как поступают сильные женщины. То была более изощренная форма тирании, неизбывная жажда любви к себе со стороны другого человека.

Брижит не отличалась предсказуемостью. Я был свидетелем того, как она кричала на прислугу по поводу купленных котлет и в тот же день могла подарить машину дублерше, жившей в пригороде и вынужденной вставать в пять утра, чтобы успеть на автобус.

За много лет до выхода фильма «И Бог создал женщину...», то есть задолго до того, как она стала «звездой», американская компания братьев Уорнер предложила ей сказочный контракт. Голос Ольги Хорстиг, импресарио Брижит, дрожал от волнения, когда она называла цифры: полторы тысячи долларов в неделю в первый год, две тысячи на второй и пять тысяч – на третий. Плюс дом с бассейном и машина.

– Это, значит, сколько?

Ольга перевела доллары во франки. Брижит аж присвистнула.

– Вот черт! – воскликнула она. – Оказывается, они в Голливуде привязывают собак колбасой.

Потом спросила, поеду ли я жить с ней в Америке.

– Естественно, – ответил я.

Контракт был подписан.

Только тогда Брижит поняла все, что ее ожидало. Много денег, конечно, слава в кинокоролевстве, но также необходимость жить в новой, не похожей на Францию стране, где не говорят по-французски. Ее охватила паника.

– Мне никогда не удастся там вырыть себе нору.

Вырыть нору означало создать на новом месте привычную обстановку. Изгнанные из своего логова лиса или заяц обречены, коли не найдут новую нору. То же самое относилось и к ней самой.

Она проплакала целые ночи напролет в течение недели. Мне никак не удавалось ее успокоить.

– Если я уеду туда, я пропала и умру, если останусь здесь, против меня возбудят дело и придется всю жизнь платить неустойку.

Я отправился к Ольге и как мог объяснил, что поездка Брижит в Голливуд невозможна. Ольга огорчилась, но ей удалось аннулировать контракт с «Уорнер».

После этого к Брижит вернулась улыбка, а ко мне – сон.

А поскольку счастье никогда не приходит одно, то именно тогда кто-то подарил моей жене черного трехнедельного кокера, которого она назвала Клоуном. Это был наш первый и единственный ребенок.

7

Большое достоинство Брижит заключается в полном отсутствии снобизма. Мы встречались с разными знаменитостями, но ни имя, ни размеры состояния не производили на нее никакого впечатления. Скорее, она сторонилась именитых людей. Ей нравилось ходить в гости, развлекаться, но она терпеть не могла светских приемов, где что ни человек, то известное имя. Повести ее на премьеру было целым событием. А среди наших близких были такие знаменитости, как Марлон Брандо.

Я познакомился с Брандо случайно. Однажды мы сидели с Кристианом Марканом в кафе на бульваре Монпарнас. Наше внимание привлек очень красивый парень за соседним столиком. Было лето, очень жарко. Разувшись и положив ногу на столик между «перно» и пепельницей, он массировал ее, испуская сладостные стоны, как бывает с женщиной на вершине оргазма. И только повторял: «Господи... как мне хорошо».

Завязался разговор, и сей Адонис рассказал, что много ходил, поэтому теперь с таким наслаждением массировал икры. Представился: Марлон Брандо. Один в Париже и проживает в ужасно неудобном отеле на левом берегу Сены.

Почувствовав неудержимое желание сбежать из Нью-Йорка, он улетел во Францию, где никого не знал. Он стал нам сразу симпатичен, и мы предложили ему поселиться в нашей квартирке на улице Боссано.

Лишь на другой день мы узнали, что Марлон – актер и недавно сыграл на Бродвее в пьесе Теннесси Уильямса «Трамвай „Желание“». В кино он пока не снимался. В Нью-Йорке его имя уже было известно, а у нас никто его не знал. С первой же встречи он стал для нас с Кристианом большим другом. Мы и сейчас похожи на трех братьев.

По непонятным причинам Брижит и Брандо так и не сумели подружиться. Они нравились друг другу, их отношения были довольно сердечными, но не более того. А ведь эти такие непосредственные и чувственные натуры призваны были понять друг друга. На Брижит внешность Брандо не производила никакого впечатления. А тот находил ее лишь пикантной бабенкой.

После нашей свадьбы Брижит еще не видела ни одного его фильма и в гениальности Брандо смогла убедиться совершенно случайно.

Кристиан, Марлон, Брижит и я провели довольно бурную ночь в «Клуб Сен-Жермен» в районе Табу, что около рынка, и пешком шли вверх по Елисейским полям. Мы изрядно выпили, но пьяны не были (Брижит никогда много не пила). Дойдя до Георга V у «Фукетса», Марлон заметил столы и стулья на террасе, связанные на ночь цепями, чтобы не вносить в помещение. Не говоря ни слова, он стал расставлять их по-своему на тротуаре. И показал нам сцену из «Трамвая», играя за Бланш, Стенли, Митча...

Занимался день. Елисейские поля исчезли. Мы находились в небольшой душной квартирке в Новом Орлеане. С помощью трех стульев и двух столов он один творил то, что называется магией театра. Первые, еще не проснувшиеся и угрюмые прохожие шли на работу. Они с любопытством останавливались, а затем уже, словно замороженные и плененные, не могли сдвинуться с места. Парижане – люди пресыщенные, на них трудно произвести впечатление спектаклем спозаранку. И тем не менее, не понимая по-английски, они сумели оценить талант в его чистом виде.

Существует убеждение, что это я «создал» Брижит Бардо. Но именно потому, что она еще никем не была «создана», ни общество,

ни родители, ни ее профессия не успели оказать воздействие на ее натуру. Она шокировала, обольщала, породила моду и в конце концов превратилась в миф, в секс-символ. Более или менее неприкрытая нагота существовала в кино всегда. Но радостная, дерзкая, безгрешная нагота Брижит не столько волновала, сколько раздражала людей. Чтобы шокировать тартюфов и моралистов, Брижит не требовалось раздеваться.

Во время моих неприятностей с цензурой после съемок фильма «И Бог создал женщину...» один из цензоров стал упрекать меня за то, что в одной из сцен Брижит выходила на глазах своего шурина из постели нагая. Я показал ему эту сцену еще раз. На Брижит был длинный до колен свитер. Но этот человек все равно видел ее раздетой. Он и сегодня уверен, что я тогда заменил кадр.

Нет, я не создал Брижит. Я лишь способствовал расцвету ее таланта, помогая освоить профессию и остаться самой собой. Я помог ей избежать склероза запрограммированных норм поведения, которые в любой профессии убивают талант, не позволяя ему идти вперед. Но главным образом я дал ей роль, идеально сочетавшую вымышленный образ с ее собственным характером в жизни. В карьере любой «звезды» всегда внезапно проявляется роль, словно предназначенная для нее. У Брижит это была Жюльетта в «И Бог создал женщину...». К тому времени она уже снялась в шестнадцати фильмах. Семнадцатый сделал ее «звездой».

У Брижит была привычка сбегать от репортеров и фотографов. Всю жизнь она их обманывала, а мне приходилось улаживать эти конфликты с прессой. Сама она никогда не искала рекламы. Но остается факт: ее появление всегда становилось событием.

Однажды она согласилась сняться во второплановой роли в английском фильме «Дилемма доктора» с Дирком Богартом. Это была приличная комедия, но отнюдь не событие года. Как обычно, продюсеры разослали в редакции фото французской «звездочки» с ее краткой биографией. Никто в Англии не видел ее фильмов. Но имя, наверное, было знакомо. И вот вместо полудюжины репортеров и фотографов на пресс-конференцию в отель «Дорчестер» явилось около тридцати. Она же никак не хотели выйти из номера (утверждая,

что мерзко выглядит), и когда наконец появилась, пирожки были съедены, шампанское выпито и пишущая братия пребывала в дурном настроении. И снова случилось чудо. Сработал магнетизм личности Брижит. На ней была простая шерстяная блузка, облегавшая тело, как перчатка. Она выглядела целомудренно и одновременно непристойно. Фотографы щелкали без передышки. Ее опоздание и отсутствие шампанского были забыты и прощены.

– Назовите самый прекрасный день в вашей жизни? – спросил один журналист.

– Ночь, – ответила она.

– Кем вы больше всех восхищаетесь? – спросил другой.

– Исааком Ньютоном.

– Почему?

– Он открыл закон притяжения двух тел. Раздался смех.

– Есть люди, которых вы ненавидите?

– Докторов, занимающихся вивисекцией на животных, и президента Эйзенхауэра за то, что он отправил на электрический стул супругов Розенберг.

Она умела так формулировать свои мысли, что те били прямо в цель. Например: «Когда у мужчины много любовниц, его называют Дон Жуаном. Когда у женщины много любовников, ее называют шлюхой».

На другой день она была на первых полосах «Дейли телеграф», «Ивнинг стандарт» и «Гардиан». С десятков других газет напечатали ее фото и писали о «французском секс-кокетстве».

После нашей свадьбы и до лета 1954 года она снялась в комедии давно забытого французского режиссера Андре Бертомье и в итальянской мелодраме-спагетти. Не больше пользы принесло ей участие в картине Анатоля Литвака «Любовный акт» с Керком Дугласом и в фильме Саша Гитри «Если бы мне рассказали о Версале».

К тому времени Брижит нашла свой стиль, приметам которого стали белокурая копна волос, челка и конский хвост или просто рассыпанные по плечам кудри. Обычно глубокий вырез блузки позволял видеть округлые груди и покатые плечи. Она разрешала

любоваться своей тонкой талией, платьем до колен, под которым виднелась пышная нижняя юбка, не скрывавшая голые ноги в маленьких лодочках. В других странах – в Англии и Италии, а также несоциалистических странах Европы – можно было встретить сотни таких же молоденьких девушек.

В 1954 году я сопровождал Брижит в Рим. Ее пригласил Роберт Уайз на роль наперсницы Россаны Подесты в итало-американской суперпродукции «Елена Троянская». Это был тот самый Рим с его сладкой жизнью, которую Феллини увековечит через несколько лет. Тогда «звезды» со всего света стремились попасть на студию «Чинечитта», прозванную «Голливудом на Тибре». Мы жили в номере с террасой на восьмом этаже отеля, расположенного наверху лестницы площади Испании. Из нашего окна и до самого горизонта были видны выкрашенные в охру и розовый цвет крыши вечного города.

Это была счастливая и, увы, недолгая пора, когда мы проводили время с итальянскими, английскими, французскими и американскими друзьями в ночных клубах, но главным образом во время ужинов под гитару, долгих прогулок за полночь по узким улочкам Трастовере, с ночными купаниями на пляжах Остии и Фрегоне в чистых водах Средиземного моря, без дегтя и химических отходов. Наркотики тогда еще не вошли в «моду», и римский рай не выглядел таким уж необычным.

Наш друг Даниель Желен привез в Рим очаровательную семнадцатилетнюю немецкую швейцарку. Бурная жизнь Желена пугала ее. Как-то раз вся в слезах и с дорожной сумкой на плече она пришла к нам в отель и попросила приютить ее.

– Моя дорогая, мы охотно приютим тебя, – сказала Брижит. – Но у нас всего одна, правда, очень широкая постель. Хватит и тебе места.

Таким образом, в течение недели я делил постель с Брижит Бардо и Урсулой Андрес. Быть может, я разочарую читателя, но не было никакого флирта, никакого секса. Брижит терпеть не могла любви втроем. Я испытывал некоторую неудовлетворенность. Но какая это была радость для глаз! Помнится, я сидел однажды на террасе, куда был подан первый завтрак. Через балконную дверь

солнце освещало две нагие женские фигуры. Загорелые, бесстыжие, они смеялись, откровенничая друг с другом. Лучи римского солнца ласкали их тела, добавляя новые краски к совершенству тел. Пересекая со скоростью 30 000 километров в секунду космические дали, эти лучи ласкали животы двух богинь в расцвете красоты. Никогда прежде ни в кино, ни в музеях перед великими полотнами мастеров я не испытывал такого восхищения этими творениями искусства...

Мне пора было срочно подумать о своем реноме. Мой кокер Клоун, обладавший несомненным шармом и блестящей шерстью, был куда больше известен, чем я. Мы часто ужинали с Брижит в «Элизе-клуб», куда приходили популярные деятели шоу-бизнеса. Однажды Брижит позвонила мне туда и сказала, что едет прямо домой. Гардеробщицы не было на месте. Я решил обслужить себя сам. И тут обнаружил приколотую к пальто записку «Господин Клоун». Гардеробщица знала Брижит и имя ее собаки, а не мое собственное. Если бы меня назвали «Господин Бардо», я бы остался равнодушен. Но «Господин Клоун»... Звание супруга королевы внезапно показалось мне невыносимым.

И я решил, что мой удел не приносить в журнал события, свидетелем которых пришлось быть, а самому придумывать истории.

Настало время взяться за работу. И всерьез.

8

Похоже, Брижит была уготована судьба вечной «звездочки». Первые убогие роли она сыграла в фильмах убогих режиссеров. Но двое ее продюсеров сумели занять первое место в европейском бокс-офисе. Недурно зарабатывая, они ничего не делали для артистического престижа Брижит. Крупные режиссеры – Марк Аллегре, снявший ее в картине «Будущие звезды» с Жаном Марэ, Рене Клер – в «Больших маневрах» с Жераром Филипом, предлагали ей лишь эпизоды.

Покинув «Пари Матч», я решил потратить все силы для написания сценариев. Упрямство и талант в конце концов должны

были принести плоды. Своим первым успехом я обязан Жану Кокто.

Марк Аллегре собирался снять для продюсера Пьера Бромберже фильм по роману Луизы де Вильморен «Жюльетта». Создание картины стало возможно только благодаря участию в ней Жана Марэ. За неделю до начала съемок он забраковал сценарий. Это была полная катастрофа для продюсера, который уже продал фильм. Аллегре призвал меня на помощь и попросил переписать сценарий. Существовала лишь одна проблема: Марэ должен был дать ответ не позднее чем через двое суток. «Жанно» спросил у Жана Кокто, может ли он положиться на молодого сценариста Марка Аллегре. Кокто ответил: «Вадима? Абсолютно. С закрытыми глазами». За пару дней я переписал сценарий, ввел новые диалоги. Я предложил на главную роль Брижит. Но несмотря на нажим со стороны Марка Аллегре роль получила тогдашняя «звезда» Дани Робен. Фильм имел огромный успех. Продюсер г-н Сенамо, узнав о моем подвиге, передал мне сценарий, предназначенный для постановки в Италии с актером Жаном Бретонньером, популярным в 1955 году опереточным певцом. Я дал согласие на двух условиях: главную роль поручат Брижит, а режиссером будет Мишель Буарон, ассистент Рене Клера. Время гениальных младенцев «Новой волны» еще не пришло. Мишель Буарон находился где-то посередине – между традиционным и незнакомым кинематографом. Прекрасный профессионал, он прошел у Рене Клера хорошую школу, так что продюсеры и прокатчики могли не беспокоиться. И тогда за отсутствием мэтра они пригласили ученика.

Впервые Брижит играла роль, написанную для нее на современном языке, работая с режиссером, воспитанным в классических традициях, но снимавшим свой первый фильм. И его картина «Эта проклятая девчонка» имела успех.

Я написал затем для Марка Аллегре сценарий еще одной комедии: «Обрывая лепестки маргаритки». То была работа на заказ. Оригинальный сюжет, придуманный продюсером, не обладал никакой оригинальностью. Девушка из приличной семьи, которую выгнали из дома родители, приезжает в Париж без гроша в кармане и поступает стриптизеркой в ночной клуб. Я все переделал, написав

забавную, романтическую и довольно сексуальную историю. В главной мужской роли должен был сниматься наш друг Даниель Желен.

Я в третий раз получил серебряную медаль. В Голливуде мне была бы обеспечена работа сценариста. Во Франции авторы не пользовались тем же престижем. Им плохо платили. Но Брижит превратилась из «звездочки» в признанную актрису, «приносящую деньги». Почти в «звезду». Я выиграл первую битву.

Людям нашей профессии было известно, что я не только сценарист Буарона и Аллегре. Что нередко принимал участие в мизансценировании и репетировал с актерами. Пришло время перейти от авторучки к съемочной камере.

Я был готов. Требовался только случай и шанс. Шанс предстал в облике Рауля Леви. Он был старше меня на пару лет и обладал бездной обаяния. И это не метафора – Рауль продавал и перепродавал все, в том числе свое обаяние. Обладавший изрядной интеллектуальной энергией, он изнурял себя и других. Однажды ночью, в сильном подпитии, зная, что не сумеет ничего вспомнить после протрезвления, он открыл сейф и достал оттуда три тысячи долларов, которые мы прекрасно прокутили в Авиационном кружке, трижды пытаюсь сорвать банк у короля Фарука.¹ Обнаружив на другой день пустым сейф, он подал жалобу в полицию.

Бельгиец русского происхождения, Рауль Леви в 1941 году вступил в британскую военную авиацию и быстро завоевал репутацию самого плохого пилота: когда он был в воздухе, европейские коровы терпели больший урон, чем военные заводы Третьего рейха. Он буквально превзошел себя на последнем вылете. Положив бомбы в сотне километров от цели, его «летающая крепость» сбилась в тумане с курса. А когда кончилось горючее, он приказал второму пилоту садиться на первую увиденную взлетную полосу.

– Это Дувр, – сказал он. – Наше радио вышло из строя, и я просто не понимаю, о чем говорят парни на командно-диспетчерской башне. Садись, там увидим.

¹ Король Фарук (1920–1965) – бывший король Египта, свергнутый с престола в 1952 г.

Это оказался не Дувр, а Штутгарт. Но так как все случилось за несколько недель до капитуляции немцев, военнопленным он пробыл недолго.

Рауль Леви принадлежал к ныне исчезнувшей расе продюсеров-авантюристов, любивших кино и знавших в этом толк. Коли у него не было денег на съемку дорогого фильма, он блефовал, как в покере. На сей раз у него оказались такие козыри, как молодой сценарист Роже Вадим и его жена Брижит Бардо. Он поручил мне написать роль для Брижит и самому снять фильм. У него были права на экранизацию романа «Маленькие гении» племянника крупного французского адвоката Мориса Гарсона. Сюжет был настолько неинтересным, что я не сумел написать по нему ничего хорошего. Немного огорченный, я отправился в Рим с Брижит обсудить с одним продюсером очень важный для нее проект. Так, по крайней мере, ей сказала ее импресарио Ольга Хорстиг. Я давно знал, что у итальянцев всегда все очень важно.

Мы поселились в том самом отеле, в котором жили год назад. Ничего там не изменилось, но мы оба уже не пылали страстью друг к другу. Успехи Брижит не имели отношения к деградации наших чувств. Популярность не изменила ее. Ее беспокоило отсутствие у меня бывшего огня, и она уже не отворачивалась, когда читала страстное желание в глазах других мужчин. Подчас она прижималась ко мне и с каким-то отчаянием смотрела в глаза. Испытывая страх и боль перед опасностью того, что могло произойти. Я знал, о чем она думает: «Держи меня крепче. Не дай мне влюбиться в другого. Я не хочу этого. Лучше умереть». Она снова страдала оттого, что хотела все большего и как можно скорее.

Тем не менее я любил ее. Она была мне женой, дочерью, возлюбленной. Но я был не в состоянии дать ей то, что она хотела: ее Грааль.

Однажды мы находились в «Каза дель Корсо». Я смотрел, как она танцует. Брижит выглядела ослепительно, вся так и лучилась, исторгая невероятную чувственность, присущую женщине, животному, творению искусства. А я вспоминал царственную малышку Брижит в студии Уолкера, встававшую на пуанты,

делавшую пируэты, прыжки. Она пробыла на площадке два часа. И тут я вспомнил историю девушки, жившей с тремя братьями и убившей одного из них. Меня поразило тогда не убийство, а личность юной преступницы. Ее поведение перед судом присяжных, ее ответы адвокатам и судьям. Это походило на просветление.

Я решил предложить этот сюжет для картины с Брижит, попросил бумагу и на десяти страничках написал краткое содержание будущего фильма.

Мы вернулись в отель в три утра. И всю ночь Брижит просидела, обняв меня, подобно женщине, терпящей бедствие, которая хватается за спасательный круг.

На следующий день я решил вернуться в Париж. Я не хотел лжи, фальшивых угрызений совести, слез. Я не хотел напрасных страданий. Я провел за рулем двадцать часов и остановился у «Фукетса», зная, что найду там Рауля Леви.

– Забудь о «Маленьком гении», – сказал я ему. – Я нашел то, что надо.

В течение часа я рассказывал ему о своем замысле. И убедил его.

– Согласен, – произнес он. – И название есть?

Название я придумал три месяца спустя. Думаю, неплохое название: «И Бог создал женщину...»

9

Брижит не хотела, чтобы наш брак распался. Она всячески стремилась сделать мужа счастливым. Несмотря на постоянные размолвки, нам удавалось подчас испытывать былой пыл и нежность. Но я не обманывался по поводу этих миражей. И считал конец нашей совместной жизни неизбежным.

Существовала еще одна проблема, с которой я, увы, не был в силах сладить. Я меньше, чем прежде, хотел ее. И такая пассивность с моей стороны не имела оправдания, если учесть, что Брижит был 21 год и она была в расцвете красоты. Множество мужчин готовы были продать душу дьяволу, лишь бы оказаться вместо меня в ее постели. Думаю, Брижит была присуща та же астения на мой счет. После

первых лет бурного влечения некоторые супружеские пары находят другие формы любви и гармонии. Я понимал, что переход к фазе духовных отношений у нас с Брижит невозможен. Для нее существовало только все или ничего.

Несколько лет назад она сказала одному английскому журналисту: «Если бы Вадим был ревнив, все бы, вероятно, уладилось». Ревность, конечно, может стать костылями для угасающей любви. Но лишь на некоторое время. Стремясь оттянуть развод, который приносит страдания, муж и жена расстаются врагами. А этого я не хотел никоим образом.

Разумеется, я ревновал. Но на свой лад, то есть никак это не демонстрируя. Вообще в таких делах я не пример для подражания. Я слишком далеко зашел в куртуазной игре в не-верность. Подчас мою позицию (состоявшую из целомудрия, а не безразличия) принимали за верх цинизма. Как, мол, может любящий муж позволять жене раздеваться на глазах всего мира, более того, отдавать ее другому мужчине и к тому же фиксировать это с помощью кинокамеры?

Мою ревность способна была вызвать не физическая измена, не обнаженное тело, а флирт, ложь, обман. Я страдаю, когда вижу обмен улыбками, прикосновение рук, даже если этим все и ограничивается. И в то же время меня ничуть не смущает, если посторонние глаза видят, как твоя любимая женщина принимает ванну.

Обнаженные актрисы на съемочной площадке меня нисколько не волнуют. Многие художники писали ню любимых женщин, выставляя затем картину на всеобщее обозрение. Какая разница между объективом камеры и кистью? А присутствие съемочной группы на площадке? В мастерских Ренуара и Рубенса часто толпилось много народа.

Брижит переживала первый кризис взрослого человека. Она видела, что наша любовь на исходе. Ее судьба была у нее в руках, и она приходила от этого в ужас.

Однажды мы сидели на диване и слушали песенку Брассанса «Лошадка».

– Ты не любишь меня как прежде? – внезапно спросила она. – Что я тебе сделала?

Я вернул ей ее вопрос:

– Ты не любишь меня, как прежде? Что я тебе сделал?

Подумав немного, она ответила:

– Может быть мы в этом и не виноваты? – И добавила: – Когда умер Тино, я знала, что случится что-то ужасное. – (Соловья нашей консьержки съел кот комиссара полиции.)

Подобная логика сбивала меня с толку, и я смолкал.

Она продолжала:

– Помнишь случай с твоим обручальным кольцом? Это тоже был знак. Следовало тогда обратить внимание.

Брижит имела в виду таинственное исчезновение этого кольца. Я часто снимал его с пальца и крутил, играя. Однажды в кабинете продюсера фильма «Эта проклятая девчонка» оно свалилось на пол. В течение часа вся продюсерская часть на коленях искала пропажу. Тщетно. Оно испарилось. Год спустя, накануне того дня, о котором идет речь, скучая, я сидел в том же кабинете и дотронулся до ключа в одном из ящичков. И тут внезапно обнаружил кольцо. Оно оказалось на этом ключе и было незаметным на фоне меди замочной скважины. Но расценивать сие как знак небес я не решался. Брижит же была совершенно уверена в этом.

– Это был знак, – повторила она.

– Соловей и кольцо. Похоже на название китайской сказки, – сказал я.

– Или русской. Надо было послушаться бабушки и поостеречься русских. Мерзкий русский!

Она рассмеялась и поцеловала меня. Мы очень мило провели оставшийся вечер. Она курила сигарету. «Всегда потом, как в фильмах», – любила она говорить.

– Смешно слышать, – заметила Брижит, – что супруги, прожившие вместе много лет, прибегают к разным уловкам. А я наоборот – с годами, старея, становлюсь все более благоразумной.

– Тебе только 21 год.

– Действительно, не так уж много. И тем не менее дремлющая во мне буржуазность берет верх.

Она вздохнула.

Я не стал ей говорить, что ее буржуазность не мешала ей недавно в Риме в исступлении танцевать в «Каза дель Корсо»...

На заре – я имею в виду девять часов утра – меня разбудил звонок Рауля Леви.

– Ты еще спишь? – спросил он.

– Да.

– Ты сумеешь быстро собрать чемодан?

– Никогда не пробовал.

– Вот и попробуй. Я жду тебя в десять сорок на Восточном вокзале, перрон 12, поезд на Мюнхен.

Последовала долгая пауза.

– Повтори, – сказал Рауль.

– Поезд на Мюнхен, – произнес я.

– Прекрасно. Только не опаздывай. Он повесил трубку.

– Что ты делаешь? – спросила Брижит, не успев продрать глаза.

– Собираю чемодан.

– Чемодан?.. Почему?.. Я была вчера такая хорошая.

– Я не ухожу. Я еду в Мюнхен.

– Если ты не уходишь, как же ты доедешь до Мюнхена?

– Рауль ждет меня на вокзале.

– Почему?

– Не успел его спросить. Слишком хотелось спать.

– Едешь в Мюнхен, сам не зная зачем? Ну и психи же вы все!

Она повернулась на другой бок и уснула. Я встретил Рауля на вокзале.

– Как бы ты отнесся к мысли снять цветной, широкоэкранный фильм? – спросил он.

Я ушам своим не верил. В то время во Франции сочли бы чудом, если бы 26-летнему молодому человеку доверили постановку полнометражного фильма. А уж о цветном широкоэкранном фильме и мечтать нельзя было. А я втайне часто думал об этом. У меня были свои взгляды относительно использования цвета и широкого экрана.

– Пошли, в вагоне все узнаешь.

Он подождал отправления поезда и только после этого рассказал.

– «Каламбия» дает мне деньги на цветной широкоэкранный

фильм при условии, если мы снимем в нем Курта Юргенса. Мы едем в Мюнхен, чтобы с ним поговорить.

– И в какой роли?

Тремя главными персонажами картины были три брата: пятнадцати, двадцати и двадцати пяти лет. На эти роли актеры уже были выбраны. Младшего должен был играть Пужули (мальчик из «Запрещенных игр» Р. Клемана), среднего – Трентиньян и старшего – Кристиан Маркан.

Курт Юргенс был крупной «звездой» международного класса, и ему перевалило за сорок. Я просто не представлял себе его рыбаком из Сен-Тропе, с его немецким акцентом.

– Можно превратить фильм в бурлеск, пригласив на роли братьев Лаурела и Харди, – предложил я.

– Ты прав. Юргенс не годится на роль одного из братьев.

Он был огорчен, но не сдавался. На первой остановке в Саарбрюккене я снял с полки чемодан. Рауль схватил меня за руку.

– Есть идея. Ты разработаешь персонаж богатого судовладельца. Его и сыграет Юргенс.

– Он никогда не согласится на второстепенную роль.

– Невозможно – не французское слово.

– Ты бельгиец, а я наполовину русский, – заметил я.

Он засмеялся, и я остался в поезде.

В Мюнхене он запер меня в «люксе» роскошного отеля, снабдив икрой, семгой и водкой до отвала. А в качестве премии – фотомodelью Марией, которая была также секретарем-машинисткой, и мы за два дня закончили новый вариант сценария.

Курт Юргенс принял нас с обычной вежливостью и радушием в своей роскошной баварской вилле рядом с озером в нескольких километрах от Мюнхена.

Он только что подписал крупный контракт с одной из голливудских компаний, но собирался в Калифорнию лишь летом.

– Я прочитаю рукопись вечером, – пообещал он. – Если соглашусь, то сумею вам выделить четыре недели в мае.

На другой день он позвонил и сказал, что согласен.

– Видишь, бывают чудеса на свете. В них надо только верить и

провоцировать. Таким даром обладают далеко не многие.

Во время съемок в Ницце я спросил Курта, почему он согласился на второстепенную роль у режиссера-дебютанта после работы у мэтров мирового кино.

– По многим причинам, – ответил он. – Во-первых, из-за сценария. Его новая, весьма отличная от всего того, что мне предлагают, интонация. Разумеется, из-за участия Брижит Бардо. Она меня интригует, мне никак не удастся ее разгадать. Я бы хотел приглядеться к этому феномену поближе. Наконец, тандем Леви-Вадим. У меня ощущение, что он наделает много шума. Вот мне и показалось забавным оказаться в этой картине.

10

Ласковый утренний свет проникал через шторы. Я смотрел на спящую Брижит. Во сне губы ее набухли, длинные золотистого цвета волосы разметались по подушке, напоминая морские водоросли, покачивающиеся на волнах. Все это придавало ее лицу детскую невинность.

– Когда ты смотришь на спящего и слезы счастья застилают твои глаза, значит, ты любишь по-настоящему, – говорила Брижит.

Люблю ли я ее по-прежнему? – спрашивал я себя. Ответ был – «да». Но это была совсем другая любовь. Я любил ее, как дочь, как ребенка, которого надо защищать. Было бы странно жить вдвоем, соблюдая все обычные супружеские ритуалы, зная, что конец пути за следующим поворотом. Случалось ли вам утром проснуться, вспоминая сон, и, закрыв глаза, желать увидеть его продолжение? Такие вот приблизительно чувства я испытывал тогда.

Я отправился на кухню приготовить завтрак. Выдавить апельсины, заварить чай и сделать тосты с маслом.

Когда я вернулся в комнату, Брижит открыла глаза, разбуженная шершавым языком нашего кокера Клоуна, лизавшего ей лицо. Он проявлял куда меньшее уважение к ее отдыху, чем я. Присев на постель, я поставил на покрывало поднос.

– О, как это мило с твоей стороны! – произнесла она.

Брижит выпила сок и с удовольствием набросилась на тосты. Я никогда не видел, чтобы она беспокоилась о своей талии. Голодная, она ела сколько хотела. Ей были неведомы муки современных женщин, мечтающих о похудении. Брижит вела активный образ жизни, но больше не танцевала (за исключением чача-ча) и не компенсировала упражнения в студии Уолкера гимнастикой или спортом. Но тело ее оставалось гибким и красивым.

Оттолкнув поднос, она вскочила с постели. Летом Брижит спала голая, но сейчас было только начало марта, и на ней была ночная сорочка, какие носили наши бабушки, купленная на блошином рынке. Задолго до того, как хиппи ввели моду на кружева, ей нравились шифоны прошлого века. Встав на колени, она некоторое время поиграла с Клоуном.

Я пошел в соседний салон, чтобы ответить на телефонный звонок, когда она позвала меня:

– Вава!

Я вернулся назад. Дверца стенного шкафа с зеркалом была открыта, и Брижит рассматривала себя в нем. Она подняла подол сорочки:

– Можешь ли ты по-прежнему обхватить мою талию пальцами обеих рук?

Я попробовал. Слегка поднатужившись, я все же сумел это сделать.

– Еще все в порядке, – сказала она и в сопровождении собаки отправилась в ванную.

У нас было назначено свидание в «Фукетсе» с Раулем и Жаном-Луи Трентиньяном. Брижит еще ни разу не видела молодого актера, который должен был играть ее мужа в фильме. Жан-Луи, которого я обнаружил в театре, до этого не снимался в кино. Его робкое обаяние, скрытая под неловкой жестикуляцией мужская сила и несомненный талант убедили, что он будет идеальным в роли Мишеля.

Во время обеда Брижит критически поглядывала на Жана-Луи. Почувствовав неловкость, тот покинул нас еще до того, как подали кофе. Едва он отошел подальше, как Брижит взорвалась:

– Да это же обалдуй какой-то!

– Он, конечно, не Брандо, но у него приятная улыбка, – заметил Рауль.

– С улыбкой не занимаются любовью! – буйствовала Брижит.

– Никто не заставляет тебя с ним спать, – сказал я.

– Но притворяться еще хуже. Я никогда не смогу убедить себя, что влюблена в такого типа. Не могли найти другого!

Если Брижит упиралась, переубедить ее было не просто. К счастью, в фильме Жюльетта сначала не любит Мишеля. Она лишь постепенно открывает его для себя и начинает любить.

– Не переживай, – сказал я расстроенному Раулю. – В шарме Жану-Луи не откажешь. Я полагаю, что он изрядный хитрец. Со временем она к нему переменится.

Я и не знал, какими пророческими окажутся эти слова.

В первый съемочный день фильма «И Бог создал женщину...» мы работали на маленьком пляже в бухте Коннубье, в двух километрах от Сен-Тропе. Стояла прекрасная погода. Я точно знал, чего намерен добиться, и не испытывал волнения дебютанта. В то время проблемы, связанные с использованием цвета и синемаскопа не пугали, а, скорее, стимулировали воображение. Меня окружала прекрасная съемочная группа, выбранные с согласия продюсера актеры, я был уверен в победе подобно молодому Бонапарту перед итальянским походом. Сомнения старых техников, которым пришлось столкнуться с дебютантом и с новыми кинематографическими критериями, быстро рассеялись. Как ни странно, но меня беспокоила Брижит.

Она привыкла к определенной стилистике фильмов, забавных, эротичных и неизменно искусственных, и не ожидала, что я потребую от нее достоверности, искренности, которые ей прежде не приходилось играть. Чтобы стать Жюльеттой, ей следовало выложиться до конца. То, что она должна была раздеваться, ее мало трогало. Страшило другое – необходимость вывернуть наизнанку душу, раскрыться до конца. Я приводил в беспорядок ее волосы, запрещал поправлять грим между планами. Она чувствовала себя

обнаженной, уязвимой. И сходила с ума. Я же знал, что подобный психологический стриптиз, каким бы трудным он ни был, определял успех фильма. Ее успех в частности. Она привыкла к своему статусу «звездочки», я же хотел создать «звезду».

Прошла неделя, прежде чем мы смогли посмотреть отснятый материал на студии «Викторин» в Ницце. Выходя из просмотрного зала, Брижит плакала. Говорила, что выглядит омерзительно, что плохо причесана, плохо загримирована. Я посадил ее в машину и отвез к морю, на самый край набережной Прогулки Англичан. В конце апреля здесь еще было пустынно. Я посадил ее на гальку рядом с собой. Она больше не плакала и только жаловалась, что тушь ресниц режет глаза.

– Хороша же я буду вечером с глазами опоссума.

– А какие глаза у опоссумов?

– Красные.

Мне всегда казалось, что глаза у опоссумов синие, но я не стал возражать.

– И почему ты привез меня на пляж с галькой, от которой болит копчик? – продолжала Брижит. – Это не пляж, а доска с гвоздями факира или место прогулок старых англичанок, которые никогда не снимают ботинок.

В конце концов она рассмеялась над своими страхами и успокоилась.

– Помнишь, что ты говорила о своих родителях? – спросил я. – Ты мне не верила, что настанет день, когда будешь счастлива, имея в их лице друзей.

– Ты оказался прав.

– Доверься мне и теперь. Я когда-нибудь делал тебе больно?

– Да, – ответила она. – Но сам того не замечая.

Я взглянул на нее немного растерянно и продолжал:

– Если ты не понимаешь, чего я от тебя добиваюсь на съемке, по крайней мере не сопротивляйся. Иначе мы проиграем оба. А я куда больше тебя. Ты уже подписала контракт на другую картину, ты не рискуешь карьерой. Если я просчитаюсь, это будет означать, что ты снялась в неудачном фильме, о котором быстро позабудут. Но если

окажусь прав, произойдет нечто важное для нас обоих. Словом, ты готова меня слушаться, даже если не согласна?

– Да, – сказала Брижит.

Она часто меняла свои решения, но всегда выполняла обещания, если речь шла о чем-то важном.

После трех недель съемок на натуре группа переехала в павильон студии «Викторин».

Почувствовав мой стиль, Брижит все больше сливалась с образом своей героини. В такой мере, что день ото дня менялось и ее отношение к Мишелю, которого играл Трентиньян. Я старался в меру возможности снимать фильм, следуя хронологии экранных событий. Так что каждый день действительность догоняла вымысел.

Я с тревогой ждал большой любовной сцены между Брижит и Жаном-Луи.

Брижит разделась в гримерной, набросила на себя халатик и прошла к нам в павильон. Была абсолютно раскованна и смеялась вместе с членами группы. Жан-Луи был натянут и казался не в своей тарелке. Я всячески старался объективно анализировать свои чувства, обнаружив, что ничуть не ревную. Мне никак не удавалось связать то, что происходило на съемке, с жизнью. Я словно листал книгу с картинками.

Скинув халатик, Брижит нагая легла на постель. Согласно сценарию, Жан-Луи растянулся рядом с ней и обнял ее.

Когда я сказал «стоп», они остались в прежнем положении, и костюмерша прикрыла их халатом.

Позднее в тот же день я снимал другую сцену – крупный план Брижит, которая стоя целовала Жана-Луи. Потом его голова опускалась вниз и выходила из кадра, а камера продолжала снимать Брижит, на лице которой читалось наслаждение.

Я спросил ее, когда отсняли сцену, о чем она тогда думала.

– Ни о чем, – ответила она. – Об удовольствии.

Однажды, когда я прогуливался с Брижит по одной из студийных аллей, мое внимание привлекла крупная фигура мужчины, шедшего,

опираясь о палку. Сначала мне показалось, что это Орсон Уэллес, но я быстро понял свое заблуждение: «Уэллес не такой старый». Когда мы подошли ближе, я понял, что передо мной сэр Уинстон Черчилль. Его сопровождал генерал Корнильон-Молинье.

Я поздоровался с генералом, который знал Брижит по встречам на улице Варенн. Он представил нам Черчилля.

Брижит всегда оставалась сама собой, кто бы ни находился перед нею – ее костюмерша или один из самых знаменитых людей в мире. После обмена любезностями наступило молчание. Глаза Черчилля загорелись. Казалось, он забавляется, молча наблюдая за молоденькой актрисой. Какую банальность произнесет этот чувственный рот, созданный для экрана и поцелуев? Мы с генералом, словно сговорившись, молчали.

– Когда мне было восемь лет, вы меня пугали своими речами по радио, – сказала Брижит. – О вас рассказывают легенды, я же нахожу вас довольно миленьким.

Что он «миленький», Черчилль прежде никогда не слышал. Великий говорун лишился дара речи.

– Что вы делаете в Ницце? – спросила Брижит, чтобы нарушить неловкое молчание.

– Рисую, – ответил Черчилль. – Вы актриса, я – художник. Общее у нас искусство.

– Мой отец купил один из ваших пейзажей.

– Я не продаю свои картины.

– Это делают ваши приятели. На купленной отцом картине на первом плане изображен холм с сосной в виде зонта, на втором – море. Помните?

– С кустарником дроков справа?

– Да. Вам нравилась эта картина?

– Я люблю писать картины. Но соседство с Сезанном в истории мне не угрожает.

– Знаете, мои фильмы наверняка хуже ваших картин. А ведь я не выиграла войну.

– И ничего не потеряли, – заключил Черчилль.

Он улыбнулся Брижит улыбкой, смахивающей на гримасу, и

удалился в сторону просмотрового зала.

Спустя два дня позвонил Корнильон-Молинье. Брижит весьма позабавила Черчилля. Ему хотелось ее увидеть снова, и он просил генерала пригласить ее к общим друзьям на ужин. В последнюю минуту Брижит отказалась. Подозреваю, из-за свидания с Трентиньяном.

По фильму, страстно влюбленная в Антуана, которого играл Кристиан Маркан, она выходит замуж за его брата Мишеля, чтобы ее не отправили в исправительный дом. Но в тот момент, когда она начинает любить мужа, возвращается Антуан. Она разрывается между ними, то есть между возможностью обрести счастье и равновесие с мужем и влечением к Антуану. Она не хочет уступать своей страсти и тем не менее понимает, что уступит. Однажды ночью Мишель просыпается: Жюльетты нет рядом. Он находит ее на пляже поблизости от дома. Вот как эта сцена написана в сценарии:

«Мишель. Ты счастлива?

Жюльетта грустно вздыхает. Мишель треплет ее по щеке. Внезапно она хватает его за куртку, лицо ее искажено страхом.

Жюльетта. Ты должен очень сильно любить меня.

Мишель. Но я безумно люблю тебя.

Камера наезжает на ее лицо.

Жюльетта. Так скажи это. Скажи, что любишь меня, что я твоя, что нужна тебе. Поцелуй меня, Мишель! Поцелуй меня!..

Мишель поражен трагической интонацией в ее голосе.

Жюльетта. Я боюсь...

Мишель. Чего, дорогая?

Жюльетта не отвечает. Она скользит по песку, словно тонет в нем, прижимаясь к нему щекой.

Жюльетта (ласково, почти спокойно). Как трудно быть счастливой».

Никогда еще Брижит-актриса не хотела быть честной и не испытывала такого отчаяния. Она была Жюльеттой, любившей мужа и хотевшей спасти их брак, зная, что это ей не удастся. И была Брижит, испытывавшей привязанность к мужу, со страхом сознавая,

что может его бросить ради человека, которого встретила и перед которым уже не могла устоять. Это напоминало игру зеркал в духе Пиранделло. Мужем ее в картине был Жан-Луи, и когда она говорила ему в кадре, что боится, она обращалась ко мне.

После съемки в нашем номере отеля «Негреско» я спросил ее:

– Ты любишь его?

– Мне страшно. А перед тем как уснуть, прошептала:

– Как трудно быть счастливой!

Я и сегодня не знаю, намеренно ли она повторила слова роли или на самом деле так думала.

Окна нашего номера в «Негреско» выходили на море. Жан-Луи Трентиньян жил на пансионе в таверне, расположенной в Ле-Колль-сюр-Лу, маленькой романтической деревушке, прилепившейся к холмам в пятнадцати километрах от Ниццы. «Меньше всего меня волнуют поцелуи перед камерой, – говорила Брижит. – Это напоминает удовольствие, которое испытываешь, подчиняясь свистку полицейского на площади Согласия, когда он орет: чуть левее, чуть правее. Тут тебе говорят: не высовывай так язык, это заметно, побольше чувства, если можно. Закройте глаза, откройте глаза!.. Не такой глубокий вздох. И самое ужасное, если при этом партнер тебе нравится». Тогда Жан-Луи сказал: «Нам нужно еще порепетировать».

Следовало схватить его за шкуру и потребовать, чтобы он притормозил на повороте.

Я думал об этом, но такой выход казался мне лишенным смысла. Дело принимало деликатный оборот. С одной стороны, я понимал, что наш брак бесперспективен. Тогда почему не Трентиньян, к которому я хорошо относился, ведь им мог стать любой другой спустя несколько месяцев? С другой стороны, я возглавлял съемочную группу и пользовался ее уважением. Что станут они думать о режиссере, который оставляет жену в объятиях партнера? А мне предстояло снимать другие любовные сцены между Жаном-Луи и Брижит...

Брижит лежала обнаженная, когда Трентиньян входил в их комнату. Она вытягивалась, откинув простыню и раскрыв объятия. Ее руки, напоминавшие крылья, смыкались на шее мужа, как бы демонстрируя счастье любовного обладания. План № 152 по режиссерскому сценарию.

– Стоп! Очень хорошо!

Я больше не ревновал и не страдал. Даже напротив. Последние съемочные дни стали для меня освобождением от злых духов. Самый большой страх вызывает неизвестность. Когда думаешь: а как они себя ведут наедине? Какими интимными жестами обмениваются? Будучи режиссером, я исполнял роль «законного» шпиона, наблюдая за страстью, которая, будучи выставлена напоказ, выглядела в моих глазах лишенной всякой таинственности. Я не думал о том, чтобы вернуть Брижит, я на это и не надеялся, но меня забавляла такая форма терапии, избавлявшая от горечи разрыва.

Мы вернулись в Сен-Тропе, чтобы снять последний кадр.

Пуповина еще не была перерезана. На съемке я был ее старшим братом и другом. Она доверяла мне свои тайны, советовалась. Ревновал Трентиньян. В каком-то смысле мы поменялись ролями. Я стал их соучастником. Но увезет ли он с собой по окончании фильма малышку Софи? Как я отреагирую на свое одиночество после семи лет близости?

Я взял напрокат моторку, чтобы добраться до пляжа Пампелонн, где должна была происходить съемка. Со мной была мать, приехавшая из Парижа, чтобы быть рядом со мной в последний съемочный день. Посреди бухты у нас кончилось горючее. Неприятность для режиссера и драма для продюсера, у которого не было денег на еще один день.

К счастью, нас заметила рыбацья шхуна, возвращавшаяся в порт. Взять нас на буксир у нее не было сил. Я попросил маму остаться в лодке, чтобы избежать неприятностей с полицией, которая могла решить, что лодку хотели захватить, а потом бросили.

– Через час я пришлю за тобой подмогу, – пообещал я.

Рыбак высадил меня около места съемок. Я попросил первого ассистента Поля Фейдера (сына великого Жака Фейдера)

предупредить портовые власти.

В шесть тридцать, когда был отснят последний кадр и я крикнул «стоп!», пуповина была обрезана. Оранжевый круг солнца опускался за горизонт, купаясь в Средиземном море.

Брижит посмотрела на меня.

– Мне надо с тобой поговорить, – сказала она.

– Слушаю тебя.

– Через час в «Ла Понш», согласен?

– Да.

Приехав в Сен-Тропе и оказавшись в штабном номере, я вдруг осознал, что весь день не видел маму.

– Вы выбрали мою лодку?

– Какую лодку?

Оказалось, что ассистент забыл их предупредить.

Приятель Поль Альбу, вызванный на помощь, дал свою лодку с мощным мотором, и я только в сумерках подобрал свою мать, находившуюся в десяти километрах от берега. Я не знал, чем замолить свой грех.

– Я ничуть не тревожилась, – сказала она. – Ведь я не настолько богата, чтобы ты позарился на наследство. Ожидая тебя, я делала упражнения по системе йогов.

Мы медленно вернулись в порт, взяв на буксир мою моторку.

– У меня была назначена встреча с Брижит в «Ла Понш», но она наверняка уже покинула Сен-Тропе. Интересно, о чем она хотела со мной поговорить?

– Ни о чем.

У меня, видимо, был такой огорошенный вид, что моя мать добавила:

– Как все дети, Брижит не имеет понятия об угрызениях совести. Она просто хотела убедиться, любишь ли ты ее по-прежнему.

11

Ожидая бессонницы от нервной депрессии, я был поражен, что на самом деле испытывал счастье обретенной свободы. Меня ждали

каникулы, как в далекие времена, подкрепленные верой в успех. Пиршество и наслаждение.

Сен-Тропе переживал тогда расцвет. Его пляжи принадлежали нам. Рестораны открывали нам свои двери. Единственный ночной клуб «Эскинаде» существовал благодаря нашим безумствам. Сказочная жизнь начиналась на восходе и больше не кончалась. Мудрая и сумасшедшая Франсуаза Саган² говорила мне:

– Надо отметить конец любви так же, как отмечают смерть в Новом Орлеане. С песнями, смехом, танцами и обильными возлияниями. Как и саму жизнь, любовь нельзя положить в банк. Ее надо потратить. А позднее она залечивается.

Подчас легкая грусть ласкала меня своим крылом, особенно с наступлением сумерек. Зато ночи были богаты лицами и безоглядными клятвами.

Именно в «Эскинаде» я познакомился с застенчивым немецким туристом. Восхищенный проделками нашей банды, он готов был заложить душу дьяволу, лишь бы быть в нее принятым. Его звали Гюнтер Закс фон Опель.

Думаю, он бы упал в обморок, если бы узнал, что через десять лет, день в день, станет третьим мужем Брижит Бардо.

Куда подевалась Брижит? Чем была занята?

Каждую неделю я отправлялся в Ниццу, чтобы поработать с монтажницей мадам Викторией Спири-Меркантон, которую все звали Тото. Эта замечательная, русская по происхождению, женщина прославилась тем, что добилась перехода во Франции на негорючую пленку. После пожара, во время которого она потеряла сгоревшего заживо режиссера, часть волос и любимое манто, всполошившееся ее воплями – а когда она орала, это было слышно далеко – правительство было вынуждено принять меры безопасности в монтажных. «Понимаешь, – говорила она со своим сильным славянским прононсом, – я добивалась лишь того, чтобы иметь право курить „голуазы“ во время работы».

² Франсуаза Саган – известная французская писательница, автор переведенных у нас романов «Здравствуй, грусть», «Любите ли вы Брамса?», «Немного солнца в холодной воде» и др.

Ее боялись все режиссеры, и тем не менее стремились заполучить на фильм, ибо без гениев всегда трудно обходиться. Когда она сидела перед мовиолой, все подчинялось ее воле. Узнав, что в ее лапы попал новичок-дебютант, даже завистники стали выражать мне сочувствие. И ошиблись. Между нами (а Тото была старше меня на 15 лет) любовь возникла с первого взгляда. Мы отчаянно ругались, причем она не выбирала выражений. И любили, понимали друг друга. Все остальное не имело значения.

Именно от Тото я узнал новости о Брижит.

– Она приезжала со своим актером, чтобы посмотреть смонтированный материал, – сказала Тото.

– Ты ей что-нибудь показала?

– Я сказала: «Получи разрешение режиссера».

– Как она выглядела?

– Я спросила, как ей живется с новой игрушкой, она ответила, что безумно счастлива, и расплакалась.

– Она всегда плачет, это не имеет значения.

– Это значит, что она любит тебя. В доказательство, какая она дура, спросила, где ты живешь в Сен-Тропе. Я наорала на нее и сказала, чтобы она оставила тебя в покое, что ты найдешь себе кого-нибудь получше ее. Она меня чмокнула и бросилась к машине, в которой ее актер уже минут сорок жал на клаксон.

Сидя перед мовиолой, мы поорали друг на друга, пообижались и в конце концов договорились об изменениях в сцене на верфи. А потом отправились в студийный бар выпить. Внезапно Тото протянула мне листок бумаги.

– Ты достаточно взрослый, чтобы справиться с такими глупостями, – сказала она.

Записка была от Брижит.

«Вава, все не так, как прежде. А как было прежде? Я счастлива и больше не плачу. Мокрые пятна на бумаге не от слез. Во всем виноват Шарль Трене. Помнишь его песенку? „Плачет мое сердце“ и т. д. Проливный дождь испачкал письмо. У меня были неприятности в отелях Италии, так как я все еще Племянников. Когда ты станешь старым и седым, мы будем слушать песенку Эдит Пиаф „Падам,

падам“... Клоун целует тебя. Софи».

Я заказал еще виски.

– Надеюсь, ты не запьешь или, хуже того, не станешь сентиментальничать? – спросила Тото.

– Я здравомыслящий пьянчуга и циник, – ответил я.

– Завтра мы переезжаем. Я закончу монтаж на студии «Бийанкур». Ты мне понадобишься.

– Я буду в Париже через неделю.

– А пока не дури за рулем. У меня в коробках прекрасный фильм, который не должен остаться сиротой.

Это был первый комплимент моему фильму. Сказанный такой женщиной, как Тото, он стоил «Оскара».

После райских каникул я вернулся, как и обещал, в Париж. Улица Шардон-Лагаш принадлежала прошлому. Я снял комнату на четвертом этаже отеля «Бельман». Его хозяин Жан Террай был мне знаком. Окна выходили на перекресток улиц Франсуа и Марбеф, где тогда не было светофора. Ночью я слышал визг тормозов и скрежет столкнувшихся машин. Я сам с собой держал пари: будет или не будет драка? И когда она возникала, подходил к окну, оценивая те оскорбления, которыми обменивались водители. Это был еще один способ времяпрепровождения.

Однажды ночью, разбуженный особенно шумным столкновением, я высунулся из окна и увидел довольно сильно пострадавшую «альфу-ромео», частично врезавшуюся в лавочку Бальмена. Другая машина – огромный «мерседес» – пустилась наутек. Из «альфы» вышла в полном шоке молодая женщина и села на тротуар около разбитой машины.

– Как вы там? – крикнул я.

– Мне плохо, – ответила она.

– Вызвать «скорую»?

– Ни в коем случае.

Одевшись, я спустился вниз и через две минуты оказался возле женщины. У нее была рана на лбу, но она не казалась серьезно пострадавшей. Она была молода и очень красива: аристократический

овал лица, глаза неопределенного цвета, казавшиеся то сиреневыми, то синими, в зависимости от освещения и, как я заметил потом, от настроения. Одета она была в платье от дорогого кутюрье. В качестве драгоценности одна лишь тонкой работы золотая цепочка с крестиком. Женщина прекрасно говорила по-французски, но с легким американским акцентом.

Посмотрев на лавку Бальмена, она сказала, что днем купила тут костюм и не думала, что так скоро снова окажется рядом.

– Вы не хотите вызвать полицию для составления протокола?

– Нет. Отец не знает, что я взяла машину. Если будут претензии хозяина, он купит магазин Бальмена.

Она вытирала кровь со лба тонким шелковым платком.

Черепные травмы нередко сопровождаются головокружениями и тошнотой.

– Вас не тошнит? – спросил я.

– У меня болит сердце, очень болит, мсье. Но не от несчастного случая, а от неумения жить.

Нельзя было понять, говорит ли она серьезно или шутит.

– Вы намерены провести ночь на тротуаре, мы сообщаем папе или что?

– Где вы живете?

Я пальцем показал освещенное окно на четвертом этаже отеля.

– Можете ли вы меня спрятать на ночь?

– Да.

Придя в номер, я вымыл ей лицо, продезинфицировал одеколоном ранку на лбу и наложил пластырь. Она назвалась Лорой. Я тоже представился, хотя она и не очень этим интересовалась. «Роже Вадим Племянников». Она повторила имя, не искажая его, что бывало довольно редко.

– По-русски это означает сын дяди.

– Спасибо за информацию, – рассмеялся я. Она остановилась возле стола, на котором были разбросаны страницы рукописи будущего сценария.

– У вас почерк избалованного, капризного и довольно умного ребенка. Очень похожий на почерк Кокто.

После чего разделась донага и легла на постель. Раздевшись, в свою очередь, я вытянулся возле нее. Я еще безуспешно задавал себе вопрос, насколько прилично было воспользоваться обстоятельствами, как она уже спала глубоким сном.

I went to the animal 's fair
The beasts and the birds were there...

Лора напевала эту старую детскую считалочку, устремив глаза в потолок и шевеля губами. Я так залюбовался ее чистым классическим профилем, что сама мысль поцеловать это лицо показалась совершенно неуместной, даже вульгарной. Голова ее покоилась в нескольких сантиметрах от моих глаз, но по непонятно каким законам физики казалось, находится очень далеко. Она принадлежала к числу тех женщин, которые при пробуждении еще красивее, чем в волшебном свете льстящих им вечерних огней.

Внезапно она поднялась, перешагнула через меня и подошла к окну.

– Они увозят «альфу», – сообщила Лора.

Она была голодна и заказала завтрак: фруктовый сок, кашу, какао с молоком, круассаны, яичницу с беконом, копченую пикшу и йогурт. Мне надо было идти в контору моего продюсера. Я был вымыт, выбрит и одет, а Лора все еще сидела за столом. Она попросила разрешения воспользоваться в мое отсутствие телефоном.

Месяц спустя, получив счета за разговоры, я обнаружил, что она два часа разговаривала с Токио, Сан-Франциско, Лондоном и Лимой. Чтобы рассчитаться, пришлось продать машину. (Моя зарплата и гонорар за сценарий «И Бог создал женщину...», то есть за два года работы, составляли лишь три миллиона старых франков. Я остался, стало быть, без гроша, хотя вскоре получил аванс под будущий фильм.)

Вернувшись в отель, я увидел Лору готовой к выходу в город. Она попросила отвезти ее к аквариуму Трокадеро.

– Когда у меня проблемы, только рыбки способны меня привести в чувство.

Я быстро обнаружил, что по части рыб знания ее были поистине энциклопедические. Она знала, как они именуются по-французски, по-английски и на латыни, об их происхождении, эволюции каждого вида с третичного периода и даже какие литературные и музыкальные произведения были ими вдохновлены.

Тото дожидалась меня на студии «Бийанкур». Из-за посещения аквариума я опаздывал.

– Племянников, позволь мне поехать с тобой, – попросила Лора (она называла меня только по фамилии).

Я кивнул, хотя и знал, что Тото не терпит присутствия посторонних в монтажной. Она сделала, впрочем, исключение для молодой американки. Лора развлекла и заинтересовала ее. Она тихо прошептала мне на ухо:

– Это очень красивое, очень умное и начисто психованное создание.

С последним я не согласился, хотя в своих суждениях о людях она редко ошибалась.

– Она оригинальна, и поэтому мне нравится.

Когда мы вернулись в отель, Лора заговорила об отце. Оказалось, что он встретил однажды в Мексике убийцу Амбруаза Бирса³ и терпеть не мог рыб. А когда ей было шесть лет, клал в ее постель плоды манго, утверждая, что это яйца. «Девочка должна научиться их высиживать», – считал он. И тотчас перескочила на другую тему – о Пикассо, сообщив, что занималась с ним любовью. «Ужасное воспоминание».

Я предложил ей пойти в кино.

– О, нет, никогда!

– Почему?

– Считается, что фильмы якобы воспроизводят жизнь. А это ложь: они ее придумывают. Жизнь нельзя придумать.

Исключение она делала лишь для картины, поставленной по сценарию Сартра «Ставки сделаны».

– Естественно, сам фильм скверный, но тема интересная. Люди

³ Амбруаз Бирс (1842–1944?) – американский писатель. Автор «Словаря дьявола».

умирают, но привычки, которые они забирают с собой на тот свет, мешают им видеть очевидное. Только постепенно, когда рутина начинает барахлить и уступает место пониманию странности нового окружения, им становится понятно, что они умерли. Я люблю наблюдать за окружающими людьми. Они двигаются, отвечают на телефонные звонки, подсчитывают расходы за месяц, но им невдомек, что они не принадлежат к миру живых людей. Мне повезло, или, быть может, в этом мое несчастье, но я быстро поняла, что мертва. Знаешь ли ты, что тоже мертв?

– Никогда об этом не думал. А вообще-то какая разница – здесь или там?

– Огромная разница! – воскликнула Лора. – Огромная! Быть внутри аквариума или вне – вот в чем вся проблема.

– Ты хочешь сказать, что рыбы...

– Конечно. Поэтому они нас разглядывают с таким любопытством.

Вся эта философия пробудила в ней аппетит. Лора попросила заказать обед. Когда она изучала меню, я понял, что выбор блюд для нее куда более сложная проблема, чем сознание своей принадлежности к загробному миру. Меня восхищала ее склонность к абсурду и шутке.

Едва официант закрыл дверь, как она разоблачилась.

– Люблю ходить раздетой, но в ресторане это невозможно, да и отцу не нравится.

Два года назад, когда я наблюдал в Риме за раздетыми Брижит и Урсулой, мне казалось, что они само совершенство. Не придумал ли я тогда это? Лора показалась мне еще прекраснее. «Вероятно, она права. Она не существует в действительности».

А привидение тем временем с аппетитом справлялось с доставленной едой. Я включил музыку. После «Итальянской симфонии» Мендельсона нас решили угостить последними известиями. Я хотел выключить, но Лора удержала меня.

– Оставь. Наверняка будут говорить о какой-нибудь войне. Они убивают друг друга, не зная, что давно мертвы. Меня это очень смешит.

После лукового супа, авокадо с крабом, шашлыка из барашка, макаронной запеканки и капусты с сухарями Лора приступила к сырам. И тут объявили о высадке франко-английского экспедиционного корпуса в зоне Суэцкого канала. Вслед за русскими американцы требовали от французского и британского правительств немедленного прекращения военных действий.

– Москва и Вашингтон, папа и мама, отправили детишек в их комнату! – в полном восторге воскликнула Лора. – Дети слишком расшумелись и могли сами выиграть войну. «Детки, в постель!». И знаешь почему, Племянников? Потому что папа и мама в своем стремлении к миру способны добиться его, лишь пугая других. Без России Соединенным Штатам конец. И без США России грозила бы большая опасность.

После такого анализа международного положения, который стоил любого другого, Лора выразила беспокойство по поводу десерта. Я позвонил на кухню и заказал шарлотку, клубнику с лимоном и мороженое.

– Все пахучее, – заметила Лора. – Я предпочитаю выбирать, а не принимать решение.

Пока мы ожидали сладкое, она кружила по комнате и натолкнулась на номер журнала «Кайе дю синема».

– Я люблю читать критиков, они несут вздор и мастурбируют, не способные кончить, – провозгласила она. – Вот кому наверняка понятно, что они не существуют. Подчас, чтобы возбудиться, они открывают гения. Хотя бы того шведа-фрейдиста, который не сумел переварить Кьеркегора. У него фамилия актрисы...

– Ингмар Бергман.

– Да, Бергман. Я его тоже люблю. Он понял, что про жизнь можно рассказывать, лишь увидев ее в зеркале мертвецов. Жаль лишь, что он такой педант и увлечен дешевой символикой. А ведь прикоснулся к чему-то очень важному.

У официанта, который принес нам десерт, при виде голой Лоры, вежливо улыбнувшейся ему, даже веки не дрогнули.

– Еще кофе? – спросил он.

– Только не мне. От кофе я засыпаю.

– Хорошо, мадемуазель. Когда официант ушел, она заметила:

– Он прекрасно воспитан. Наверняка учился профессии по английским фильмам.

И рассмеялась. Она редко смеялась.

Попробовав мороженое, Лора решила, что его запах ей подходит. Когда тарелка опустела, она посмотрела на меня ставшими синими глазами и сказала:

– Видишь ли, Племянников, если бы я не была привидением, то страшно бы растолстела.

Схватив с постели покрывало, она задрапировалась в него.

– Девушка, которую я видела на мовиоле, ну, твоя актриса, кто она тебе?

Находясь у Тото, Лора расспрашивала меня о технике монтажа, но воздержалась от комментариев относительно сюжета и актеров. Она играла, притворяясь, что не знает имени Брижит Бардо. Я ответил ей, что хорошо ее знаю, что это моя жена... точнее, бывшая жена. Мы с Брижит еще не обсудили условия развода.

– Она – рыба, – сказала Лора. – Она живая. И это ее пугает. Она попытается оказаться по другую сторону аквариума. – Потом добавила: – Мне кажется, я ревную.

Набросившись на меня и повалив на пол, она поцеловала меня. Поцелуй был легким, чувственным и умелым, от которого я почувствовал себя подростком, который набирается опыта с первой любовницей. Она поднялась, напевая считалочку, которая разбудила меня утром.

– Неужто привидения занимаются любовью? – спросил я.

– Они только об этом и думают.

И, сбросив покрывало, побежала в ванную, а я остался лежать на ковре. Пустив воду, она позвала меня:

– Племянников, иди сюда!

Лежа в воде, то вялая, то внезапно оживленная, Лора напоминала тех рыб, которых мы видели несколько часов назад. И я невольно подумал, что она действительно безумна. «А если и так, не все ли равно? – решил я. Чему служит стеклянная перегородка между нормальными и ненормальными? По какую сторону находятся

безумцы?»

Я начал сознавать, насколько заразительна Лорина концепция мира. И тут увидел, что она повернула ручку спуска воды.

– Вода уходит. Я исчезну вместе с нею. Пока ванна не опустела, займемся-ка любовью.

От такого приглашения невозможно было отказаться, и я шагнул в ванну...

Вода ушла, но Лора не исчезла. Мы смотрели друг на друга. Пожав плечами, она как бы говорила: «Я все еще тут. И ничего не понимаю». На губах ее промелькнула детская, немного лукавая улыбка.

– Любовь вершит чудеса, – сказала она.

Я вышел из ванны, взял ее за руку и повел в комнату. Была ли она привидением, не знаю, но в постели проявила такой же аппетит, как и за столом.

На заре, пребывая в состоянии сладостной истомы, близкой к коме, я увидел, что она встала и одевается.

– Ты способен посчитать от нуля до пятидесяти пяти?

– Смогу.

Когда я дошел до семи, дверь за нею захлопнулась. Если бы не разбитая витрина Бальмена, любопытные взгляды официанта и вопросы Тото по поводу моей последней победы, я бы подумал, что Лора мне приснилась. Она не оставила никаких следов, даже волоска на подушке.

Я несколько раз заезжал в аквариум Трокадеро, смутно надеясь увидеть ее, и испытывал облегчение, что не находил ее там. Я выпрашивал о ней рыб, но те ничего не помнили или делали вид, что не знают американку по имени Лора.

Спустя неделю мне позвонили. И чей-то голос с сильным центрально европейским акцентом произнес:

– Говорит Давид Штерн. Я советник С. В. (Он назвал имя столь же известное, как Гети, Дюпон де Немур или Вандербилд.) Вы можете уделить нам час времени?

– Когда?

– Сегодня.

– Я не знаком с господином С. В. О чем речь?

– Вам знакома его дочь М.

– Нет. Такое имя мне неизвестно.

– Она утверждает обратное. Вы приютили ее после происшествия на улице Франсуа.

Некоторое время я молчал.

– Что вы скажете? – спросил Давид Штерн.

– Вы можете мне сообщить подробности?

– Господин С. В. хотел бы решить проблему с глазу на глаз. Если вас что-то задержит, мы все равно будем ждать вас в отеле «Плаза Атене» в номере 22 в пятнадцать часов.

Он подчеркнул слово «задержит». Несмотря на внешнюю любезность, тон был неприятно угрожающим. Поэтому я ответил:

– Я буду свободен в полпятого.

– Понятно, – ответил Штерн. – Прекрасно. Я попрошу господина С. В. перенести одну встречу.

В полпятого я приехал в отель «Плаза Атене», и меня тотчас провели в номер С. В.

Отцу М. (Лоры) было лет пятьдесят, он был небольшого роста, жилистый, внешне любезный, но малоулыбчивый, как и его дочь. В каждой ладони он держал по два китайских шарика и сопровождал свои слова весьма неприятными для уха щелчками стук-стук. Вероятно, желая сбить с толку собеседника. А я, поглядывая на эти шарики из слоновой кости, вспоминал манговые плоды, предназначенные для высиживания шестилетней девочкой.

Давид Штерн стоял позади него, раздираемый между необходимостью быть вежливым и стремлением вызвать страх.

– Моя дочь сообщила, – (стук), – о вашем намерении жениться на ней. – (Я постарался никак не выразить свое удивление.) – Не сомневаюсь в искренности ваших чувств. Она умна, красива и очень, – он хотел сказать «богата», но удержался, – соблазнительна. Вам лишь неизвестно, что подобные порывы у нее случаются часто. До сих пор нам удавалось улаживать ее причуды с людьми нашего, – (стук), – круга, с друзьями, которые вели себя по-джентльменски. Но мне известно, что у артистов иные, чем у меня, взгляды на любовь и

жизнь. Поэтому... – (Стук, стук, стук.)

Господину С. В. не удалось закончить фразу. Давид Штерн пришел ему на помощь. Он подошел ко мне, держа в руке номер «Пари Матч» с портретом Брижит на обложке.

– Да, – сказал Штерн, – это ваша жена. Прелестна, совершенно прелестна. Вы понимаете, нас беспокоит шум, который наделает в печати сообщение о вашем разводе. Мадемуазель Бардо так известна... Словом, мы готовы компенсировать ущерб, который М. своим не обдуманым обещанием может нанести вам. Назовите цену, и если она будет пристойной, мы заплатим.

Пауза.

«Стук, стук, стук».

– Мы не опасаемся никакой формы давления с вашей стороны, – продолжал Штерн. – Господин С. В. стремится лишь избежать, чтобы случайная встреча его дочери с вами не травмировала ее.

– Где М.?

– Ее нет во Франции, – ответил С. В. – Она отдыхает, – (стук), – в Швейцарии от шока, вызванного несчастным случаем.

– Я был не в курсе ее плана выйти за меня замуж, – ответил я. – Но вы можете рассчитывать на мою тактичность.

– Мы полагаем, что сумма причиненного вам ущерба в размере 150 000 долларов вас устроит.

«Можете засунуть их себе в зад», – подумал я. Но я не хотел показаться вульгарным отцу Лоры. Если бы он был лишь тенью, это не имело бы никакого значения, а если он живое существо, то я мог поколебать его понимание приличий.

– Я не продаюсь, господин Штерн. Но повторяю, вы можете рассчитывать на мою тактичность.

Не имея ничего больше добавить, я покинул номер 22 в отеле «Плаза Атене», удивленный собственным поведением и преследуемый «стуками» хозяина, не очень понимая, выражают ли они беспокойство или облегчение.

На авеню Монтеня я не без уныния подумал, как удивился бы мой банкир, узнав, что я положил на свой счет 150 000 долларов.

Но я никогда не обладал деловой хваткой.

Я не могу назвать настоящее имя Лоры и ее отца. Она уже 20 лет находится в психиатрической клинике. Господин «Стук» должен бы был оценить тот факт, что я сдержал слово, данное в те времена, когда еще верил, что денежные магнаты способны на человеческие чувства.

12

Дождь лил как из ведра. Мне приходилось ехать ощупью. В три ночи 7-е национальное шоссе было пустынным, лишь изредка попадался встречный грузовик, ослепляя своими фарами. С момента выезда через Итальянские ворота я не снимал ноги с газа. Израсходовав все заработанные на картине деньги, я был вынужден продать свою малышку «ланчию-спорт 2000» и пересесть за руль старенькой «симка-аронды», которая делала не более 130 километров в час. Но и с такой скоростью ехать было опасно, учитывая ночь и превратившуюся в каток дорогу.

Проехав за годы работы в «Пари Матч» по дорогам Европы тысячи километров и став заправским шофером, я обладал реакцией настоящего гонщика, которая позволяла выпутываться из, казалось бы, безнадежных ситуаций. Но в эту ночь я вел себя как безумец. Только условные рефлексy, появившиеся в результате опыта, и инстинкт самосохранения позволяли мне находиться на шоссе. Искушая дьявола, я приводил в уныние моего ангела-хранителя, но тут и он покинул меня на одном из виражей. Буксуя всеми колесами, машина несколько раз прокрутилась на месте. Не трогая тормоза, я видел, как она скользит в сторону кювета, и только тогда нажал на газ и крутанул руль. Проскочив кювет, я в последнюю минуту выпрямил машину, пролетев со скоростью 80 километров в час между двумя деревьями, сильно ударившись головой о крышу и подсакивая на кочках, я выехал на поле, засеянное люцерной. Стало тихо. Мотор заглох. Но фары горели. Я ничего не сломал, но машина была вся в грязи. Глубоко вздохнув и вытянув ноги, я откинулся на спинку кресла и постарался уснуть.

И тут «увидел» себя со стороны.

Я уже не раз испытывал подобное раздвоение личности. Я «видел» себя в машине, с откинутой назад головой и с закрытыми глазами. Дворники продолжали работать, и в интервалах я видел свое лицо. Эта галлюцинация (использую этот термин, чтобы не раздражать ученых мужей) продлилась менее минуты. Потом я открыл глаза, понял, что надо выключить фары и дворники, чтобы не разрядить аккумуляторы.

Я был теперь совершенно спокоен, но поражен тем приступом безумия, которое внезапно охватило меня. Я ничего не мог понять. Да и сегодня не понимаю.

У меня была назначена встреча с Раулем Леви в «Элизе-Матиньон». Я был раскован, в хорошем настроении, мы говорили о проекте нового фильма «Кто знает?» по моему неопубликованному роману, написанному за несколько лет до этого. Это была любовная история на фоне полицейской интриги. Рауль настаивал на перенесении действия из Парижа в Венецию. Он собирался пригласить на главную женскую роль очень популярную тогда Франсуазу Арнуль.

– Для твоей карьеры лучше, чтобы ты не снимал одну Брижит, – сказал он мне.

Я быстро догадался о его истинных намерениях. Фильм «И Бог создал женщину...» еще не вышел на экраны, и Рауль, как предусмотрительный продюсер, хотел иметь в запасе еще одну картину на случай, если фильм будет плохо принят.

В этот момент в ресторан вошли Брижит и Трентиньян. Встреча была неожиданной, так как они редко показывались вместе. После окончания съемок в Сен-Тропе им удалось скрыть от журналистов свою идиллию. Мы лишь встречались на студии во время озвучания, и все.

Я поцеловал Брижит в щечку, поздоровался с Жаном-Луи, и они отошли к своему столику.

Позднее, когда по приглашению Рауля мы перешли в кафе, они присели за наш столик. Жан-Луи был неразговорчив, Брижит настроена дружески, почти нежно. Мне показалось, что она не прочь

поговорить со мной наедине. Но это мне наверняка показалось.

Около десяти вечера они уехали.

Я покинул ресторан вслед за ними, сел в свою «аронду», которую до этого запарковал на французский манер, то есть поставив передние колеса на тротуар, и поехал в сторону Сен-Жермен-де-Пре, надеясь встретить друзей в дискотеке или у Кастеля. Но какой-то демон шепнул мне на ухо, я развернулся и по набережной доехал до бульвара Эксельманс. На углу улицы Шардон-Лагаш я припарковался. Мне хотелось увидеть окна квартиры, в которой я прожил с Брижит более четырех лет.

В эту минуту открылась дверь, и Брижит вышла на улицу, держа на поводке Клоуна и опираясь на руку Трентиньяна. О чем-то болтая, они пошли по тротуару.

Наверху окна спальни остались освещенными. И первый раз я чисто физически понял, что они там занимались любовью и что она, хуже того, засыпала на плече мужчины в нашей постели. Клоун, видимо, почувствовал мое присутствие и тянул поводок в мою сторону. Я очень любил этого пса, он был моим ребенком, частью нашей семьи. Глядя вслед этой паре и маленькому кокеру, я внезапно понял, что меня обокрали, предали, что оскорбили в моей любви. И тут ощутил, что во мне что-то надломилось.

Это произошло грубо, иррационально, абсолютно неожиданно. Не то чтобы мне стало грустно, я вдруг оказался во власти другого «я», которого никогда не знал. С этой минуты мои поступки были навязаны им. Лишившись свободы, я действовал как автомат.

Не превышая скорости, останавливаясь перед светофорами, я доехал до «Бальмена». Поднялся в свой номер и написал два письма. Одно Раулю, другое – Брижит.

Рауль никогда потом не показывал Брижит предназначенное ей послание. Он отдал его мне нераспечатанным с ксерокопией собственного, чтобы мне «стало стыдно». Бедняга Рауль. Пятнадцать лет спустя он застрелился из охотничьего ружья из-за банальной любовной истории. Перечитывая письма, я не испытываю чувства стыда. Но абсолютно ничего не могу понять. Я даже не узнаю свой почерк.

«Рауль, я очень люблю тебя. Сегодня вечером я уйду. Либо налечу на дерево, либо побью рекорд в скоростной гонке».

Засим следовала целая страница сентиментальных преувеличений. Письмо Брижит не было датировано и кончалось следующими словами: «Можешь смотреть на меня как на чужого человека. Я приехал из другой страны. Тебе ее никогда не узнать. Туда можно попасть, только если имеешь сердце».

Доехав до дома 24 по улице Боккадор, где жил Рауль, я сунул оба конверта в почтовый ящик.

Когда я вышел из его подъезда, начался проливной дождь. Я промок до нитки, пока бежал до своей машины, и через минуту, миновав Итальянские ворота, выехал на южное шоссе.

Я уснул, растянувшись на сиденье из искусственной кожи в машине, стоявшей на поле люцерны в двадцати километрах от Аваллона. А когда открыл глаза, солнце уже с час как встало.

Крестьянин по дороге на работу согласился вытащить трактором мою машину на шоссе. Проехав несколько километров, я остановился в маленькой деревушке, где мне подали прелестный завтрак: кофе с молоком и хлеб с маслом.

У каждого человека есть своя точка отсчета. Для меня невидимая граница, отделяющая Францию от Средиземного моря, проходит в Монтелимаре, городе, в котором делают нугу. Около булочной-кондитерской мое внимание привлек плакат. Под знакомым логотипом «Франс-Суар» стояло: «Пожалуйста, сообщи о себе. Софи». Такие вот электронные табло только стали устанавливать по всей Франции. Я сразу и не понял, реклама ли это фильма или название бестселлера. Его же я прочитал снова, спустя двадцать километров. А третье панно увидел, въезжая в Авиньон напротив заправочной «Шелл».

– Какая-то новая реклама, – сказал я заправщику.

– Это не реклама, – ответил он. Это придумала «Франс-Суар», чтобы предупреждать автомобилистов, когда в семье что-то случилось. Вчера было: «Арман, немедленно возвращайся, Розе хуже». В другой раз автомеханик предупреждал клиента, что забыл

зафиксировать коробку скоростей. Но опоздал: тот разбился, налетев на столб при выезде из Кавайона.

Только тут я все понял. Софи – это была Брижит. Она обращалась ко мне с посланием. Я тотчас позвонил Раулю.

– Как дела? – спросил он.

– Получше. За фильм не беспокойся. Я вел себя как дурак, прости меня.

Я полагал, что Рауль получит письма утром, когда спустится за почтой. Но после ужина он не вернулся сразу домой, а застрял в «Фукетсе» с одним американским продюсером. А в полночь, по привычке открыв ящик, обнаружил два конверта. Весьма обеспокоенный, Рауль позвонил Брижит, надеясь, что ей что-то известно обо мне. Директор «Франс-Суар» был нашим другом. Брижит вытащила его из постели в час ночи и настояла, чтобы ее послание было немедленно отправлено для двухсот электропанно, разбросанных по всей Франции.

– Я не хочу звонить Брижит, – сказал я Раулю. – Сейчас же предупреди ее, что старый русский справился с хандрой. И спой ей от меня песенку Брассанса «Я лишь сорняк, добрые люди, добрые люди»...

Рауль, который не мог спеть ни одной ноты даже из репертуара «Братьев Жак», долго молчал на другом конце провода. Я продолжал:

– Я проведу несколько дней у матери в Тулоне и закончу сценарий.

– Кто знает?

Моя мать – феминистка, но никогда не участвовала в уличных демонстрациях, не поносила угнетателей другого пола в манифестах, газетных статьях и по телевидению. Она поступила лучше. Задолго до того, как сформировались женские организации и выступили на политической сцене, она применила к себе собственную стратегию и философию равенства полов. После безвременной смерти отца в 1938 году она осталась одна, без средств, без профессии, вынужденная рассчитывать только на свои силы. Ей тогда и в голову не пришло снова выйти замуж, чтобы обеспечить свое материальное

благополучие и воспитание детей. Она была красива, и от претендентов не было отбоя. Мать перепробовала все профессии: работницы на химическом заводе, ткачихи-надомницы, фермерши, директора молодежного лагеря и т. д.

Во время оккупации по большой любви она вышла за Жеральда Ханнинга. Но тогда этот архитектор стал лишь еще одним ртом в ее доме. Однако она никогда не жертвовала любовью ради детей и детьми ради любви. Она научила меня уважать женщин, не пугаться их и понимать, что любовь – это главное достоинство человека. Будучи очень сильной женщиной, она никогда не прибегала к власти, чтобы навязать свои взгляды. Была уязвимым и нежным существом, сумев, однако, внушить мне вкус к независимости и свободе, которые сопровождаются уважением других людей. Именно матери я обязан тем, что всегда помогал любимым женщинам проявить их способности и никогда не боялся, что их успех отдалит меня от них. «Любовь в тюрьму не упрячешь», – повторяла она мне.

Через несколько лет после войны она рассталась с Жеральдом Ханнингом, которого полностью поглотили его профессиональные заботы. Он занимался строительством в Алжире и в других странах Африки и надолго уезжал из дома. И хотя она его по-прежнему любила, моя мать не пожелала превратиться еще в один чемодан в багаже архитектора. Тем не менее в свои пятьдесят лет, не имея средств, она, естественно, боялась остаться одна. В то время ни я, ни сестра не имели возможности помогать ей. И тут у нее проявился талант антиквара, режиссера документальных фильмов. А поселившись в 1956 году в Тулоне, она взялась за новое для нее дело – строительство разборных домиков.

Я не предупредил ее о своем приезде, так как сам не знал, что сбегу из Парижа. Но она не очень удивилась, что я без багажа. Догадываясь о причинах моего столь неожиданного приезда, она не стала задавать вопросов, зная, что в подходящий момент я все расскажу сам.

– В последние дни я волновалась за тебя. И снесла яйцо.

«Снести яйцо» у нее означало, что, предчувствуя какую-либо беду у нас с сестрой, она окружала нас нитями любви, образуя

своеобразный духовный кокон.

У нее я совсем пришел в себя, обрел хорошую форму и за три недели завершил сценарий картины «Кто знает?».

Накануне отъезда мать гадала мне на картах.

– Я вижу много счастья, мой дорогой. Большой успех. Не сразу, но в достаточно скором времени. Еще я вижу блондинку. Иностранку.

По возвращении в Париж никакая блондинка меня не ожидала. Зато вскорости, 28 ноября, в кинотеатре «Нормандия» на Елисейских полях первым экраном был выпущен фильм «И Бог создал женщину...»

13

Я сидел в первом ряду балкона, Брижит – слева от меня, Рауль – справа. Трентиньян и другие актеры, кроме Юргенса, оставшегося в Голливуде, присутствовали тоже.

Когда дали свет, публика и гости зааплодировали. Но это не были вежливые хлопки, хотя и не особенно восторженные. Многие зрители, которым картина понравилась, не знали, что сказать, и только покачивали головами, особенно если соседи заговаривали об оскорблении нравственности и порнографии.

Однако искренние комплименты со стороны таких людей, как Превер, Виан и Кокто, доставили мне большое удовольствие. Кокто назвал Брижит «самым женственным из всех известных гермафродитов». Жак Превер считал, что критика набросится на фильм из-за его достоинств: за новую интонацию, за дерзость, очень легкий, необычный для тогдашнего кино стиль. «Дураков можно прогнозировать, – сказал он. – Но они неопасны, ибо беспардонно противоречат сами себе при появлении новой моды».

Брижит, которая уже видела фильм, считала, что он «неплох», но и не подозревала, какое влияние он окажет на ее карьеру.

Прием, устроенный Раулем, очень удался. Брижит была в ударе и всех смешила. Мы с ней мило пообщались. «А ты нас здорово напугал», – сказала она, намекая на мой неожиданный отъезд из Парижа.

В последующие дни я не читал критику. Такую привычку я сохранил навсегда. Мне неохота расстраиваться по горячим следам, читать поспешно высказанные, зачастую лишённые всякой объективности мнения. Спустя же некоторое время можно спокойно прочесть любые точки зрения и вынести из них в конце концов что-то полезное.

Рауль же набросился на все газеты сразу.

– Я прочитал одиннадцать рецензий, – сказал он. – Ни одной действительно положительной. Я не слишком уважаю критиков, но это меня беспокоит.

Он раскрыл газету «Комба».

– Послушай-ка. «Лучше уж порадовать себя зрелищем стриптиза на площади Пигайль. Девушки там такие же аппетитные, как мадемуазель Бардо, но зато они знают толк в жестах. Эротика – это искусство».

Такое мнение было весьма типично. Чтобы согласиться с видом нагой эротичной женщины, она должна стать вещью. Шлюха, профессионалка более понятна. Раз вы ей платите, она вам принадлежит. И поэтому неопасна. Профессионалка с Пигайль не пугала журналиста, она не вызывала сомнений в его мужских достоинствах. Зато Брижит пугала. А раз он не мог укунить, то лаял. В заключение сей критик писал: «К счастью для репутации французского шарма, сей фильм не имеет никаких шансов быть показанным за границей». Ну форменный пророк...

На другой день большая статья молодого критика появилась в уважаемом еженедельнике по искусству. Он восхвалял фильм, предсказывал, что тот станет событием в истории кино и откроет новые перспективы для маразмизирующего французского кинематографа. Этого критика звали Франсуа Трюффо.

В начале января 1957 года Рауль попросил меня поехать с ним в США, чтобы встретиться с прокатчиками «Каламбии», чьи представители в Нью-Йорке не торопились назначить дату выхода на экраны Америки нашей картины. Но до этого он решил нанести визит биг-боссу Гарри Кону в Голливуде.

Тогда еще не было реактивных самолетов, и наша поездка с остановками в Гренландии и Канаде заняла 24 часа. Перед посадкой в Виннипеге задымили два мотора. Пилоту пришлось садиться с помощью оставшихся двух. Это происшествие слегка встряхнуло Рауля (бывшего летчика). Перед вылетом из Парижа он принял сильное снотворное, не зная, что оно вводится в анальное отверстие. Ему было так худо, что он не сомкнул глаз до самого Лос-Анджелеса.

Гарри Кон пригласил нас отужинать в своем доме на Бэл-Эр. Зная репутацию этого тирана, прославленного «Могола», я с нетерпением ждал встречи с ним. Гарри Кон олицетворял для меня Голливуд тех времен, когда он был еще мифом, он оставался одним из последних пионеров великой киноэпохи.

Гарри Кон оказался приятным человеком, интересовавшимся положением европейской киноиндустрии и сожалевающим, что Брижит не приехала тоже.

– Я начинаю разбираться в режиссере, когда вижу его лицо, а это удается не часто, – сказал он.

Кон предсказал мне большое будущее. «И Бог создал женщину...» стал его ребенком. Чтобы сломать сопротивление чиновников из нью-йоркского филиала фирмы, не желавших пускать картину в прокат, утверждая, что у нее нет никаких шансов сделать сборы, Гарри Кон организовал несколько частных просмотров, пригласив на них крупных «звезд», некоторых продюсеров и выбранных наугад журналистов. Эти просмотры имели огромный успех, утвердив его в своем мнении.

– Завтра я прикажу этим упрямам выбросить картину на рынок, – произнес он.

Мы еще болтали, когда пробило два часа ночи. Желая сделать мне подарок в знак нашего знакомства, он снял трубку и позвонил главному бутафору студии.

– Отыщите визир, – сказал он ему. – И сделайте гравировку: «Вадиму от Гарри Кона». Жду вас у себя.

Я представляю себе, что было бы, если бы боссы «МГМ» или «Каламбии» вытащили сегодня из постели одного из служащих ради подобного каприза. На другой день они имели бы дело с забастовкой.

В 1957 году Гарри Кон мог себе позволить такую экстравагантность. В половине третьего визир был доставлен.

– Пусть он принесет вам удачу, – сказал он мне.

Даже Гарри Кон не мог себе представить того успеха, который выпадет на долю нашего фильма, и масштабы скандала, который он вызовет. В сотне городов США были созданы комитеты в защиту морали и нравственности, требовавшие запретить прокат фильма. В церквах и монастырях церковники предавали анафеме Брижит и авторов этого «сатанинского деяния». Больше всех возмущались женщины, отнюдь не защищавшие при этом равенство полов, а вставшие на охрану традиционных основ брака и в защиту слабого пола в обществе.

Аналогичные выступления имели место в Европе, Африке, Японии. Шум, который наделал фильм, бумерангом вернулся во Францию. Случилось невиданное: спустя полгода после выхода фильма кинозалы, которые по идее должны были бы пустовать, оказались заполнены до отказа.

Впрочем, скандал был связан с недоразумением. Возмущаясь видом нагой Брижит, ее бесстыдной чувственностью, критики нападали на сам фильм, в котором впервые шла речь о правах женщины на секс, о тех ее правах, которые были узурпированы мужчинами. Святош доводила до ярости Брижит, загорающая голой, и сцена, когда после венчания она занимается любовью с мужем в то время, как родители и гости ожидают их в столовой. Они буквально брызгали слюной, когда насмешливая, лишенная комплексов Жюльетта появляется в халатике, с вспухшими от любовных утех губами, хватает со стола яблоки и куриные ножки, чтобы покормить своего возлюбленного. Даже выйдя за Мишеля, она относится к нему не как к мужу, а как к любовнику. Мать спрашивала ее: «Ну, как он там?» Брижит отвечала: «Недурно». Мать: «Почему бы ему не спуститься вниз? Ему что-нибудь нужно?» Брижит отвечала: «Об этом уж я позабочусь». Направляясь с подносом к лестнице, она говорила: «Доброй ночи», хотя солнце не достигло еще своего зенита.

Кино всегда оказывало куда большее воздействие на зрителя,

чем литература. Книги Симоны де Бовуар никого не пугали. А вот появление Брижит на экране в образе женщины, якобы лишенной морали, вызвало панику.

В довершение всего, как бы в ответ на эту реакцию, фильм стал лидером по сборам. За несколько месяцев Брижит стала «звездой» международного класса.

Меня часто спрашивали, почему актриса с такой популярностью никогда не снималась в Голливуде. Я уже рассказывал, как она упростила импресарию аннулировать контракт с «Уорнер». Следует привести еще один пример.

В 1958 году мы с Раулем встретили в «Фонтенбло-отеле» Майами Френка Синатру, чтобы поговорить о музыкальном фильме с Брижит Бардо. Он должен был называться «Ночной Париж». У нас было либретто будущего сценария. Синатра согласился выслушать меня. Мне многие рассказывали о переменчивости его настроений, о его капризах, припадках гнева. С нами он был необычайно дружелюбен и вежлив и всюду таскал за собой. К несчастью, пробиться к нему через его охрану, адвокатов, агентов, красоток-блондинок, музыкантов и друзей, в числе которых была Элла Фицджералд, готовившаяся к концерту, через несколько загадочных личностей, словно сошедших со страниц романа Пуццо, было очень трудно, тем более найти час для дружеской беседы. Прошла неделя, о которой я сохранил наилучшие воспоминания, но все еще не имел возможности рассказать ему сюжет «Ночного Парижа». Затем он решил ехать в Чикаго, где его присутствие было необходимо по двум причинам: он обещал быть на похоронах Майка Тодда, мужа Элизабет Тейлор, погибшего в Мексике в авиакатастрофе, и на матче-реванше по боксу Базилио Робинсона. Мы последовали за Синатрой в Чикаго.

После похорон мы оказались в его «люксе»... вместе с одним из крестных отцов мафии, начальником полиции Чикаго. Потом лимузин отвез нас на стадион, где должен был состояться матч. Нас сопровождал эскорт мотоциклистов. Я сидел напротив «крестного отца» и начальника полиции, которого назову Джоном, ибо его настоящее имя забыл. Джон не раз бывал в Париже. Ему нравился

город, и мы почувствовали симпатию друг к другу.

После матча из пятнадцати раундов, блестяще выигранных Робинсоном, Синатра потащил нас в ресторан «Чичера», где «крестный отец» давал ужин по случаю обручения своей дочери. Нас ожидали итальянская кухня, вино до отвала и похабные народные песни – Коппола ничего не выдумал. До того как принесли кофе, Джон предложил мне:

– Пойдемте, я покажу вам такое, чего вы не увидите в Париже.

Мы вышли на бульвар, и он повел меня в кафе-ресторан, ничем внешне не примечательный, за исключением того, что показался мне довольно грязным. Джон толкнул дверь за баром, и мы оказались в прокуренном маленьком зале в компании двух десятков зрителей, не спускавших глаз с раздевавшейся без всякого вдохновения стриптизерки. Она была хорошо сложена, но я заметил Джону, что у нас в Париже есть и почище.

– Обождите, – сказал он.

Я кивнул. И тут произошло нечто совершенно неожиданное для Соединенных Штатов 1958 года: девушка разделась догола. Джон был прав. Даже на Пигайль танцовщицы сохраняли нашлепки на нижней части тела. Тем временем, сделав несколько прыжков, стриптизерка ушла со сцены, уступив место подружке.

Из вежливости я выразил преувеличенное удивление. Джон был в восторге.

– Разумеется, такое зрелище совершенно незаконно, – засмеялся он и добавил: – Но со мной вы ничем не рискуете.

Позднее он пояснил, что за цензуру в кино отвечает не мэр, а полиция.

– Я вырезал двенадцать минут из «И Бог создал женщину...». Думал сохранить вырезки для себя. Но теперь дам распоряжение все восстановить.

Таким образом, по крайней мере часть зрителей в Чикаго смогли увидеть мой фильм в полной версии.

На другой день Фрэнк Синатра все же уделил мне два часа для частной беседы. Сюжет ему понравился, он согласился подписать письмо в подтверждение того, что готов сняться в «Ночном Париже»

с Брижит Бардо.

Нас уверяли, что мы ничего не добьемся от Синатры, но Рауль решил попытать счастья – и победил.

Вместе со сценаристом Гарри Курнитцем мы тотчас сели за работу. Тандем Бардо – Синатра не мог не привлечь зрителей, и Раулю не стоило больших трудов собрать деньги на постановку. Он не предусмотрел лишь одного: Брижит потребовала, чтобы в контракте было оговорено проведение всех съемок в Париже. Она и слышать не хотела о поездке в Голливуд. А Синатра отказался провести месяц в Париже. У него тоже были свои привычки.

Так фильм «Ночной Париж» никогда не был поставлен.

14

Худющие собаки, бродившие вокруг студийной столовой, жались к стенам. Карабинеры из охраны, заправив револьверы в чехлы тяжелой портупей, с винтовками на плече, изнывали от жары в своей шерстяной униформе. В павильоне без кондиционера электрик упал в обморок и обжегся о раскаленный металл прожектора. После обеда Брижит пришлось трижды подправлять грим. Начало сентября 1957 года ознаменовалось в Мадриде невиданной жарой.

Снимать в такой обстановке было сущей пыткой. Положение усугублялось вспышками и так бурного испанского темперамента. Малейший инцидент оборачивался драмой. При Франко к рабочим относились как к рабам, и помреж с испанской стороны бесчеловечно злоупотреблял своим положением. Чтобы уйти из декорации, нам пришлось снимать сверхурочно поздно вечером. Обратив внимание на адские условия работы из-за жары, рабочие и техники потребовали перерыва после ужина и оплаты сверхурочных, в чем им было отказано. Как некогда на римских галерах, стал назревать бунт. В два часа ночи, закончив работу, помреж совершил промашку, назвав студийного рабочего, пригрозившего уходом с картины, «менструирующей бабенкой». И тем нанес ужасное оскорбление представителю расы, невероятно гордящейся своей мужской потенцией. Образовав полукруг, рабочие стали приближаться к

помрежу и его помощникам.

Испугавшись, тот сообщил по переговорнику карабинерам, чтобы они вызвали подмогу. И те с винтовками наперевес ворвались в павильон. Измученные жарой и привыкшие легко пускать в ход оружие, они ждали лишь предложения, чтобы начать пальбу. Но сначала стороны лишь перебранивались.

– Нет, да! – кричали рабочие.

– Нет, нет! – отвечали члены постановочной части.

– Нет, да!

– Нет!

Я пробовал вмешаться, тормозил помрежа, но никто не хотел уступать. Когда же я обратился к старшине карабинеров, он грубо оборвал меня.

Брижит свободно могла уйти в гримерную и спрятаться там. Но она была возмущена отношением к съемочной группе и одним присутствием выказывала свою солидарность. Но ее мужественное поведение не могло ничего изменить. Все были слишком взвинчены.

Тогда ей пришла в голову гениальная штука. Напевая мотив популярной самбы, она начала подражать репликам противников: «Да – нет, нет – да». Мой находчивый ассистент Серж Маркан (брат Кристиана) понял намерение Брижит, и вот они уже дуэтом распевают: «Да – нет, нет – да!» И, танцуя самбу, расталкивают рабочих и карабинеров, уже взявших оружие на изготовку. На минуту все остолбенели, а затем их поддержали некоторые рабочие, подхватив «Да – нет, нет – да!». В игру включился сам помреж и его помощники. Драма оборачивалась музыкальной комедией. Честь обеих сторон была спасена, кровь не пролилась. Я дал слово, что добьюсь от Рауля Леви, которого ждали на другой день, оплаты сверхурочных.

Смелость и находчивость Брижит привели в восхищение этих мужчин, которых было не так уж просто чем-то удивить и которые еще помнили кровавые побоища гражданской войны. На другой день она обнаружила в гримерной букет цветов и письмо, подписанное всеми членами группы – от рабочего до первого ассистента Педро Видаля.

– Никогда еще розы не радовали меня так, как эти, – сказала она.

После нашего разрыва (но мы еще не были разведены по закону) мне пока не привелось снимать Брижит. В начале года я сдал фильм «Кто знает?», который, по мнению многих, остается моим лучшим фильмом. Жан-Люк Годар написал, что он порывает с традициями и отвечает потребности зрителя в новом кино.

«И Бог создал женщину...» способствовал притоку долларов во французскую казну и обогатил моих продюсеров. Он также открыл Брижит дорогу в царство «звезд» и привел в студии безусых молодых режиссеров. Рауль Леви не мог упустить такого случая: ему нужен был еще один фильм Бардо – Вадима. Он купил права на экранизацию романа «Ювелиры при лунном свете», рассказывавшего романтическую любовную историю воришки с большой дороги и девушки из хорошей семьи. Действие разворачивалось в Оверни XIX века. На зависть многим, Рауль был допущен в клуб продюсеров с международной репутацией и совершил ту же ошибку, что и другие его собраты, забыв, что фильм не делается как автомашина или консервы из зеленого горошка. Дабы использовать заблокированные испанским правительством песеты «Каламбии», он решил перенести действие в Андалусию наших дней. А сценарий поручил написать автору полара,⁴ возглавлявшему список самых популярных тогда изданий. Это был очаровательный, не от мира сего, но начисто лишенный таланта человек. В довершение всего он увлекся Стефеном Бойдом, превосходно сыгравшим в недавнем шпионском фильме, но столь же пригодным для ролей романтических любовников, как Папа Римский для исполнения чечетки в Лас-Вегасе. Я же хотел снять фильм в горах Оверни в эпоху дилижансов с Пьером Брассером в роли бандита-анархиста. Но пришлось уступить Раулю, с которым был связан пятилетним контрактом и вовсе не собирался воевать с человеком, которого считал верным другом. Просто я рассчитывал в ходе съемок превратить банальный сценарий в хороший фильм. Но не преуспел в этом, сохранив на пленке лишь дивные пейзажи южной Испании. Мне следовало бы помнить, что я режиссер, а не художник

⁴ Разновидность детектива.

или фотограф.

Тем временем Брижит вернулась к съемкам милых французских комедий. Она приняла участие в картинах «Новобрачная была слишком красива» и «Парижанка». Жан-Луи Трентиньян проходил военную службу. Лежа около подвешного бассейна в отеле «Савой», Брижит доверчиво признавалась:

– Я не могу жить, если мое сердце не бьется при каждом телефонном звонке. Бедное сердечко! Ему и так трудно качать кровь в артерии, а тут ему еще приходится иметь дело с любовными переживаниями...

Она чуть печально засмеялась, как бы иронизируя над своим излишним романтизмом. Она была одинока. Беззащитна.

– Мой Вава, – сказала она, беря меня за руку. – Ты один меня понимаешь.

Она называла меня Вава или «старым русским». Вадимом же только в чрезвычайных обстоятельствах.

В эту минуту к нам приблизилась лучезарная красотка, к которой были прикованы глаза всех мужчин. Золотоволосая, с глазами такой чистой голубизны, что могли поспорить с небесной лазурью, с восхитительной кожей молочного цвета – столь же нежной на взгляд, как и на ощупь, со слегка вздернутым носиком, чувственным ртом, идеальной фигурой, она была олицетворением женственности и больше напоминала божество, чем модель. В ней не было никакой сексуальной агрессивности. Находившаяся в расцвете лет, источавшая радость бытия, созданная для смеха и счастья – такова была Аннет, набросившая на купальник кашемировую блузку, прикрывавшую ее живот на пятом месяце беременности. Ребенок, которого она носила, был моим. Поцеловав Брижит, она прилегла рядом.

Я встретил Аннет и ее сестру Мерете, не столь красивую, но такую же динамичную и «секси», пользовавшуюся таким же успехом, как и младшая сестра, в начале года. Обе приехавшие в Париж датчанки сводили с ума всех плейбоев столицы. Их отец, сельский врач, покончил с собой, когда его бросила жена. Девочкам было 8 и 9 лет. С тех пор их мать жила со странным и гениальным человеком,

ученым, героем Сопротивления в период нацистской оккупации. Но они были бедны. И девушки уехали из Копенгагена зарабатывать на жизнь. На какое-то время Аннет стала нянькой и тренером по водным лыжам в Англии, а Мерете позировала для модных журналов. Потом они перебрались в Париж, где, живя без гроша в кармане, тем не менее отвергли домогательства Али Хана, Бародского махараджи, Дэрила Занука и других миллиардеров. Сказав «нет» деньгам, обе произнесли приговор и браку по расчету. Что сделало их еще более желанными.

Однажды вечером я находился в компании Аннет и Мерете в дискотеке на улице Сен-Бенуа. И уже было встал, чтобы пригласить старшую (мы с ней немного флиртовали), когда Аннет произнесла со своим неопишуемым акцентом:

– Нет, ты танцуешь со мной.

Сестры уже посоветовались, кому я должен был достаться. Аргументы так и остались мне неизвестны. Победила Аннет. Убежденный, что выбирают всегда женщины, оставляя мужчинам иллюзию, будто они их выиграли в жарком бою, я пришел к выводу, что сей скандинавский торг лишь позволил всем троим выиграть время. Я потанцевал с Аннет и в тот же вечер отвез ее в «Бельман», переспал с ней, влюбился и мы больше не расставались.

Она приехала ко мне в Венецию, где я как раз снимал «Кто знает?».

26 января мы всей съемочной группой весело отпраздновали мой день рождения в «Граппа ди Ува». В лифте отеля «Бауэр Грюнвальд» на Большом канале Аннет сбросила жакет и расстегнула блузку. Начав стриптиз на площадке 4-го этажа и шагая по коридору к нашему номеру, она продолжала сбрасывать остальные предметы своего туалета – блузку, юбку, лифчик и, наконец, трусики. Так что перед дверью нашего «люкса» она была уже совершенно голая, как Ева в саду Эдема. Повернувшись ко мне, она протянула ладонь, на которой лежала свернувшаяся в клубок маленькая змейка, настоящее сокровище, в виде золотой цепочки от «Булгари» с выгравированным «Моему Пипфюглю».

«Пипфюгль» по-датски «воробей». Такое прозвище она дала мне. «Ты самый богатый и самый бедный мужчина на свете, – сказала она мне. – Как воробей, ты все видишь и все знаешь, но у тебя нет счета в банке». Позднее я узнал, что она продала два платья от Балансиаги, чтобы купить мне эту цепочку.

Я не успел поблагодарить ее, как появились наши соседи.

– Ключ! – крикнула Аннет.

Я забыл его у консьержа. Собирать разбросанные по коридору вещи было поздно. Мимо нас прошествовала американская пара, и Аннет улыбнулась им с непринужденным видом одетой в вечерний туалет женщины, вернувшейся с бала, которая извиняется за то, что не узнала некоторых гостей. Я набросил на нее свой пиджак.

И тут раздался смех. Громкий, великодушный смех Орсона Уэллеса. Он шел к нам в сопровождении грума, подбирая на ходу брошенные предметы женского туалета, что и вызвало с его стороны такое веселье.

Узнав меня и дружески кивнув, он не спускал глаз с Аннет. Большой знаток женской красоты, Орсон не стал расточать комплименты. Только прищурил лукаво глаза и сказал Аннет, тщетно пытавшейся скрыть свою наготу, прижимая к груди мой пиджак:

– Прошу извинить за внешний вид, я весь день был за рулем и не выгляжу очень представительно.

– Наша дверь заперта, – пробормотала Аннет. – Я забыла ключ.

– Можете одеться в моем номере.

И, не ожидая ее ответа, пошел к своей двери.

Пока Аннет одевалась, он открыл бутылку коньяка. Мы уже немало выпили в «Граппа ди Ува», и, зная питейные таланты Уэллеса, я приготовился к трудному испытанию.

Он приехал в Венецию повидаться с итальянским продюсером, чтобы обсудить проект фильма, который привел его в восторг, но до воплощения замысла так и не дошло.

Уоллес спросил Аннет, не снимается ли она в моем фильме.

– Я не намерена сниматься в кино, – ответила она.

– Наступит день, когда вы поймете, что вся наша жизнь – кино. К тому же кино – превосходная штука, чтобы дразнить жизнь.

Мне предстояло рано снимать, но Орсон Уэллес не отпускал нас. За первой бутылкой последовала вторая.

– Солнце очищает от греха, – сказал он. – Обождем, когда рассветет.

После восхода солнца, которое очищает от греха, мы с Аннет наконец вернулись к себе.

В Мадриде беременная Аннет ужасно страдала от жары. Брижит называла меня чудовищным эгоистом за то, что держу ее рядом с собой. И сумела убедить будущую мать уехать в Копенгаген. Прощаясь со мной в аэропорту, Аннет плакала.

Никого не любя, не имея любовника, Брижит пребывала в угнетенном состоянии. Мы провели с ней, однако, несколько веселых вечеров у цыган и танцоров фламенко. Но по большей части она уединялась, окруженная своим маленьким двором, состоявшим из гримерши Одетты, парикмахера, дублерши и некоторых поклонников и поклонниц, готовых выполнить любое ее желание. Брижит любила окружать себя «подпевалами». Она хотела, чтобы ей говорили: «Моя Бриби, ты права» или: «Моя Брибри, пусть себе болтают, они ничего не понимают». Ее толкали на легкий путь успеха, а ей не хватало требовательности к себе или интеллектуальной смелости при выборе фильмов. Я уже говорил, что Брижит не очень любила кино. Но не была капризной актрисой. Во время съемок «Ювелиров» она вела себя безупречно.

После отъезда Аннет мы переехали в Торремолинос, небольшую андалусскую деревню, ставшую спустя несколько лет своего рода испанским Сен-Тропе.

В фильме важную роль играл ослик, которого Брижит нарекла Ромео. Не желая возвращать его хозяину, она купила осла. Хозяин отеля отказался дать ему место в гараже, и Брижит приютила его в своем номере.

Однажды она позвала меня к себе. Брижит лежала в постели, осел – рядом на одеяле.

– Вадим, я больше не могу. Я возвращаюсь в Париж. Я рассчитываю на тебя. Позаботься о Ромео.

И на другой день уехала. Она была действительно без сил и, чтобы закончить картину, нуждалась в паре недель отдыха. Мне предстояло снять без нее много сцен. Ромео был защищен страховкой. И мне пришлось взять на себя заботу о нем.

После невероятной жары пошли тропические ливни, которых никогда не видели на юге Испании. В Валенсии погибло более тысячи человек, в Малаге утонули две тысячи. Съёмки пришлось прервать. Рауль обсуждал с Ллойдом возможность переезда в Ниццу, чтобы там завершить работу.

Я заболел. Сильный жар сопровождался три дня сильной икотой. Я решил, что мне подобно Папе Пию XII-му суждено умереть от икоты. Рауль вызвал из Парижа моего врача Луи Шварца. Тот диагностировал воспаление поджелудочной железы в результате странного вируса, который поражает обычно только скот. В частности, ослов. Я был слишком слаб, чтобы излить гнев на Ромео, и тешил себя перспективой пытки, которую устрою ему, когда поправлюсь. Луи Шварц укатил в Париж, прописав антибиотики, которые надо было вводить в вену. Испанская сестра-кармелитка не верила в уколы и заставляла меня глотать капсулы и запивать их соком. Она говорила, что каудильо сохранил здоровье лишь потому, что не признавал уколов.

– Бог создал у мужчины семь отверстий – уши, ноздри, рот, пенис и анус. И на две больше у женщин – соски, – говорила она... – Я не стану делать еще одну дырку, чтобы впустить в вас дьявола. Вы мне кажетесь хорошим молодым человеком, который заслуживает того, чтобы умереть христианином.

У сестры милосердия были свои принципы, но лихорадка не прекращалась.

Я жил в домике на пляже в трехстах метрах от отеля, где находился телефон. Однажды ночью я проснулся весь мокрый с мыслью, что должен непременно позвонить Брижит. Несмотря на высокую температуру, я встал. Едва держась на ногах, ослабев после десяти дней в постели, я кое-как добрался до отеля. Мне надо было позвонить Брижит! Сев на место телефонистки, которая давно ушла спать, я с помощью допотопных штекеров сумел соединиться с

Малагой, потом с Мадридом, а оттуда уже меня связали с квартирой Брижит на авеню Поль-Думерг. Но там не отвечали. Тогда я позвонил родителям и – о чудо! – к телефону подошел ее отец.

– Я вас разбудил?

– Нет, – ответил Пилу. – Я упражнялся на пиле.

Из всех музыкальных инструментов это был самый архаичный, звуки из которого извлекались с помощью особого смычка, сгибая и разгибая пилу.

– Прошу вас, дозвонитесь до Брижит, а если никто не ответит, бегите туда.

Он никак не мог понять моего внезапного беспокойства, но пообещал все сделать, как я прошу.

Позвонив дочери и не получив ответа, Пилу крайне удивился. Ведь, уходя от них, Брижит сказала, что идет спать.

Он проделал пешком сто метров, отделявших дом 1-бис на улице Помп до дома Брижит. И, поднявшись на 9 этаж, стал звонить, стучать – бесполезно. Уже собираясь уходить, Пилу почувствовал запах газа. У него был дубликат ключа. Войдя, он увидел крепко спящую Брижит. Пилу выключил газ нагревателя в ванной и открыл окна.

Через три дня, когда прошла моя хворь, я выехал в Париж, простив по-христиански Ромео за то, что тот стал виновником моего панкреатита. Погрузив Ромео вместе с бутафорией на грузовик, его отправили на студию «Викторин» в Ницце. Я проведаль Брижит. Ей было много лучше, чем перед отъездом из Торремолиноса. И месяц спустя мы закончили в Ницце «Ювелиры при лунном свете».

Аннет вернулась из Копенгагена на восьмом месяце, еще более красивая, чем прежде.

7 декабря, в день своего рождения, она родила в клинике Нейи девочку весом восемь с половиной фунтов, которую я записал в мэрии под именем Натали Племянников.

15

1958 год стал чередой одних профессиональных неудач.

Вернувшись из США, я узнал, что Брижит отказывается сниматься в фильме «Ночной Париж» в Голливуде. Не испытывая недостатка в идеях, Рауль предложил заменить музыкальный сюжет историей о довольно наивной и ловкой девушке, ставшей помимо воли участницей Сопротивления. Брижит пугала перспектива быть сброшенной на парашюте. А когда она поняла, что это может сделать дублерша, согласилась на главную роль в картине «Бабетта идет на войну». Сценарий должен был писать американец. И тут как раз на экраны вышла моя картина «Ювелиры», которая, как я и предполагал, не имела большого успеха.

Я еще участвовал в написании сценария «Бабетты», когда из газет узнал, что Рауль пригласил на постановку Кристиан-Жака. Я понимал его: напуганный неудачей нашего последнего фильма, он решил подстраховаться. А то, что ему не хватило мужества сказать мне об этом, вполне отвечало его характеру. Меня больше огорчила позиция Брижит. Так часто возмущавшаяся отсутствием этических норм у людей нашей профессии, она могла бы снять трубку и объяснить, что Кристиан-Жак лучше подходит для постановки такого фильма.

Посчитав «Бабетту» еще одним нереализованным проектом, я перестал оплакивать судьбу и решил не требовать объяснений у двух моих самых верных друзей.

Сняв на лето около Сен-Тропе ферму, окруженную виноградниками и большими эвкалиптами, я поселился там с Аннет и младенцем. Мне присуще быстро забывать удары судьбы, если я бессилен что-либо изменить. Поэтому я выбросил из головы «Ювелиров» и «Бабетту». Я был счастлив с Аннет и Натали, обнаружив в себе талант детского воспитателя. Я обожал Натали и с увлечением наблюдал пробуждение в ней разума. Я научился ее кормить, менять пеленки, узнавать по плачу, болит ли у нее животик или она просто старается привлечь к себе внимание. Придумывал разные игры с ней, разговаривал, как с сознательным существом, избегая всяких «ладушек» и сюсюканья при обращении с младенцами. Няньки у нас не было, и когда вечером мы уезжали погулять, за ребенком присматривала соседка, мать семейства. Днем

мы повсюду таскали Натали с собой.

Мой друг автогонщик Клод Бурийо представил меня старому гранду Энио Феррари. Его завод как раз готовился выпустить на рынок новую модель гоночной машины: двенадцатицилиндровый мотор на 320 лошадиных сил был способен развивать скорость 290 километров в час. Я согласился принять участие на ней в авторалли. Взамен Феррари продал мне одну из последних своих моделей по цене серийного «форда». В тот год в Сен-Тропе это была единственная такая машина. Франсуаза Саган ездила на «астон-мартин», а Гюнтер Закс, будущий муж Брижит, на «мерседесе 300».

Робеющий турист, которого я встретил два года назад, очень изменился. Наследник заводов Опеля, Гюнтер стоял во главе целой империи. Он знал толк в развлечениях и расходовал деньги, как истинный сеньор.

Наша «банда» пользовалась скверной репутацией. Под влиянием дурно информированных медиа публика считала нас развращенными неогедонистами. На самом же деле мы были малость подзадержавшимися в развитии симпатичными анархистами, которые устраивали морские бои с использованием в качестве оружия огнетушителей, катались на водных лыжах по мокрому песку бухты Пампелонн, слегка пугая отдыхающих. В «Эпи-Пляж» (частном клубе-ресторане, где встречались «звезды» и знаменитости тех лет) наши потасовки с помощью кремовых тортов вызвали бы зависть Максеннета, и Лаурела, и Харди. Как видите, мы не совершали ничего дурного.

Сен-Тропе был тогда единственным в своем роде местечком, где смешивались люди разных возрастов, состояний и социального положения. Тут можно было жить как миллионер или, будучи миллионером, развлекаться жизнью богемы. Никаких конфликтов между поколениями. Искусство, финансы, политика составляли превосходную смесь.

Как ни парадоксально, но нравы в те времена были пуританскими. Нудисты, загоравшие вдали от нескромных глаз за зарослями малины, преследовались жандармами.

В трехстах метрах от Таити-пляжа дорога делала вираж, а посередине поворота стояла огромная развесистая сосна. От этого места дорога уходила налево и направо.

В ту ночь к характерному посвистыванию «феррари» примешивалось пение цикад и пофыркивание «мерседеса».

Им предстояло встретиться на дуэли. Старт был обозначен в 150 метрах от сосны. По сигналу (свистку) обе машины устремились навстречу друг другу. В темноте водители не видели, по какой дороге, вправо или влево, от дерева поедет противник. Если машины оказывались по одну сторону от дерева, всякое столкновение исключалось. Водители должны были во что бы то ни стало избежать этого. Игра заключалась в том, что, обязанный уступить дорогу другому, один из шоферов был обречен оказаться во рву. Это была своеобразная русская моторулетка, оставлявшая, однако, проигравшему шансы на жизнь.

За рулем «мерседеса» был Гюнтер, вел «феррари» я. Арбитрами выступали Франсуаза Саган, Кристиан и Серж Марканы, Морис Роне и Марлон Брандо.

Турнир проходил максимум в три раунда.

В первом раунде «феррари» отправилась влево, «мерседес» – вправо.

Во втором раунде машины столкнулись нос к носу с левой стороны дерева. Для принятия решения требовалась секунда. Нервы Гюнтера сдали, и он оказался без всяких, впрочем, ушибов во рву. На другой день тягач вытащил его машину. Покраска и исправление вмятин обошлись хозяину в несколько тысяч франков. Пустяк для него.

Гюнтер устроил пышный ужин в ресторане «Гаити», чтобы отметить свой проигрыш. Экзотический оркестр, сто пятьдесят гостей. В середине вечера четыре таитянки принесли огромное блюдо. Сначала все подумали, что там рыба-меч или гигантский лосось. Но это оказалась не рыба, а совершенно голый Серж Маркан, обильно прикрытый майонезом и маленькими корнишонами.

– Пипфюгль, ты искупаешь малышку? – крикнула Аннет из кухни, где готовила национальное датское блюдо – фрикадельки.

– Сегодня я бастую.

Перед тем как поставить фрикадельки в духовку, Аннет отправилась в туалетную комнату, а затем занялась кормлением дочери, которая дожевывала последние страницы романа Агаты Кристи.

– Так ты и не узнаешь, кто убил маркизу, – сказала, смеясь, Аннет.

И пошла в ванную, откуда вскоре раздался ее истошный крик. Поскольку я его ждал, то не двинулся с места. Она прибежала с голой Натали и поцеловала меня. В руках у нее был листок бумаги, который я сунул в рот дочери и на котором написал: «Моя Ненета (так я звал ее, когда мы были одни), свободна ли ты в субботу 27 августа? Я должен быть в мэрии Ла-Лонд-ле-Мор, а затем на обеде в „Королеве Жанне“. Твое присутствие совершенно обязательно. Целую. Пипфюгль. P.S. Наш друг граф де Лесс, мэр Ла-Лонд, ждет нас для бракосочетания».

Мы с Аннет изредка поговаривали о браке, но она никогда не настаивала на нем. Только от друзей, с которыми она была откровенна, я знал, что ничто в жизни не могло доставить ей большего удовольствия. Живя с мужчиной, вечно окруженным в силу своей профессии известными или начинающими актрисами, осаждаемая журналистами, которые называли ее новой находкой Роже Вадима, она не слишком была уверена в своем имидже. С другой стороны, датчане вопреки распространенному мнению весьма старомодны во взглядах на брак. Мать-одиночка отнюдь не превращалась в Копенгагене в символ женской независимости. Кроме того, ее вечно сравнивали с Бардо. С таким наследством ей было не просто справиться. «Ведь женился же он на Бардо! Почему он не женится на вас? – спрашивали ее журналисты. – У Брижит к тому же не было ребенка от Вадима».

Я не считаю брак ни доказательством любви, ни общественной потребностью. По правде говоря, я не испытываю особого уважения к этому институту, так что у меня нет на этот счет никаких

предрассудков. Почему бы и нет, если роспись в мэрии может упростить жизнь, позволит платить меньше налогов, защитит детей в школе или способна успокоить женщину, которую любишь? Я женился на Брижит потому, что ее родители не допускали жизнь вне брака. Это был мой ей подарок.

Развод с Брижит стал простой формальностью (к огорчению адвокатов, которые не могли использовать суд в качестве саморекламы).

Но по французскому закону вступить в новый брак можно было лишь спустя девять месяцев после решения суда о разводе. Этот срок как раз истек.

Наша свадьба без протокола и соблюдения обычаев превратилась в настоящий праздник. Я выбрал местом для его заключения маленькую деревню Ла-Лонд, ибо ее мэр, граф де Лесс, бывший офицер Иностранного легиона, с которым я познакомился в Марокко в бытность репортером, согласился поступиться правилами и не публиковать объявление о бракосочетании. Мы смогли пожениться, не привлекая толпы журналистов, которые превратили бы церемонию в рекламное шоу.

Как никогда белокурая, счастливая Аннет была одета в короткое платье под цвет ее глаз. Я надел шерстяные брюки и пиджак, но был без галстука. Друзья не проболтались. И не было ни фотографов, ни телекамер.

После церемонии, обсыпанные, как и все, рисом, мы отправились в «Королеву Жанну». Вилла с таким названием нашего друга майора Поля-Луи Вейлера была построена у самого пляжа на краю соснового леса. Здесь в силу какой-то традиции любили отдыхать президенты Республики.

Поль-Луи Вейлер был, наверное, последним меценатом на земле. Продав компанию «Эр Франс» правительству, он получал проценты с каждого рейса. Свадебный обед состоялся за огромным столом в естественном гроте. Мы все были в купальниках. Одетыми были только герцог и герцогиня Виндзорские, которые пришли к нам по-соседски выпить кофе.

Последующие дни в жизни супругов Племянников выдались очень бурными. Наша ферма подверглась осаде. Фотографы забирались на эвкалипты и крыши соседних дач. Стало невозможно ходить в ресторан, гулять. Сколько же шума наделала одна подпись под брачным документом. Я знал, что пресса подобна ребенку, которому быстро надоедает игрушка. Интерес к нам должен был скоро иссякнуть. Лучше было не обращать на журналистов внимания.

В начале сентября мы с Аннет вернулись в Париж.

Тогда-то секретарь всемогущего Карло Понти Пьер Фероз предложил мне экранизировать эротический роман Шодерло де Лакло «Опасные связи». Рене Клеман, Висконти, Латтуада отказались снимать фильм. Этот роман, наделавший столько шума в XVIII веке и входящий сегодня в программы всех европейских университетов, было не так просто экранизировать. Мне показалось забавным показать, что с тех пор, как король Франции в 1782 году осудил публикацию романа, ничего не изменилось по части морали. Для этого надо было перенести действие в XX век.

Я ответил Понти: «Согласен, если смогу снять фильм в Париже 1959 года». Великий продюсер, но отнюдь не новатор, муж Софии Лорен продал тогда права главе фирмы «Фильмы Марсо» Эдмону Тенуджи.

Работая над тремя версиями сценария и уже приближаясь к концу, я не был удовлетворен тем, что получилось. И тогда вспомнил о Роже Вайане, попросив его написать диалоги. Жерар Филип и Жанна Моро уже подписали контракты на главные роли. Оставалось найти актрису на роль образцовой супруги ангельской красоты, которая, пожертвовав честью и религией ради своей страсти, в конце концов умирала.

С той же ловкостью, с какой Аннет привела меня к аналою, она стала намекать, что хочет стать актрисой. Совместная работа могла, мол, нас еще больше сблизить. Ей не хотелось подобно Пенелопе в ожидании Одиссея, сидеть дома, ожидая возвращения мужа-режиссера со съемок. К тому же она не умела вязать.

Аннет по своим внешним данным так подходила для роли

Марианны, что я решил сделать пробы. До актрисы ей было далеко, но ее акцент, обаяние и податливость позволяли надеяться, что она справится с ролью. То есть я решил пойти на риск, который ничуть не облегчал мою задачу, если принять во внимание, что она должна была работать с такими корифеями, как Филип и Моро.

Тем временем Брижит снялась в прекрасной картине Клода Отан-Лара «В случае несчастья», где ее партнером был Жан Габен. Критики заранее предвкусали, как хищник растерзает хорошенькую куколку. Их ожидало разочарование. Талант Габена не помешал Брижит выразить свою непосредственность. Впервые заговорили о ее таланте, а не только о женских прелестях.

В то время, когда я заканчивал «Опасные связи», Брижит уже снималась в «Бабетте». Ее партнером был молодой, подающий надежды актер Жак Шаррье. И она снова влюбилась.

В конце мая Брижит позвонила мне.

– Вадим, мне надо с тобой посоветоваться. Раз она сказала «Вадим», дело было серьезное.

– Ты хочешь со мной поужинать?

– Нет. Никаких ресторанов. Если Жак узнает, будет скандал.

Мы договорились встретиться у Порт-де-ля-Мюэтт, со стороны Булонского леса.

– Ты легко меня узнаешь по желтой розе в руке.

Я приехал на своей «феррари». Брижит уже ждала меня. Тепло одетая – было прохладно и дождливо, – она вышла из своей машины и села в мою.

– Итак, это случилось, – сказала она.

– Ты беременна?

– Уже больше месяца. Отъехав, я молча покатыл в сторону леса.

– Никто не понимает моего страха материнства, – произнесла она. – Ни родители, ни друзья. Только с тобой я могу поговорить об этом.

Она повернулась ко мне, пристально посмотрела и спросила:

– Может быть, я чудовище?

– Потому что боишься иметь ребенка?

– Да, я люблю собак, кошек, мышей, голубей и боюсь детей.

После короткой паузы я спросил:

– Любишь ли ты себя? Я имею в виду, уважаешь ли себя?

Возникла опять пауза.

– Я считаю себя много лучше трех четвертей человечества.

– И ты не любишь мужчин? Я имею в виду их как человеческую породу?

– Я нахожу их жестокими... Самые великие из них – сплошь убожества. Я никогда не забуду, что спаситель Европы генерал Эйзенхауэр убил Розенбергов.

– Но ты любила Розенбергов.

– Потому что они стали жертвами. Я не была с ними знакома.

Она посмотрела на щиток моей «феррари».

– Сколько стоит твоя «феррари»?

– Около 150 000 франков.

– 150 000 и нет приемника. Тебя снова надули.

– Я заплатил только 15 тысяч.

– Она краденная?

– Нет. Реклама. Через неделю я участвую в авторалли с Барийо.

– Ты спятил. Я категорически запрещаю. Она засмеялась.

– Я забыла, что мы больше не женаты. Мы ехали вдоль озера.

– Останови, – попросила Брижит. Она подошла к озеру, по глади которого пробежала зыбь. Вытащила из габардинового плаща хлебные крошки и бросила уткам.

Я остался за рулем.

18 июня Брижит вышла замуж за Жака Шаррье в Лувесьене.

11 января 1960 года она родила мальчика – Николая.

16

Страну, травмированную двумя непопулярными войнами, возглавил де Голль. Предложенные им изменения в Конституции были утверждены на референдуме. Беспокойство людей по другую сторону Средиземного моря превратилось в страх, а протесты – в открытый бунт. Поговаривали о рейде алжирских парашютистов на Париж. Аэродромы Орли и Бурже были блокированы танками.

Чрезвычайное заседание правительства продолжалось три дня.

А на Елисейских полях перед закрытыми дверями «Колизе» собралось человек девятьсот. Это была не казарма, а самый современный кинотеатр Парижа. Среди других в толпе я заметил Одри Хепберн и ее мужа Мела Феррера. Они спросили, не началась ли у нас революция? В руках у них были приглашения на премьеру моего фильма «Опасные связи».

– Нет, это не бунтовщики, а мои гости. Правительство запретило показ картины.

Со времени выпуска «И Бог создал женщину...» цензоры ничуть не изменились. Даже напротив. При V Республике генерала де Голля моральные строгости существенно усилились.

Борьба за фильм началась с процесса, начатого против меня Обществом авторов. «Нельзя прикасаться к классическому французскому достоянию», – говорили они о книге, которая как раз преследовала цель поколебать моральные устои и осудить мнимых моралистов.

Адвокатом Общества, который выступал лишь изредка защитником, оказался человек по имени Франсуа Миттеран. И он выиграл процесс, который вошел в анналы юриспруденции. Таким образом фильм, показанный цензуре, оказался под запретом. Продюсер Эдмон Тенуджи – и его можно понять – был в отчаянии. Но у нас была последняя надежда: обратиться в Министерство культуры, которое обладало особым правом отменять решения цензурной комиссии. Я предложил показать фильм министру культуры Андре Мальро. Он посмотрел, картина ему понравилась, но в силу тогдашнего политического положения он отказался принять решение, не посоветовавшись с некоторыми своими коллегами.

Приглашения на премьеру, назначенную на среду, были разосланы «всему Парижу» искусств, политики и журналистики. Во вторник нам сообщили, что просмотр для членов правительства переносится на четверг в девять утра. Тенуджи хотел отменить премьеру.

– Как вы думаете предупредить девятьсот человек? – спросил я его.

– По телефону, по радио.

– Нет, оставьте все по-прежнему. Если фильм разрешат, гости придут снова. Лучшей рекламы не придумаешь.

– А если возникнут стычки, они пришлют полицию. Мне известно, что Министр внутренних дел против фильма. Они используют факт беспорядков в общественном месте, чтобы запретить картину навсегда.

С такими аргументами было трудно не считаться, но я упорно настаивал на том, чтобы рискнуть.

Я позвонил префекту парижской полиции Морису Папону. Тот согласился встретиться со мной в баре «Элизе-Матиньон» (у меня сохранилось фото об этой встрече). Я сказал, что слишком поздно отменять вечерний сеанс. Но, принимая во внимание нервное состояние парижан, присутствие вооруженных полицейских перед входом в «Колизе» может лишь спровоцировать беспорядки.

– Я обязан прислать с полсотни полицейских, – сказал Папон. – Приказ министра.

– А он уточнил, должны ли они быть непременно в форме?

Папон был умным, образованным человеком, которых редко встретишь среди людей его профессии. Он пообещал, что полицейские будут в штатском.

На другой день, несмотря на толпу и напряженную обстановку в Париже, не произошло никаких инцидентов.

В четверг утром девять министров посмотрели картину. Это был исторический сеанс, ибо правительство сидело на готовой взорваться бомбе. Пятью голосами против четырех я был оправдан. И «Опасные связи» получили разрешение на выпуск.

Во время эксклюзивного показа картины в Париже был поставлен рекорд сборов.

Аннет тоже вышла победительницей. Она по заслугам занимала место в ряду с такими прекрасными актерами, как Жерар Филип, Жанна Моро, Борис Виан и Жан-Луи Трентиньян (да, я снова дал ему шанс после возвращения из армии).

Аннет с большой ответственностью относилась к профессии

актера.

Мы еще снимали на студии, когда ко мне однажды в баре подошел какой-то молодой человек в мятом пиджаке и невероятных брюках. У него были темные очки – задолго до того, как эту моду ввели «звезды» рок-музыки. Он пробормотал свое имя, которое я не решился попросить его повторить.

– У меня есть роль для вашей жены, – сказал он.

Я всегда был готов помочь молодым, желающим искусить судьбу в джунглях кинематографа. Поэтому, хотя меня ждали в павильоне, терпеливо выслушал его.

– У вас есть сценарий? – спросил я.

– Да, – ответил он.

И протянул спичечный коробок. На нем было нацарапано несколько слов. «Он – подонок, замороженный героями американских фильмов. У нее акцент. Продает „Нью-Йорк геральд трибюн“. Это не совсем любовь, а, скорее, иллюзия любви. Все плохо кончится. Нет, хорошо. Или плохо».

– И это сценарий?

– Да. – Потом добавил: «Я уже снимал документальные картины. Я – гений».

Мне уже попадались экстравагантные молодые люди, будущие гении. Но ему я почему-то поверил.

Перед тем как приняться за кофе, он вынул из кармана кусочек сахара и бросил в чашку.

– Я краду сахар, – пояснил он.

Перед ним стояла сахарница, набитая пиленным сахаром. Несомненно, краденый обладал лучшим вкусом.

– Я поговорю с Аннет, – пообещал я. Он протянул мне спичечный коробок.

– Покажите ей сценарий.

В павильоне я все рассказал Аннет.

– Там какой-то тип предлагает тебе сняться в его фильме.

– Кто такой?

– Непонятно. Но выглядит человеком, знающим, чего хочет.

Аннет где-то вычитала, что «звезды» и крупные актеры никогда

не дают согласия, не прочитав сценарий.

– У него есть сценарий? – спросила она.

– Да. И я протянул ей спичечный коробок. Она расхохоталась.

– Поговори с ним, – попросил я.

– Ты смеешься надо мной. Отсняв очередной план, я вернулся в бар.

Очкарик был на месте.

– Она хочет прочитать сценарий с диалогами, – сказал я.

– Ах, да... Это нормально.

Он схватил горсть сахара, встал, поблагодарил меня и удалился.

Искавший меня ассистент Жан-Мишель Лакор, спросил:

– Ты с ним знаком?

– Нет.

– Это Жан-Люк Годар. Я пожалел, что не успел поблагодарить его за статью о моем фильме «Кто знает?». Сценарий же, написанный на спичечном коробке, получил название «На последнем дыхании», а в фильме снялись Жан-Поль Бельмондо и Джин Сиберг в роли, которую он предлагал моей жене.

Я решил, что в следующий раз Аннет хорошо бы сыграть женщину-вампира. В этом случае ее красота помогла бы ей лучше скрыть отсутствие профессиональных навыков.

После успеха «Опасных связей» меня завалили предложениями. Казалось бы, предоставлялась возможность снять картину международного класса с участием крупных актеров. Но я так не поступил. Говорят, любовь слепа. Как можно было устоять перед подобной красотой?

В январе 1960 года я приступил в Риме к съемкам картины «Умереть от наслаждения» с Аннет Вадим, Эльзой Мартинелли и Мелом Феррером. Этот причудливый, слегка упредивший свое время фильм, был, однако, хорошо принят теми зрителями, которые оказались способны оценить его эстетические достоинства.

Во время съемок я прочитал в газетах, что Брижит родила сына. Интересно было бы увидеть ее в роли матери.

По окончании съемок я решил покататься на лыжах в швейцарском Клостере, чтобы по возвращении в Париж завершить

монтаж. Зарезервировав номер в комфортабельном и романтическом отеле, я никак не мог понять, почему Аннет отнеслась так равнодушно к этой поездке.

Неделю спустя в Клостере повалил снег. Несмотря ни на что, я, Серж Маркан, мои друзья – писатели Петер Фиртель, покойный Ирвинг Шоу и очаровательная итальянская поэтесса А. решили покататься. На высоте трех тысяч метров видимость была нулевая, а я к тому же позабыл очки. Считая, что следую по лыжне Сержа Маркана, я сорвался со скалы и полетел вниз. Упав в глубокий снег, я остался жив, но сломал в нескольких местах лодыжку.

Не стану останавливаться на спасательных действиях в снежную бурю, на возвращении на станцию и на приеме у доктора, который лишь загипсовал лодыжку.

Я жил в горах две зимы и был надеждой французской команды горнолыжников. Мне были известны проблемы, связанные с переломом костей. Чтобы спасти лодыжку, требовалось немедленное вмешательство крупного специалиста. Рейсы самолетов оказались забиты на два дня вперед. Тогда поэтесса А. позвонила в Милан своему другу Джанни Аньели, владельцу заводов «Фиат», и тот прислал в Цюрих свой личный самолет. Через несколько часов я был уже в клинике профессора Робера Жюде. Он тотчас обследовал меня.

– Есть два решения, – сказал он. – Либо классика, которая лишит лодыжку двадцати процентов подвижности, либо я попробую на вас новую методику, которая полностью излечит вас.

– Нечего и раздумывать.

– До сих пор я проделал опыты на двух обезьянах, – уточнил Жюде. – Вы будете моей первой подопытной свинкой.

Я решил стать свинкой.

Операция продолжалась более четырех часов. Проснувшись среди ночи, я позвонил домой. К телефону вместо Аннет подошла мадемуазель Милле, нянька Натали.

– Мадам вместе с Блошкой (так она называла мою дочь), уехала. Кажется, в Сен-Тропе.

Наверное, под воздействием пентотала истина предстала передо мной в своем обнаженном виде. Я вспомнил невероятный счет за

телефонные разговоры в Риме. Но так как его оплачивал продюсер, это меня не слишком озаботило. Потом отсутствие восторга со стороны Аннет, когда я решил поехать в Клостер. Все выводило меня на личность Саша Дистеля. Во время моей поездки в США Аннет часто видели в компании этого молодого певца, о котором тогда много говорили. По возвращении я спросил Аннет, насколько невинны эти встречи. Она рассмеялась:

– Ты сошел с ума, Саша только добрый приятель. И все.

Сей «добрый приятель» уже был замечен в компании Брижит Бардо. Эд Сэлливан пригласил его в свое шоу в Нью-Йорке, во время которого представил не как обаятельного французского певца, а «самого везучего мужчину в мире, державшего в объятиях саму Брижит Бардо». Оставляю на его совести подобный комментарий.

Прикованный к больничной койке, я все время прокручивал эту информацию. У Саша была несомненная склонность к моим женам. Однако без подобного признания моего хорошего вкуса я мог бы прекрасно обойтись. Я пристал к друзьям, которые пришли меня проведать, и они подтвердили, что Аннет уехала на Лазурный берег вместе с Саша Дистелем. «Могла бы выбрать лучшее время», – подумал я.

– Что ты намерен предпринять? – спросил Клод Брюле, журналист из «Пари Матч» и близкий друг.

– Разведусь, – ответил я.

И на другой день эта новость была во всех газетах. Узнав об этом из «Нис-Матен», Аннет тотчас вернулась в Париж. Войдя в палату вместе с Натали, она заплакала.

– Неужели ты нас бросишь, Пипфюгель?!

Через десять дней я вышел из клиники на костылях, не зная, как поведет себя лодыжка, но исполненный той же доброй воли, что и оба шимпанзе, попавшие под нож Робера Жюде.

Я снял квартиру на 10 этаже, окна которой выходили на Булонский лес. Наша жизнь с Аннет и Блошкой внешне ничем не изменилась. Она разыгрывала ревность с поразительной искренностью, вырывая из рук последний номер «Вог», если я с излишним интересом рассматривал фото какой-либо очаровательной

блондинки.

В мае Брижит приступила к съемкам в картине Анри-Жоржа Клузо «Истина». Клузо принадлежал к той породе режиссеров, которые стараются подстегивать талант своих актеров, мучая их. Особенно трудно приходилось актрисам. Но с Брижит ему пришлось нелегко. На третий съемочный день он схватил ее за плечи, встряхнул и заорал:

– Мне не нужны любители! Мне нужна актриса!

Брижит терпеть не могла, когда ее тормозили. Ничуть не смущенная тем, что режиссером был гений, она влепила пару звонких пощечин мэтру, сказав при этом:

– А мне нужен режиссер. Иметь дело с больным я не намерена.

И ушла из павильона.

Подобно всем садистам, Клузо не мог устоять перед тем наслаждением, которое приносит мазохизм. Незадолго до смерти он признался мне: «Впервые женщина дала мне публично пощечину. Я был в восторге».

В дальнейшем съемки продолжались уже без рукоприкладства. Но он был строг, требователен, и она страдала от столь непривычной диктатуры. В такой степени, что, пригласив однажды в студию журналиста Пьера Рэя, заявила, что намерена бросить кино.

– Это признание или информация? – спросил Пьер.

– Окончательное решение. Так можешь и написать.

На другой день статья Пьера Рэя вышла под заголовком: «Брижит Бардо бросает кино». Тогда она пригласила другого журналиста, Поля Жианоли, и сказала ему:

– Я хочу, чтобы ты опроверг эту информацию. Я вовсе не намерена выйти из игры.

В этом была вся Брижит! Она была искренна в обоих случаях. Но просто переменяла решение.

Столь же непоследовательной Брижит была и в личной жизни. На картине «И Бог создал женщину...» она влюбилась в Трентиньяна, на «Бабетте» – в Шаррье и вышла за него замуж. На «Истине», если только верить газетам, она влюбилась в своего молодого партнера.

Сами Фрей обладал всеми качествами, чтобы увлечь ее. Пристальный взгляд, застенчивая и победная улыбка, шарм черного ангела делали его неотразимым.

Она попросила меня заехать к ней на студию. «Ей плохо», – подумал я. Брижит никогда не звонила, просто чтобы поздороваться или чтобы сообщить приятную новость.

Я застал ее в гримерной. Она сидела, положив ноги на столик, и жевала сэндвич с крутым яйцом и салатом, запивая красным вином.

– Мой Вава, как приятно, что ты приехал меня проведать.

Я поцеловал ее.

– В конце концов они, слава Богу, не отрезали тебе ногу. – (Я еще ходил с палкой). – Я заказала тебе икру и водку.

Я заметил на гримерном столике 125-граммовую баночку икры и маленькую бутылку «Выборовой».

– Этот тип меня убивает...

Я догадался, что речь идет о Клузо.

– Можно быть хорошим режиссером и не действовать всем на нервы, – продолжала она. – Сколько твоей дочери?

– Два с половиной года. Как ты себя чувствуешь в роли матери?

– Мне могут не поверить, но пока никак. Я жду, когда Никола подрастет, чтобы выяснить наши отношения.

После того как я съел третью ложку икры, Брижит приступила к главному. Ее сердце снова сыграло с ней злую шутку. Но ей и в голову не приходило уйти от мужа.

Она встала. Халат распахнулся, приоткрыв идеальное тело, ничуть не пострадавшее после родов. Талия была такой же тонкой, живот плоский, бедра по-прежнему крепкие, ноги длинные и красивые. Она сказала:

– Мой Вадим, я так несчастна.

«Звезда» еще не поглотила полностью малышку Брижит.

Вошла ее верная гримерша и выразила беспокойство по поводу размытого слезами грима. Спустя десять минут все было исправлено.

Я ничем не мог помочь Брижит. К тому же она не просила совета. Ей хотелось пожаловаться, чтобы ее пожалели, но не судили. Поэтому она была так привязана ко мне. Я принимал ее такой, какая

она была, а судить предоставлял другим.

Делая похвальные усилия, моя красивая датчанка не забывала своего Саша Дистеля. Однако потенциал ее воли обладал весом птичьего пера. Аннет была воплощением добрых намерений, которые ей редко удавалось воплотить на практике.

Я вскружил голову молодой, простой по природе девушке, за которой многие ухлестывали. Я увлек ее в мир, казавшийся ей простым, но так и оставшийся выше ее понимания. Я сделал ее «звездой», а она путала свой талант с фотографиями в журналах. Аннет находилась под влиянием своих мнимых друзей, весьма многоопытных по части разрушения семейного очага. «Он всего лишь бледная тень настоящего режиссера, – говорили ей. – Ты должна взять судьбу в собственные руки». Считая, что Саша Дистель поможет ей упрочить ее независимость, и чувствуя опьянение от сознания своей власти над ним, она испытывала на себе все последствия пресловутого кризиса сознания, столь модного у женщин 60-х годов. Ей не хотелось – и тут я ее понимал –, чтобы ее вечно сравнивали с ББ. В глазах всего мира она была моим творением, а хотела стать полноправной богиней. Однако профессии богини, как и всякой другой, надо учиться. А она это забывала. Лучше сказать, не понимала.

В надежде, что время поможет ей лучше судить об окружающих ее людях и о себе самой, я предложил ей съездить на Таити, куда я собрался для выбора натуры. Фирма «Парамаунт» хотела, чтобы я экранизировал роман Стерстевенса «Пальмовые острова».

Эта поездка принесла нам много радости. Французская атомная бомба и картина с Марлоном Брандо «Мятеж на „Баунти“» еще не испортили таитян и их островов. Три недели мы путешествовали на большом паруснике, переезжая с одного острова на другой.

Но маленькая датчанка не забывала своего гитариста. В нашей хижине в Папете, накануне вылета в Париж, я перехватывал ее отсутствующий взгляд, ее слишком голубые глаза словно были закрыты облаками.

– Ты несчастна? – спросил я ее.

– Нет.

– Если ты меня больше не любишь, скажи мне прямо. Это не грех.

– Я люблю тебя. Ты – вся моя жизнь. Ты моя семья.

28 сентября картина «Умереть от наслаждения» была показана в Париже. После в общем хорошего приема все гости были приглашены к «Максиму». Вечер удался вполне. Весь Париж забавлялся, ужиная с женщиной-вампиром.

– Мне нравится этот розовощекий каннибал, – сказал Сальвадор Дали. – Она умеет отбивать время?

Он повернулся в сторону Андре Мальро и заговорил о «коже», покрывающей камни.

– Представьте себе собор Парижской Богоматери белым.

Не знаю, не в этот ли вечер Дали вдохновил Мальро заняться чисткой столичных памятников. И Париж помолодел на много веков.

Аннет отправилась в туалет. Позднее я узнал, что она звонила Саша Дистелю. По своему обыкновению лучезарная датчанка исчезла, не оставив записки. Я не сексист, но все же не оправдываю подобных поступков у женщин.

Должен признаться: я был несчастен.

В то же самое время Брижит захотела умереть. Она все меньше сносила бремя славы, любопытство вечно следовавшей за ней толпы. Она любила и не любила больше мужа. Она любила любовника и не знала, любит ли его на самом деле. Ее измучили съемки «Истины» Клузо. Каждое празднование дня рождения превращалось для нее в пытку. Свои двадцать шесть лет она отмечала 28 сентября в одной из вилл около Ниццы. Была окружена друзьями, но дом казался ей пустынным. Ни Сами, ни Жака не было с нею. Проглотив смертельную дозу снотворного, она вскрыла вены и убежала. Она не хотела, чтобы ее спасли.

В то время как Брижит, шатаясь, брела по парку и свалилась на край колодца, я вернулся один на авеню Энгр. Слегка пьяный, я лег на диван и уснул, отложив на другой день свои проблемы. Я не испытывал никакого предчувствия смерти, которая уже приблизилась

к малышке Софи.

Среди ночи тринадцатилетний мальчишка по имени Жан-Луи обнаружил окровавленную Брижит на краю колодца. Попытку самоубийства невозможно было скрыть. Прежде я защищал ее, но теперь оказался бессилён.

Фотографы пытались взломать дверцу «скорой», на которой ее везли в больницу. Каждая минута промедления могла стоить ей жизни. Но за снимок дали бы 20 тысяч франков, а если она умрет – в три раза больше. Журналист «Франс-Диманш» перегородил дорогу и проник в машину.

– Она не может говорить, – сказал санитар. – Она в коме.

В этот момент Брижит издала звук «шрр», который был понят журналистом как «Шаррье».

Ее успели вовремя доставить в больницу. А на другой день в газетах появились огромные заголовки: «Умиравшая Брижит прошептала имя мужа».

Если бы упала Эйфелева башня, это не наделало бы большего шума.

Вот другие заголовки:

«Шаррье: „Мне следовало давно понять, что она решила умереть“».

«Истинные виновники самоубийства Брижит».

«Клузо заставляет ее выстрелить и умереть».

В США Джон Ф. Кеннеди вел избирательную кампанию против Никсона. ООН обсуждала взрыв первой французской атомной бомбы. Но попытка самоубийства Брижит Бардо на более чем неделю вытеснила другие сообщения с первых полос газет.

Причины ее неудавшегося самоубийства были обстоятельно разобраны, разъяснены, подчас довольно умно проанализированы. Но ни один журналист, ни один психолог и близко не подошел к истине. Как они могли знать, что еще в 16 лет, до своего успеха, который перевернет всю ее жизнь, до всех своих неудач в семейной жизни, до последовавших разрывов, до рождения ребенка, до нервного срыва в результате изнурительных съемок, еще в 16 лет она уже думала о смерти. Дело было не в кино, не в славе, не в страхе перед выбором

между двумя мужчинами. Когда кончает с собой поэт, говорят: «Он был не в ладах с жизнью». Брижит тоже страдала от такого разлада.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ КАТРИН ДЕНЁВ

17

Танцевали две девушки.

Одна – очень самоуверенная, сознающая, что привлекает всеобщее внимание, другая – слегка растерянная, но и задорная одновременно.

Первую звали Франсуаза Дорлеак. Это была молодая и уже известная актриса, которую критики называли французской Кэтрин Хепберн. Другую, на два года моложе, темноволосую, довольно коротко стриженную, звали Катрин Дорлеак. Но глаза всех мужчин были прикованы к обворожительной Франсуазе. Меня же, наверное одного, заинтересовала ее сестра, малышка Катрин.

«Эпи-Клюб» был модным местом. На первом этаже помещался магазин фруктов и овощей. Лестница вниз вела в дискотеку. Не покушаясь на авторитет Сен-Жермен-де-Пре, Монпарнас снова становился повальным увлечением молодежи.

Когда сестры покинули площадку, произошло нечто странное. Элегантная, красивая, расточавшая улыбки Франсуаза ничуть не изменилась. А вот еще только что такая раскованная Катрин невольно наводила на мысль об улитке, забравшейся в свою раковину. Взгляды, направленные на ее сестру, проходили через нее, как свет проникает через стекло. Подобная метаморфоза заморозила меня. Я один находил ее более красивой, чем сестра. Не пройдет и десяти лет, как пресса присвоит ей титул самой красивой женщины мира.

Мне же не понадобились ни ее успехи в кино, ни фотографии, рассылаемые по всему миру фирмой «Шанель», для того, чтобы понять, что этот маленький носик, холодный, но напряженный взгляд, тонко очерченный, классической формы рот – все это приметы

романтической красоты.

Слава, шарм и ум, присущие Франсуазе Дорлеак, отбрасывали своего рода тень на это еще не созревшее чудо. Сама Катрин не считала себя красивой, восхищалась сестрой, обожала и уважала ее, не испытывая никакой ревности. Ее темперамент прорывался лишь изредка, в чем я только что убедился на танцплощадке.

Мой ассистент и друг Жан-Мишель Лакор был знаком с обеими сестрами. Они подсели за наш столик. Я заговорил с Франсуазой о ее планах. Наблюдая за нами, Катрин не раскрыла рта.

Было уже поздно, и Франсуаза, которой завтра надо было работать, поднялась. Я понял, что у Катрин шуточки и развязный тон не будут иметь успеха. И просто сказал:

– Я бы очень хотел вас увидеть снова.

– Я буду завтра после полудня на студии «Бийанкур» в павильоне, где снимается сестра, – ответила она.

Мы вежливо пожали друг другу руки, и они удалились.

Бывает, что во время несчастного случая не сразу понимаешь, насколько серьезно ранен. Это же относится к некоторым встречам, от которых зависит вся жизнь. Лишь спустя два часа, вернувшись домой, я понял, насколько поразило меня лицо Катрин.

В восемь утра Натали забралась ко мне в постель. Для трехлетней девочки ее словарный запас был довольно богатым.

– Не смей просыпаться, – сказала она.

И сунула мне палец в ухо.

– Как смешно. Люди слушают через дырку. – И после паузы: – Не смей просыпаться.

Снова возникла пауза.

– Жаль, что ты спишь.

– Почему? – спросил я.

– Я нарисовала тебе рисунок. И положила на нос лист бумаги.

Начинался новый день. На мой взгляд, несколько рано: я спал всего три часа и накануне перебрал виски.

Через неделю после памятного вечера у «Максима» Аннет вернулась домой. Приехав с вещами на улицу Энгр, она сказала, что

ее замучила совесть. Я не стал ее ничем попрекать и задавать вопросы. Она расценила это как полное отсутствие галантности с моей стороны. Я знал, что она уйдет снова, и отказывался разыгрывать ревнивого мужа.

Мое понимание, терпимость по отношению к Аннет, которые друзья называли примиренчеством и трусостью, оправдаются потом, когда она решит оставить мне Натали.

– Ты так ее любишь, – сказала она. – Я же принесла тебе столько огорчений. Я не могу ее у тебя похитить.

Некоторые считают, что плохая жена – плохая мать. Отнюдь. Она любила дочь и совершенно искренне считала, что та будет счастливее со мной. Ее собственная судьба складывалась так неопределенно. При этом я вспоминал персонаж Мэрил Стрип в картине «Крамер против Крамера» (героиня оставляет сына отцу, опасаясь, что не сможет сочетать свою личную жизнь с обязанностями матери, и тем не менее обожает мальчика). «Ты не только отец, ты и мать», – любила повторять Аннет.

В Риме итальянцы носили ее на руках. И эти несколько месяцев были самыми счастливыми в ее жизни свободной женщины.

Я прожил с Аннет самые беспечные годы в своей жизни. Эта забавная, веселая женщина любила свой дом, принимая гостей в любое время дня и ночи. И мои друзья обожали ее. Когда она от меня ушла, я с удивлением обнаружил, что страдаю больше, чем после развода с Брижит. Было ли это повторением неудачи? Может быть, рана открылась второй раз?

Через два месяца после отъезда Аннет в Рим удовольствие, испытанное при мысли, что я снова увижусь с очаровательным существом из «Эпи-Клюба», стало знаком полного выздоровления.

Я нашел Катрин в плохо освещенном коридоре позади павильона «С». Она была в белом пиджаке и шерстяной юбке, с довольно потрепанной сумкой в руке. Увидев меня, подняла голову и, не изменяя выражения на лице, направилась ко мне.

Обстановка ночного клуба, веселье, подогреваемое несколькими рюмками вина, воздействуют на эфемерную красоту некоторых женщин. Красота Катрин не зависела от игры света и теней или

смены декорации.

– А, здравствуйте, – произнесла она. И пока мы шли в бар, добавила: – Я ждала вас.

Катрин всегда изъяснялась на прекрасном французском языке.

Мы проболтали часа два в студийном баре-ресторане. Катрин относилась ко мне настороженно, скорее всего, из-за моей репутации. Она ожидала увидеть циника, поверхностного, хотя и умного мужчину. А обнаружила во мне нежность и умение слушать. Ей же был присущ юмор и понимание абсурда. То есть скорее англосаксонские, чем латинские качества ума, и уж вовсе неожиданные у семнадцатилетней девушки.

Закончив съемку, в баре появилась всеми замеченная Франсуаза, бросилась к сестре, чтобы поцеловать ее, и, едва кивнув мне, убежала.

Когда мы покинули студию и Катрин села в мою машину, у меня не было никаких планов. Я тщетно искал ключ зажигания. Видя мои тщетные попытки найти его, Катрин рассмеялась:

– «Феррари» без ключа вряд ли на что пригодна.

– Вероятно, я его обронил в баре. Студийный бар оказался закрытым.

– Возьмем такси, – предложила Катрин.

– У меня нет ни гроша. Бумажник остался дома.

– У меня есть чем расплатиться, – сказала Катрин.

Мы сели в такси.

– Куда едем? – спросил шофер.

Я мог спокойно привезти домой шлюху и уложить ее в нашу с Аннет постель, но только не женщину, в которую, как мне казалось, я влюбился. То была довольно глупая и сексисткая этика, но в общем все было именно так. Тогда я вспомнил, что Кристиана Маркана нет в Париже. Мне было известно, где он прячет ключ от своей квартиры.

– Улица Боссано, дом 15, – сказал я шоферу такси.

Катрин оплатила такси. Мы незаметно проскользнули мимо консьержки мадемуазель Мари (она снова запила) и поднялись по лестнице. Ключ был на месте, и мы вошли в квартиру, где расписанный Жаном Жене слегка пожелтевший и склоненный абажур вызывал в памяти столько воспоминаний.

Я разогрел на плитке воду, и мы, флиртуя, принялись за чай.

Катрин было 17 лет, мне – 32. Но возраст не разделял нас. И опыт тоже. Женщины догадываются о многом, еще ничему не научившись.

Уходя, я предложил заехать ко мне.

– Только возьму бумажник и отвезу вас поужинать.

– Нет, я должна вернуться домой, – сказала Катрин. – Я вас высажу по дороге.

В такси она молчала, но сидела, прижавшись ко мне. Перед тем как расстаться, мы поцеловались в губы.

Было еще не поздно. Натали сотрясал привычный кашель. В детстве я пережил ту же пытку. Доктора соревновались по части рецептов, но безрезультатно. Иногда успокоение приносило молоко с медом. Я дал ей это выпить и рассказал любимую сказку о грустном дельфине Мельхиоре, научившемся читать и добившемся от президента разрешения дельфинам посещать коммунальную школу. (Сия нравоучительная сказка вышла мне боком: Натали отказывалась ходить в ясли, ибо среди детей не было дельфинов.) К трем ночи она уснула.

А в восемь утра, в превосходной форме, нырнула ко мне под одеяло.

– Только не смей просыпаться.

В четверть девятого мы уже завтракали с мадемуазель Милле на кухне.

В девять я позвонил Лакору, который дал мне телефон Катрин.

Мне ответила мадам Дорлеак и весьма неохотно передала трубку дочери.

– Когда я смогу вас увидеть? – спросил я.

– Сейчас же.

После женитьбы на актрисе Рене Денев Морис Дорлеак отказался от театральной карьеры. От этого брака родились три дочери – Франсуаза, Катрин и Сильви.

Профессия актера, если ты не премьер труппы, одна из самых неблагоприятных в мире. Чередование периодов безработицы, страх и

неуверенность в завтрашнем дне становятся повседневным явлением. Дабы обеспечить семью, Морис Дорлеак стал после войны специалистом по дубляжу иностранных фильмов. В 1960 году он возглавлял дубляжную студию фирмы «Парамаунт».

Квартира на бульваре Мюра, близ Порт-Сэн-Клу, была скромная по размерам, но комфортабельная. Типичный парижский лифт с грохотом поднимался на пятый этаж. Входная дверь вела в коридор с вешалкой. Эта дружная и счастливая семья занимала квартиру, состоявшую из салона с разностилевой, но удобной мебелью, уставленный безделушками и сувенирами, маленькой столовой, кухни и трех спален. Катрин и Франсуаза спали друг над другом (я так и не узнал, кто из них лежал внизу, а кто наверху).

Франсуаза решила стать актрисой. Феи, склонившиеся над ее колыбелью, дали ей красоту, талант и столь нужный для успеха шанс. В свои двадцать лет она уже была известна. Каждый вечер после аплодисментов в театре или съемок на студии, подчас после ночи, проведенной в «Эпи-Клюб», «Белом слоне» или «Максиме», она укладывалась спать на своей деревянной кровати. Катрин еще ходила в лицей. Сестер разделяли два года, но они любили друг друга, как близняшки.

Молодой режиссер Жак Вилла предложил однажды Катрин роль в своем фильме «Котята».

Ей было только пятнадцать лет, и она не думала об актерской карьере. Восхищение сестрой накладывало запрет на любые личные амбиции. Однако отец посоветовал ей согласиться.

– Две недели съемок не сорвут твою учебу. Но ты хоть поймешь, по душе ли тебе эта профессия.

Именно тогда Катрин взяла девичью фамилию матери в качестве своего псевдонима. Она не хотела мешать сестре, известной под фамилией Дорлеак.

Первый опыт не принес результатов. «Котята» так и не вышли на экран. Год спустя, на спор, она согласилась на «камео».⁵ В этом

⁵ На киношном жаргоне означает небольшую роль в картине с известной актрисой. Пример: Хичкок в своих фильмах. – *Прим. автора.*

фильме под названием «Двери хлопают» снималась Франсуаза.

Когда мы встретились, Катрин только что закончила лицей и не очень представляла себе будущую жизнь.

Многие утверждали, что Катрин познакомилась со мной в карьерных целях. Нет ничего более ложного. Катрин была не способна использовать свою связь с режиссером в интересах карьеры. Женщина она честолюбивая – и это уже само по себе высокое качество. Но она никогда не была карьеристкой.

После второй нашей встречи я позабыл о своих великих принципах и пригласил Катрин на улицу Энгр. Из салона мы перешли в спальню, обставленную по-датски, которую она оглядела весьма критически. И тут зазвонил телефон. Это была Брижит.

– Вадим, ты должен спасти мне жизнь.

– Я могу тебе перезвонить завтра утром? – спросил я. – Я занят.

– Нет. Передаю трубку Косну.

Франсис Косн был крупным продюсером и другом. Мы познакомились, когда я был еще начинающим сценаристом, но никогда не работали вместе.

– Мы в полном дерьме, – сказал он. – Орель выбыл из игры.

Брижит умела с необыкновенной легкостью и практически без перерыва переходить от нервной депрессии к полной безмятежности. После волнений, последовавших за празднованием дня рождения в 1960 году, она вздумала заняться пением. Некоторые ее песенки, как, например, «Мандрага», были прелестные, забавные и поэтичные. Хотя ей было далеко до Эдит Пиаф или Джулии Герланд, она выказала себя вполне достойно в этой области.

После «Истины» она согласилась сняться в фильме «Уздечка на шее». На ее счету уже было несколько шедевров, поставленных гениальными режиссерами. Жан Орель принадлежал к новому поколению, возвращенному на культурном бульоне «Новой волны». В то время продюсеры как раз стали приглашать неопытных и безусых постановщиков. Автор нескольких короткометражек, Жан Орель не сумел справиться с финансовыми и техническими трудностями дорогого фильма со «звездой», которой было к тому же не просто руководить. На третий день съемок на площадке воцарился полный

хаос. Никто не понимал, чего хочет режиссер, а тот еще меньше, чем остальные.

Орель сообразил, что его карьера может закончиться, даже не начавшись, если он провалит постановку. С согласия Брижит и Франсиса Косна он решил позвать меня на помощь.

У меня не было никакого желания взвалить на себя начатый столь неудачно фильм, сценарий которого надо было полностью переделать. Тем не менее я пообещал приехать на студию утром.

Два часа спустя я отвез Катрин домой. Я словно вернулся на десять лет назад, когда провожал Брижит, которая подобно Золушке должна была вернуться домой с последним ударом часов в полночь.

Господин и госпожа Дорлеак были актерами, но имели свои железные принципы. Катрин разрешалось возвращаться в полночь лишь два раза в неделю. Если она была с сестрой, то могла приехать и позднее. Несколько раз господин Дорлеак запирали Катрин в ее комнате (когда Франсуазы не было дома), опасаясь, что она сбежит среди ночи ко мне. Моя репутация соблазнителя и постановщика скандальных фильмов пугала их.

Приехав рано утром, как и обещал, на студию «Бийанкур», я убедился, какая там царил паника. Техники, актеры и продюсеры опасались, что придется забыть о фильме. Мне не хотелось брать на себя чреватое опасностями спасение корабля, но после двухчасового разговора, выслушав аргументы и просьбы Брижит и Франсиса, я сдался. О том же меня попросил бледный, кусающий губы Жан Орель. Казалось, он вот-вот расплачется. Он умолял меня «вытащить его из передраги».

Прочитав сценарий, я потребовал сорок восемь часов для самых необходимых переделок.

Проводив Брижит на авеню Поль-Думерг, мы поговорили о ее роли. Она уже рассталась с Жаком Шаррье и, похоже, жила одна.

– Где Николая? – спросил я.

– У дедушки и бабушки.

Я всего раз видел Брижит с сыном, которому было полгода. Это был прелестный, пышущий здоровьем бутуз. Она куда-то собиралась уйти и надела очень ей идущую шляпку с широкими полями и

искусственными цветами. Когда она наклонилась, чтобы поцеловать сына, тот стал истошно орать.

– Видишь, он меня терпеть не может.

– Его пугает твоя шляпа.

– Он орет и когда я без шляпы.

Во время одного из интервью Брижит сказала: «Я хотела этого ребенка. Я хотела родить, пока молода, и мечтала о мальчике». А по поводу вечно ее преследовавших журналистов заметила: «Не моя вина, что, когда родился Николя, пришлось отражать осаду фотографов. Я не звала их. Но они были повсюду: у дверей, на лестнице, в квартире и даже на крыше со своими телеобъективами. Один вознамерился спуститься по веревке на мой балкон. Веревка оборвалась, и он свалился на няньку, поливавшую цветы, и у той едва не случился сердечный приступ. Николя – мой, и я не хочу, чтобы к нему прикасались... Никто его у меня не отнимет...»

С помощью Клода Брюле я за сорок восемь часов переписал сценарий, и работа на студии возобновилась. Несмотря на это (сам не знаю как), я находил время встречаться с Катрин.

Ее родители не хотели этого. Но Катрин была влюблена и не походила на человека, на которого можно повлиять запретами, даже если они исходили от боготворимой ею семьи.

В январе мне предстояло снимать натуру в горах Виллар-де-Лан. Я предложил Катрин ехать со мной. Ей предстояло сделать решающий шаг. Не раздумывая, она объявила отцу, что уедет со мной в любом случае – с его согласия или без оногo. До совершеннолетия Катрин оставалось десять месяцев, и тот уступил, поняв, что дочь приняла окончательное решение.

На съемку приехало много корреспондентов, но мне удалось невероятное: ни одной фотографии Катрин со мной не появилось в газетах.

Этому чуду можно дать много объяснений. У Брижит не было официального любовника, и пресса изощрялась по поводу «рецидива». Пятистраничный репортаж в «Жур де Франс» был подан под таким заголовком: «ББ вернулась к своему Пигмалиону –

Вадиму». И намекалось, что не исключен повторный брак. Бывший журналист, я знал все хитрости профессии и так запутал карты, что никто ни о чем не догадался. Как это ни покажется невероятным сегодня, репортерам и в голову не приходило, что маленькая, застенчивая брюнетка, которую часто встречали со мной, имела шанс унаследовать трон, оставленный двумя моими знаменитыми экс-супругами. На вопросы, которые при этом задавались, всегда находился один ответ: «Она совсем не в его вкусе».

Тем не менее Катрин несомненно была наделена качествами, которые будут потом признаны многими. Она была умна, наделена ядовитым чувством юмора, приводившим меня в восхищение, и при всей внешней холодности обладала страстным темпераментом. Ничего удивительного, что двумя первыми, самыми успешными и громкими ее фильмами стали «Шербурские зонтики», нежная и романтическая мелодрама Жака Деми, и «Дневная красавица» Луиса Бунюэля, блестящая иллюстрация эротических фантазмов мазохистствующей буржуазии.

Подчас она демонстрировала сильный характер. Однажды мы катались в санях высоко в горах. Стало быстро темнеть, и я предложил, чтобы выиграть время, вернуться по заснеженному полю. Накануне прошел дождь, и к ночи все подмерзло: снег превратился в лед. Для меня, знакомого с горами, это не составило проблемы, но Катрин в кожаных сапожках все время падала и скользила и чуть не угодила в горный ручей. Я хотел ей помочь выехать на наезженный путь, но она отказалась.

– Я доеду сама, – заявила она.

На ней были лыжные брюки и черная непромокаемая куртка. Падая и скользя на животе, Катрин напоминала маленького тюленя. Дважды я ловил ее на самом краю пропасти. По возвращении в отель она была вся мокрая, в синяках и мертвая от усталости. Но ведь не сдалась же!

По вечерам Катрин долго разговаривала по телефону с родителями и Франсуазой. А я связывался с Тулоном, где у мамы находилась Натали (врач настоял отправить ее на юг, где зима была менее суровая, чем в Париже).

Я с нежностью вспоминаю наш простенький, обшитый деревом номер. Я учил Катрин играть в шахматы. Мы также дулись в покер. Она часто выигрывала, безбожно блефуя с видом невинного ангела и апломбом профессионала.

Однажды в субботу вечером продюсер решил угостить всю группу в отеле-ресторане, выстроенном на вершине горы. Попастъ туда можно было только на фуникулере. Спускаться вниз нам предстояло в полночь, но внезапно налетевшая, вопреки прогнозу синоптиков, буря вывела из строя фуникулер и сделала нас пленниками до утра.

Несколько свободных комнат были предоставлены актерам. Группа устроилась в креслах салона. Я же реквизировал для себя и Катрин бильярдную. Мы как раз играли на раздевание, когда в комнату вошла Брижит.

– Вижу, тут не скучают, – сказала она и предложила отметить конец света. Мы совершили налет на бар, забрали несколько бутылок красного вина и водки и обильно sprysнули конец света. Поэтому на другой день земля еще уходила у нас из-под ног.

Перед тем как отправиться спать, поглядев на Катрин, Брижит прошептала мне на ухо:

– Она посильнее тебя. Не приходи ко мне плакать в жилетку, когда будет плохо.

К счастью, во время бури среди нас не было фотографов. Многие «звезды» постоянно жалуются на ту нервозность, которую приносит в их личную жизнь постоянное вмешательство прессы. Эти стенания часто звучат лицемерно. Ибо едва только на них перестают обращать внимание, как он делают все, чтобы обрести это внимание снова. Брижит постоянно страдала от этого. Подчас у нее вырывались слова отчаяния. Вот несколько строк из ее интервью:

«Я больше никуда не хожу – ни в ресторан, ни в театр, ни в кино... Думаете, от всего этого нельзя сойти с ума? Подчас по вечерам, думая об этом, я начинаю стонать и плакать. Мне так надоела эта жизнь и людская жестокость!.. Вам это не понять. Прочитав одну статью о себе, я три дня просидела в одиночестве

совершенно убитая. Такую несправедливость трудно вынести. Вот если бы я того заслуживала, тогда бы иное дело. Но обо мне судят, ничего не зная!»

По правде говоря, иные журналисты вели себя куда циничнее, чем политики, то есть как люди, лишённые чувства милосердия. Но в таком случае откуда тот мазохизм, с которым актеры набрасываются на все, что о них пишут? Вот уже тридцать лет, как я не читаю статей о себе и делаю исключение тогда, когда друзья считают, что они написаны объективно и интересно. Да и то не всегда! Тем самым стараюсь избавить себя от бесполезных и напрасных приступов ярости.

Брижит не следовала этому вполне логичному средству самозащиты. «Я больше не могу, не могу! – повторяла она. – Я хочу, чтобы обо мне забыли. Только тогда я смогу начать жить».

Справедливости ради должен сказать, что боялась она не столько журналистов, сколько толпы. «Когда я появляюсь на приемах, говорят: „Когда она перестанет демонстрировать свои миллионы?“ А если видят без грима и черт знает как одетую, хотя мне нравится одеваться, как хочу, то поднимается вопль: „И это ББ? Наша звезда? Боже, какая уродина!“»

Подчас она испытывала на себе физическую агрессию. Брижит рассказывала, как при посещении подруги в больнице в лифте на нее набросилась медсестра, расцарапала ей лицо, крича: «Шлюха!»

В Виллар-де-Лан мы с ней попали однажды в настоящую переделку, иллюстрирующую, в какой степени, казалось бы, безобидные люди способны на насилие в отношении актеров, чьи фото они постоянно видят в газетах.

Брижит позвала меня пройтись. Чтобы ускользнуть от десятка парней и девушек, поджидавших ее в холле гостиницы, мы воспользовались служебным входом.

В километре от отеля они нас догнали. Взвинченная, Брижит отказалась отвечать на вопросы и давать автографы. А так как они продолжали настаивать, она воскликнула:

– Я хочу покоя! Разве я требую чего-то лишнего?

Тогда они стали откровенно агрессивны. Один из парней схватил

ее за куртку. Мне пришлось без всяких церемоний оттолкнуть его. Остальные стали бросать ей в лицо снежки. Брижит заплакала и побежала. Они бросились за ней.

На краю дороги мы увидели будку дорожного смотрителя. Висячий замок не был заперт. Мы поспешили в ней спрятаться. При этом я сумел припереть дверь изнутри. После нескольких шуточек и оскорблений внезапно установилась подозрительная тишина. Думая, что они ушли, я решил открыть дверь. Не тут-то было: они ее заперли на висячий замок. И тут в хижину повалил дым. Они нашли хворост и подожгли его. Пламя быстро охватило строение. Мы с трудом дышали, нам было очень жарко. Я услышал девичий вопль: «Да откройте же им дверь!» – и чей-то ответ: «У нас нет ключа». Защелкнув замок, они не подумали, что не сумеют его открыть.

С помощью найденного лома я не без труда открыл дверь. Кашляя, со слезящимися глазами и пересохшим горлом мы выскочили на чистый воздух.

Через несколько минут будка превратилась в пылающий костер. Молодые люди поспешили скрыться, слишком поздно осознав всю серьезность своего поступка.

19

После поездки в Виллар-де-Лан Катрин не вернулась в отчий дом. Она поселилась на улице Энгр.

Квартира на десятом этаже роскошного дома была просторная и солнечная. С большим балконом, на котором Аннет посадила цветы, и с видом на Булонский лес и Париж. Обстановка была современная и без излишеств, но комфортабельная: толстый ковер, глубокие диваны, длинный дубовый стол, за которым мы ели. Никакой столовой. Я всегда ненавидел столовые. Три спальни: наша, Натали и мадемуазель Милле.

Катрин быстро освоилась с ролью хозяйки дома. К нам приходили многие друзья, часто без предупреждений, но она оказалась столь же гостеприимной хозяйкой, сколь и веселым и общительным человеком. Уверенная в себе, свободная и живая, очень

забавная, она сумела сделать так, что вечера в нашем доме никогда не были скучными. Однако в присутствии незнакомых людей Катрин замыкалась, занимая оборонительную позицию.

Ирвинг Лазар (легендарная голливудская личность и мой американский импресарио) любил вспоминать свой первый визит на улицу Энгр. Встретив его на аэродроме Орли, я пригласил к себе поужинать. Наблюдая за очаровательной брюнеткой, готовившей на кухне яичницу (это было в выходной день прислуги), он терялся в догадках. Брижит и Аннет ему были знакомы, и Лазар удивлялся перемене в моих вкусах. Много лет спустя, увидев Катрин, ставшую блондинкой, самоуверенной и сияющей от счастья, он воскликнул: «Никогда бы не поверил в возможность такой метаморфозы!»

Однажды вечером, вернувшись со студии, где я наблюдал за монтажом «Уздечки на шее», я застал Катрин в салоне. Она нежно поцеловала меня, но вид у нее был довольно странный.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Да. В полном. Я налил себе виски.

– Ничего не случилось?

– Звонила мама из Тулона. Натали в прекрасной форме.

Отобрав у меня стакан, она выпила большой глоток.

– Кстати, – сказала она, – в нашей постели спит красивая блондинка.

Я открыл дверь спальни. Не сняв одежды, на постели спала Аннет.

Я поспешно прикрыл дверь.

– Это Аннет, – сказал я.

– Догадалась.

– Что будем делать? – задал я глупый вопрос. Меня застали на месте преступления, и я пытался выиграть время.

– Обычно, – заметила Катрин, – жена застаёт любовницу мужа в своей постели. А что прикажешь делать любовнице, когда она обнаруживает законную супругу в своей постели?

И тут появилась Аннет, избавив меня от ответа на столь щекотливый вопрос.

– Мой Пипфюгель! – воскликнула она и расцеловала меня. – Ты

похудел. Пора мне заняться тобой.

Наливавшая себе вина Катрин поперхнулась и закашлялась. Я долго стучал ей по спине, пока она не задышала нормально.

Мы сели, и я дал Аннет выговориться. Она была разочарована последним фильмом, в котором с ней снимался Витторио Гассман. Газеты были полны рассказами о ее бурном романе с известным итальянским актером.

– Он живет с матерью и поселил меня в гостинице, – рассказывала она. – Та не желает видеть в доме другую женщину. Я дала Витторио сутки, чтобы сделать выбор между мной и матерью. Он никак не может принять решение. Я же подумала и решила, что спятила, бросив тебя.

– Никогда не поздно исправить ошибку, – любезно заметила Катрин. Но Аннет не почувствовала иронии.

– Как поживает Блошка? – спросила она.

Я пребывал в постоянном страхе, что Аннет отберет ее у меня.

– Намного лучше, – сказала Катрин. – Южное солнце пошло ей на пользу.

– Мы ужинаем сегодня с Марком Аллегре, – объявил я.

– Я слишком устала, чтобы куда-то идти, – ответила Аннет. – Приму ванну и посплю. Поцелуй от меня Марка.

Пока она шествовала в ванную, Катрин сказала:

– Надо отдать должное, в апломбе ей не откажешь.

Какой эвфемизм!.. Аннет продемонстрировала нахальство и полное непонимание ситуации, будучи убеждена, что стоит ей только появиться, как я тотчас снова стану ее рабом. Столь странное поведение продолжалось уже несколько лет. Следует признать, что я ничего не делал, чтобы разубедить ее, полагая это ценой за право иметь в доме Натали. Помимо того, что я знал, как девочка привязана ко мне, я понимал, что сумбурная и непредсказуемая жизнь Аннет не могла обеспечить Натали надежность и внимание, в которых так нуждается ребенок в первые годы жизни. У меня был ее порт приписки, я всегда вникал в ее проблемы и действительно уделял ей много времени. Будущее покажет, что, несмотря на травмы, связанные с моими многочисленными разводами с ее приемными

матерями, Натали никогда не страдала от приступов, разрушивших жизнь многим детям. Я знаю, что это подчас ее мучило, но она не стала маленькой бунтаркой, наркоманкой или существом, разочарованным в жизни. Сегодня ей 27 лет, она работает ассистентом режиссера в Нью-Йорке и делает блестящую карьеру. Живет с умным и приятным человеком, которого любит и который любит ее. У нас сохранились самые лучшие и нежные отношения.

Несмотря на свой возраст, Катрин проявила понимание моих несколько странных отношений с Аннет. Ее хладнокровие и спокойствие в столь неприятной ситуации искренно меня восхитили.

– Дай мне сутки, – сказал я ей. – Я знаю Аннет.

Ужин у Марка прошел весьма приятно. Катрин всех очень насмешила рассказом о появлении в нашем доме красивой датчанки. Но ночь мы провели в отеле «Бельман». Утром, придя на улицу Энгр, я застал Аннет пакующей чемоданы.

– Пипфюгель! – вскричала она, бросившись мне на шею. – Прошу у тебя прощения. Позвонил Витторио. Он ждет меня. Он не может жить без меня.

Перед тем как сесть в такси, она спросила:

– Тебе не трудно заняться разводом?

– Разумеется, – ответил я. – Не забивай себе голову такими пустяками.

Сын президента Республики адмирал Филипп де Голль жил этажом ниже нас. В связи с терактами обеспечение его безопасности распространялось на всех жильцов дома. Сумки и пакеты наших гостей тщательно осматривались. Подобные меры не были излишними. Мы знали в лицо всех охранников адмирала. Взамен всяких слухов о личной жизни Бельмондо, Жанны Моро или Брижит нам выкладывали государственные тайны Елисейского дворца.

Однажды ночью я забыл закрыть кран в ванной. Вода перелилась через край и протекла в спальню Филиппа де Голля. Разбуженный каплей, упавшей на нос, он, вероятно, вообразил, что его корабль идет ко дну. Но, придя в себя, набросил халат, поднялся наверх и позвонил к нам в дверь. Часть ночи мы с Катрин и адмиралом

собирали воду в ванной комнате.

Эта история отнюдь не расположила к нам мадам Филипп де Голль, которая также жаловалась, что не может спать из-за плача маленькой Натали. То был тяжелый период в жизни моей дочери. Ей снились кошмары, и она с криком просыпалась. Чтобы ее успокоить, мы с Катрин и мадемуазель Милле ночами просиживали у ее изголовья.

Консьерж предупредил нас, что как хотим, но после девяти часов мы должны сделать так, чтобы ребенок не плакал. Катрин отправилась к невестке Президента и очень вежливо попросила ее написать письмо, в котором Натали разрешалось перед сном выпивать красного вина, ибо другие лекарства педиатров не давали никакого эффекта. С тех пор мы больше ничего не слышали о нашей высокопоставленной соседке. (Через две недели без всяких пилюль и красного вина кошмары у Натали прекратились.)

В августе 1962 года я участвовал на своей «феррари» в чемпионате Франции по авторалли. У меня были сильные противники: Шлессер (погибший во время гонок несколько лет спустя), Жан Гише (чемпион Франции) и Клод Барийо.

Я выиграл состязание.

Мы с Катрин возвращались домой с кубком победителя на заднем сиденье, когда пришлось притормозить из-за колонны официальных машин, мчавшихся со скоростью 160 километров в час. Во Франции запрещено обгонять военные машины, но я ничего не слышал о запрете в отношении машин министров, президентов или королей.

Не внемля возмущенным воплям мотоциклетного эскорта, я нарушил порядок, выехав со скоростью 200 километров в час на левую сторону шоссе. Катрин неизменно поддерживала меня в таких ситуациях. «Феррари» была с открытым верхом, и я видел машины, которые нас обгоняли, и направленные на меня дула револьверов и автоматов. В одной из машин я узрел знакомый профиль.

– Черт побери, – сказал я Катрин. – Это же генерал де Голль.

Однако выбора у меня не было. Пришлось продолжать гонку. И через сто метров мы оказались на совершенно пустынном шоссе.

Я не знал, что близ Петит-Кламар генерал де Голль только что чудом избежал покушения. По нему стреляли, а рядом с его машиной разорвалась бомба, убив несколько полицейских из свиты. Тогда было решено направить машины по другому пути и вернуться в Париж по национальному шоссе № 5.

На другой день один из охранников на улице Энгр поведал, что я едва не попался ему на мушку, так как он находился в машине Президента, когда я ее обгонял.

– Хорошо, что я вас узнал, приятель. Иначе ребята бы вас изрешетили. – Он очень смеялся. Я пригласил его к нам после дежурства выпить по стаканчику. И он рассказал другие подробности. Когда моя «феррари» обогнала их, Президент спросил:

– Кто эта молодая дама?

– Актриса Катрин Денев, мой генерал.

– Если она будет так спешить, то быстро станет «звездой», – заметил Шарль де Голль.

Рауль Леви безумно влюбился в известную актрису. Эта замечательная женщина, родившаяся в один день со мной, увлекшись им на какое-то время, решила положить конец их связи. Рауль нахватался снотворного, слегка вскрыл вены, пустил газ, вытащил револьвер и обзвонил друзей. От верной смерти его спас Филипп Грумбах (тогда главный редактор «Экспресса»). В очень плохом состоянии Рауля доставили в одну из клиник в окрестностях Парижа, где лечили от депрессии. Он попросил меня приехать к нему.

Его поместили в палату на последнем этаже. Стены были обиты войлоком, а окна зарешечены. Тут и здоровый мог сойти с ума.

– Ты должен меня вытащить скорее, – сказал он, уверенный, что попал сюда надолго.

Мы разработали план бегства. Его палата запиралась снаружи на засов. То есть можно было обойтись без кражи ключа. Проблема заключалась в том, как выйти из клиники, не вызвав тревоги у дежурного санитаря.

Я купил два белых халата, связку петард и вернулся в клинику к десяти вечера. При входе дремал стажер. Я поджег петарду и бросил

ее через приоткрытую дверь. При взрыве стажер убежал за подмогой.

Воспользовавшись этим, я поднялся на четвертый этаж, открыл дверь в палату Рауля, обрядил его в халат, сам надел другой и потащил его к лестнице. Кругом был такой бедлам, что мы беспрепятственно вышли из клиники.

Я отвез Рауля на улицу Энгр. Была весна. Натали с мадемуазель Милле отправились в Ла-Бурбуль, курортное местечко, где она окончательно излечилась от кашля. Катрин не выказала никакого удивления по поводу вторжения Рауля в нашу жизнь. Мы отдали ему свою постель, а сами устроились в комнате няньки. Постель была узкая, и мы по много раз ночью сваливались на пол. А в промежутках спали, нежно обнявшись.

Врач прописал лечение сном, но Рауль не позволял делать ему уколы. Его жизнелюбие и энергия завораживали. Доктор утроил дозу. Никакого впечатления. Рауль просыпался каждые три часа. Находясь в коматозном состоянии, он то курил сигары, то топал на кухню и, вернувшись в салон, слушал музыку. Меньше чем через неделю в квартире все было поломано. Больших разрушений не принесла бы орда гуннов. Перефразируя короля Франции об Аттиле, Катрин говорила:

– Ковровую дорожку, по которой проходит Рауль, надо выбрасывать на помойку.

Перед тем как уснуть, Рауль делал странные признания. Он говорил о ревности, предательстве. Придя в себя через десять дней, он поцеловал меня, сказал, что я его брат, единственный друг, что он никогда не забудет того, что я для него сделал. И покинул нас.

Катрин печально взирала на сожженный ковер, разрезанные шторы, разбитые вдребезги вазы, сломанные стулья, продырявленный матрас и на то, что осталось от посуды.

– Твои приятели часто пытаются покончить с собой? – спросила она.

Именно в это время Катрин приняла решение сниматься в кино. Она не собиралась ни повторять славный путь ББ, ни противопоставлять себя легендарной красоте Аннет и выбрала самый

смелый и разумный путь. Вместо того чтобы играть удобную и лестную (но неблагодарную) роль любовницы Роже Вадима, Катрин решила бросить вызов и замахнулась на статут «звезды». Я тоже считал, что она создана быть актрисой. Наша связь лишь ускорила принятие решения, став его катализатором.

Ей предложили роль в убогом фильме, который ставил режиссер, примыкавший к «Новой волне». В нем должны были сниматься хорошие актеры, но Катрин не строила иллюзий. Она была полна решимости поработать, дабы набраться опыта.

Продюсеры и режиссер позвонили мне и предложили следующую сделку:

– Если вы согласитесь подписать контракт о художественном руководстве картины («Сатана там правит бал»), мы отдадим роль мадемуазель Денев.

Я как раз готовился к съемкам «Отдыха воина» и не очень представлял себе, как смогу при этом шефствовать над картиной «Сатана там правит бал».

– Вы освободитесь на один день и снимете одну сцену с Катрин, больше мы ничего не просим, – сказали они, позабыв предложить гонорар за использование имени и скромное участие в съемках. В конце концов ради Катрин я дал согласие.

Снимаясь в этом фильме, Катрин превратилась в блондинку. Теперь ее волосы свободно ниспадали на плечи. Одни писали, что она похожа на Брижит Бардо, другие – что это я принудил ее изменить внешность. На самом деле я испытал укол в сердце, когда увидел ее блондинкой. Что стало с малышкой Катрин, в которую я был влюблен?

На съемки «Сатаны» она отправилась на юг Франции, близ Перпиньяна, а я с Брижит Бардо, Робером Оссейном и Франсисом Косном выехал на съемки экранизации бестселлера Кристиан де Рошфор «Отдых воина» во Флоренцию.

Мы обосновались на Вилла-Сан-Микеле во Фьезоле, в отеле, под который был приспособлен великолепный особняк XV века. Истинный рай для влюбленных. На тот момент мы все чувствовали себя холостяками.

Брижит только что снялась в фильме Луи Малля «Частная жизнь», сюжет которого был навеян обстоятельствами ее личной жизни. На самом же деле в картине скорее обыгрывалась некая форма невроза, чем ее собственные страхи. Кроме того, она раскрывала некоторую склонность героини к любовному канибализму. Впрочем, «Частная жизнь» была хорошим фильмом, имевшим заслуженный успех.

Партнером Брижит был Марчелло Мастоияни. Пресса рассчитывала на роман между «звездами», но он не состоялся. И ничего удивительного. Брижит увлекалась главным образом неизвестными актерами. Среди ее партнеров уже были такие знаменитые и очаровательные актеры, как Жерар Филип, Даниель Желен, Керк Дуглас, Луи Журдан, Ален Делон, Жан Габен, Лино Вентура, Джек Паланс, Энтони Перкинс, Шон Коннери и другие. Ни в одного из них она не влюбилась. В тот момент, когда мы приступили к съемкам во Флоренции «Отдыха воина», она была одинока.

Брижит жаловалась, что вороны свили гнездо на крыше над ее номером и мешают спать. Мы обнаружили под черепицей старое одеяло, книгу поэм и бутылки из-под пива. Что как раз подтверждало наличие мутаций у этих славящихся своим умом птиц. Спустя несколько дней через окно в комнату Брижит проник бродяга с арбалетом в руке.

Она подумала, что он собирается ее изнасиловать, но тот лишь протянул ей тетрадку со стихами, написанными в ее честь. Брижит никак не могла разобрать почерк поэта, спустившегося с крыши, и тем привела его в ярость. Он закричал, что перережет себе горло («Пусть кровь моя прольется на твою золотистую головку»), если она не прочитает вслух «с выражением» его поэму.

– Могу ли я вызвать моего профессора по дикции? – спросила она.

– Эпикурейца?

– Он отличный выпивоха, – заверила Брижит. И позвонила мне по телефону.

– На моей постели сидит псих. В его руке арбалет. Утверждает,

что проткнет мне глотку или себе, я не очень поняла кому, если я не прочитаю с выражением его поэму. Я в затруднении: понять его почерк невозможно.

Я предупредил Франсиса Косна, попросил вызвать полицию, а сам помчался к Брижит. Едва я открыл дверь, как стрела кольнула мне адамово яблоко. Поэт с арбалетом впустил меня и запер дверь на ключ.

– Теперь все в порядке, – сказала Брижит.

Я уж собрался разыграть героя, как поэт внезапно упал на стул и расплакался.

Это был беззубый, с исхудалым лицом мужчина лет шестидесяти. Его длинные седые волосы падали прядями на плечи, а бороде мог позавидовать сам Леонардо да Винчи. Пиджак и брюки он не снимал лет десять. В его светло-голубых напуганных глазах застыли нежность и отчаяние. На него было грустно смотреть, мы без особого успеха попробовали его успокоить.

Минуту спустя дверь была выбита. Карабинер, бравший показания у Брижит, не спускал глаз с ее прозрачной ночной сорочки. Рука у него дрожала.

Через пару дней мы навестили несчастного поэта в клинике. Он исступленно целовал руки Брижит.

Полиция Флоренции оставила у себя тетрадку со стихами. Эту улику, вероятно, засунули куда-то между папками с делами проституток с Порто-Нуово. Так мы и не узнали, были ли это бессмертные вирши.

Маркиз Серджио де Сан-Стефано, с которым я познакомился в 1955 году в Риме, принадлежал к той итальянской аристократии, которая обожала устраивать приемы и слыла большой любительницей «звезд». Потолок в столовой его замка близ Флоренции, как утверждали, был расписан Боттичелли, а конюшню построил архитектор, находившийся в услужении у семьи Медичи.

Серджио организовал прием в честь Брижит Бардо. Устав, а может быть, потому что не нашла среди гостей никого по вкусу, она покинула нас сразу после кофе.

– Оно и к лучшему, – заметил Серджио, – я совсем не уверен, что ей пришлось бы по вкусу приготовленный сюрприз.

Сюрприз оказался в духе итальянских безумств того времени. Хозяин пригласил двадцать самых красивых натурщиц Рима, затратив на это столько же, сколько понадобилось бы на реставрацию целого крыла замка.

В полночь их нагими выпустили в парк (дело было в начале лета), и Серджио подал сигнал к началу охоты. Если кто-то обнаруживал девушку, она становилась его добычей на всю ночь.

Старый маркиз С. де Савойя, которому перевалило за восемьдесят и который передвигался на инвалидной коляске, тоже принял участие в этой охоте. Христианский демократ, он был членом палаты депутатов, где пользовался большим политическим влиянием. Его неизменно сопровождали четверо телохранителей. В парке ему повезло больше всех.

Охота стала лишь поводом развлечься, но маркиз С. де Савойя отнесся к ней очень серьезно. С помощью своих головорезов (двое из которых служили в секретных службах), он вернулся с двенадцатью из двадцати девушек. Я оказался среди тех, кто остался с носом.

– Маркезе, вы ведь не оставите себе одному столько красоток?

– Оставлю.

– Маркезе, амико каро, отдайте нам ту высокую блондинку.

– Нет!

– Маркезе, ну, побалуйте с ними часок, а потом отпустите.

– Нет!

Двенадцать нимф последовали за инвалидной коляской старого маркиза и остались у него в комнате до самого утра.

Двух девушек мы так и не досчитались. Серж Маркан, барон Ренцо Авенцо и я решили отправиться в лес поискать их. Ренцо (которого друзья именовали Ренцино) был типичным итальянцем. Морщины его классического лица, на котором выделялись лоб и нос, не скрывали возраст и ум. Худощавый, очень подвижный, он был любовником всех «звезд», находивших приют в Риме. Разорившись, как и большинство аристократов, после войны, он зарабатывал на жизнь в кино, возглавляя филиал «Техниколора» в Италии.

Вставало солнце.

Мы так и не нашли сбежавших дам. Разоблачившись донага, прикрыв член виноградной ветвью и нацепив на голову лавровый венок, держа во рту розу и прыгая с кочки на кочку, как настоящий фавн, Ренцо делал вид, будто наигрывает на свирели.

В это самое время после шестичасовой мессы селяне, католики и коммунисты дружной толпой направились к замку маркиза де Сан-Стефано, чтобы пожаловаться на социальную несправедливость. Один из них нес крест, другой – красный флаг.

Ренцо выскочил на дорогу в нескольких метрах от процессии. Мэр-коммунист и католический священник, а с ними и другие сельские жители, одетые по-воскресному, при галстуках и в выглаженных сорочках, замерли, увидев сбежавшего из мифологии фавна, смотревшего на них испуганными глазами.

Первым пришел в себя барон Ренцо Авенцо. Вместо того чтобы спрятаться, он решил возглавить манифестацию. Голозадый, насвистывающий Интернационал, он довел демонстрантов до ворот в замок.

Разбуженный маркиз де Сан-Стефано поговорил с мэром-коммунистом и священником, выразил свое возмущение, выказал сочувствие неимущим, и они пришли к приемлемому согласию.

Тем временем Ренцо скрылся. Открыв дверь комнаты маркиза-депутата, он освободил двенадцать красоток и потащил на кухню пить кофе.

Мэр по фамилии Марио Папацо и кюре по имени Эннио Фарци вместе с Серджио присоединились к ним. Мэр разъяснил дамам, что при социализме им не придется торговать своими прелестями. Кюре поддержал его, но заметил, что религия может прекрасно заменить деньги. Серджио де Сан-Стефано обратил внимание на то, что те, кто их имеет, бывают необходимы тем, кто их не имеет. И все с ним согласилось.

Мэр остался коммунистом, кюре – католиком, Сан-Стефано – маркизом, а девицы – шлюхами.

Завтрак получился превосходный.

Между натурными съемками в Тоскане и их продолжением на студии у меня выдалось несколько свободных дней. И я отправился повидать Катрин, которая очень изменилась. Испытывая некоторую неловкость, я снял, как и обещал, неозротическую сцену в ее фильме. После работы мы поужинали в рыбацком ресторане. На террасе было прохладно. Белокурая и хрупкая, в своем кашемировом пуловере, Катрин выглядела задумчивой. Ветер теребил ее крашенные волосы. Она была красива и загадочна. Ничего не говорила о фильме, не задавала вопросов о моей жизни во Флоренции. Потом взяла мою руку в свою и посмотрела прямо в глаза, как умела делать она одна. «Сейчас она скажет, что влюблена в другого», – подумал я. Не отворачивая головы, она прошептала:

– Я хочу ребенка, хочу ребенка, хочу ребенка.

Она часто говорила, что хочет стать матерью. В этот вечер я понял, что это не блажь молодой девушки. В ее страстном и нежном признании было нечто земное, напомнившее мне детские радости от кувыркания на траве в августовских горах Савойи. В ее словах было что-то горячее, необычайно человеческое, именно то, что я теперь тщетно ищу во взгляде и отточенной лексике великой французской кинозвезды.

Я поцеловал ее немного короткие пальцы. Мне хотелось плакать. А я плачу лишь тогда, когда счастлив. Я думал о том, как не просто начинается ее карьера. Стать матерью на этом этапе ее жизни мне не казалось обязательным. Что с того! Ее устами говорила сама жизнь.

Катрин хотела ребенка.

20

Закончив сниматься в «Сатане», Катрин приехала ко мне в Париж. Она стала еще более заботиться о своих туалетах. На смену юбкам и блузкам пришли костюмы, напоминавшие стиль «Шанель». У нее появилась особая страсть к обуви. Не разоряясь на дорогих портных (на это у нас не было средств), она выработала свой собственный стиль одежды.

Перед тем как куда-то пойти, Катрин подолгу занималась прической и макияжем. Дома и среди друзей она чувствовала себя совершенно раскованной.

Катрин прекрасно заботилась о Натали, решительно держала руку на нашем кошельке и проявляла строгость с прислугой и гувернанткой. Подчас сама готовила еду, но никак не походила на синий чулок.

Перед посторонними она в любых обстоятельствах неизменно появлялась уравновешенной и умеющей владеть собой. Но и ей случалось переживать минуты крайней нервозности, чередовавшейся приступами ничем не оправданной ревности.

Катрин часто встречалась с сестрой Франсуазой и с родителями. Ее жизнь включала все составные элементы полного счастья. Но мне казалось, что ей чего-то не хватает. Не потому ли люди, даже обладающие всем, никогда не бывают полностью удовлетворены жизнью? Или, как писал ирландский поэт, чье имя я позабыл, «счастье – это вещь, которой нет и которая тем не менее в один прекрасный день исчезает».

Было ли у нее ощущение, что я недостаточно люблю ее? Возможно. Она часто попрекала меня нестабильностью.

Недавно я пересмотрел любительский фильм, снятый однажды в Сен-Тропе на узкой пленке. Катрин казалась счастливой, но ее взгляд подчас туманился каким-то страхом. В одном эпизоде она объясняла Натали, как гримируются под клоуна, в другом на вилле «Мандрага» она сидела с Брижит, которая учила ее играть на гитаре.

Я надеялся, что Катрин сумеет продолжать карьеру, не снимаясь у меня. Я не хотел, чтобы о ней говорили, как об Аннет: «Ее сделал Роже Вадим. Без него она бы...» и т. д. Я был уверен, что она будет счастлива доказать всем, что способна преуспеть и без моей помощи.

Но фильм «Сатана там правит бал» не распахнул перед ней двери студий. А так как у нее не было других предложений, я решил дать ей роль в моем новом фильме «Порок и добродетель», на который уже были приглашены такие «звезды», как Анни Жирардо и Робер Оссейн. На Катрин, стало быть, не ложилась ответственность за судьбу картины. Но у нее тем не менее была важная роль, а кроме

того, она могла рассчитывать на помощь режиссера, умеющего работать с дебютантами.

Сюжет был построен на теме, близкой маркизу де Саду. В нем рассказывалась история двух сестер, одна из которых воплощала порок, а другая – добродетель. У порока жизнь была полна славы наслаждений, у добродетели – обид и невообразимых страданий. В конце фильма «порок» погибает, а «добродетель» торжествует.

Действие разворачивалось в Европе во время нацистской оккупации. Это не был реалистический фильм, он снимался в очень вычурном стиле.

Во время съемок мне открылась еще одна черта характера Катрин. На съемочной площадке она вела себя как профессионал и проявляла особую требовательность к техническому персоналу – гримерам, парикмахерам и ассистентам. О ней довольно несправедливо говорили: «Уже воображает себя „звездой“».

Со мной Катрин была послушна. Но умела доказывать свою правоту. Я-то считаю это достоинством, но проявилось оно, видимо, слишком рано и довольно бурно.

Съемки в центре Перигора-Суйаке прошли в приятной обстановке и весьма оживленно. Нас окружали друзья: Жан-Мишель Лакор, Серж Маркан, Поль Жегофф, игравший садиста-эсэсовца, заколотого одной из его жертв, Робер Оссейн. Дюжина молоденьких актрис, одна другой краше, вызывали каждую ночь недоразумения, придавая атмосфере праздника новые краски. Несмотря на искушение, я оставался верен Катрин.

Она же рано ложилась спать и редко участвовала в наших вечеринках. Это меня удивляло, ибо она любила развлечения. Катрин очень серьезно относилась к своей профессии.

Однажды мне приснился сон, что мой друг Клод Бурийо погиб во время железнодорожной катастрофы в туннеле. Катрин не верила в предзнаменования (может быть, от страха) и сказала, что сон отмечен простейшей фрейдовской символикой.

На другой день я получил от Клода телеграмму: «Приеду субботу тчк Держите трюфеля тепле тчк Обнимаю». Я позвонил ему и попросил не ехать поездом.

– Я уже заказал билет, – ответил он.

У Бурийо был самолет марки «Сессна».

– Лети самолетом.

– Плохая метеосводка. Рискованно.

Я не стал говорить о сне. Он бы поднял меня на смех.

– Мне нужен самолет для съемок, а продюсер отказывается платить пилоту, – сказал я.

Хороший друг, Бурийо прилетел на самолете. Не успел он приземлиться, как мы узнали по радио о железнодорожной катастрофе. Головной вагон, в котором было его место, превратился в груды железа. В свое время это была одна из самых страшных катастроф на железнодорожном транспорте.

Клод Бурийо сказал Катрин, что я спас ему жизнь. На что она ответила:

– Вадим умеет предвидеть будущее, но не способен запомнить цвет моих любимых роз.

Марк Аллегре собирался снимать один из скетчей в фильме под названием «Парижанки». Его четыре новеллы иллюстрировали недостатки, достоинства и очарование парижанок разных возрастов и социального положения. Он попросил меня написать сценарий и диалоги своего скетча, в котором предстояло сниматься Катрин.

Мы искали ей партнера. Я предложил певца Джонни Холлидея, который так возмутил своими концертами консервативную публику и был распят критикой за то, что импортировал во Францию стиль Элвиса Пресли. Но ему наконец начали отдавать должное, и Марк Аллегре с продюсером поддержали идею снять пару Денев – Холлидей.

К счастью, мне нельзя отказать в изобретательности. И я убедил себя и оказался, по-видимому, прав, что их роман перед камерой получил продолжение за пределами студии. Мне куда сложнее принять полуложь или ложь, чем подозрение, что меня обманывают. В отличие от большинства мужчин и женщин я хочу знать все. После первого шока я могу обо всем забыть. И тогда легко иду на мировую. Именно сомнение отравляет своим ядом семейные отношения.

Однажды дома я спросил Катрин:

– Ты влюблена в него?

– Ты глупый, – ответила она. – Это просто хороший товарищ, не больше.

Такая формула всегда казалась мне весьма подозрительной.

Если Катрин ревновала, это было связано отнюдь не с женщинами или моими вечными опозданиями (я был неисправим, приходил в одиннадцать, когда меня ждали к ужину, и не раз являлся в пять утра после прогулки с друзьями). Ее возмущало и обижало мое поведение, моя манера вести себя с женщинами.

Катрин проявила массу терпения и понимания, видя мое пренебрежение к чужому времени и пристрастие к богемным замашкам. Но день ото дня ей становилось все труднее контролировать свое дурное настроение. Тогда я начинал ей лгать, чтобы избежать сцен и упреков, но это тоже не помогало.

Сколько раз журналисты и знакомые спрашивали меня: «Ну что такого нашли в вас Брижит Бардо, Катрин Денев и Джейн Фонда?»

По мнению одних, мои победы объяснялись подвигами в постели, по мнению других – я содействовал их успеху, третьи, наконец, видели во мне колдуна, способного завораживать женщин и подгонять их под свой идеал. Моя репутация вообще противоречива. Обо мне говорили, что я циничный манипулятор, ищущий наслаждений гедонист или, напротив, мужчина, которого всегда в конце концов бросали красивые и талантливые женщины, в которых он был влюблен. Мне так и не удалось вычленивать из всего этого истину. Когда рассказываешь о себе, проявить объективность так же сложно, как заниматься самовосхвалением.

Отчего же, в таком случае, не дать слово самой Катрин? Я отыскал несколько интервью, в которых она была весьма откровенна.

«Жур де Франс», март 1967 года.

Вопрос: «Что вас больше всего привлекло в Вадиме?»

Ответ: «Его обаяние. Вот что больше всего нравится женщинам. Что-то неуловимое, что возникает, когда он улыбается, звук его голоса, ум... Шарм не зависит ни от красоты, ни от молодости. Мне представляется, что именно в этом истинная привлекательность

мужчины».

Вопрос: «Какие моральные качества Вадима больше всего связывали вас с ним?»

Ответ: «Благородство. Я не имею в виду излишнюю склонность улаживать денежные проблемы друзей или родных, а внутреннее состояние души, которое склоняет его видеть в людях лишь хорошие стороны. Открытый для всех и всего, он для каждого всегда находит извинения. Вадим был бы ужасным председателем суда, придумывая смягчающие вину обстоятельства, или с закрытыми глазами оправдывая виновных... Я ничего не делаю без ведома Вадима, не выслушав его совета. Особенно в части моды. Он внушил мне любовь к таким цветам, как белый, черный, розовый и бежевый, к прямым юбкам и натуральному шелку».

«Мари-Клер», май 1963 года.

«Вадим – самый верный мужчина из всех, кого я знала. Люди улыбаются, когда я говорю это... Есть среди них такие, которые считают: „Бедняга Вадим, его всегда бросают женщины. Вот он их и побаивается“. Я знаю Вадима. Он никого не боится. Я даже не могу ответить, кто кого на самом деле бросал. Ведь можно бросить кого-то, делая все, чтобы вас бросили».

Катрин оказалась куда более тонким психологом, чем журналисты или те женщины, которые были в моей жизни до нее. Подозреваю, что сегодня она несколько изменила свое мнение обо мне. Но как удержаться от удовольствия вспомнить такие милые комплименты?

Никто (кроме семьи и друзей) не знал, что мы едва не поженились.

Несмотря на ее собственные высказывания о свободной любви, мнения людей на этот счет раздражали Катрин: «Вадим ведь женился на Брижит и Аннет. Почему бы ему не жениться на вас?» Появляясь у меня на съемке, Катрин играла роль молодой возлюбленной, пришедшей в гости.

Каковы бы ни были скрытые или подлинные причины, факт остается фактом: в один прекрасный день мы решили пожениться.

Мне предстояла поездка на Таити, где Поль Жегофф снимал свой первый фильм в качестве режиссера. Он очень нервничал и попросил побыть рядом. Катрин тоже подумала, что нет на свете более романтического уголка для бракосочетания.

Первое приземление состоялось в кабинете нотариуса на площади Сен-Мишель. В мрачном помещении, наполненном тенями и пылью, с выстроившимися рядами старых папок с делами.

Господин Дорлеак, мадам Дорлеак, Катрин и я сидели полукругом напротив нотариуса на изъеденном молью бархате стульев. Родители моей будущей супруги настояли на составлении брачного контракта. Монотонный голос нотариуса, перечислявший статьи контракта, действовал на меня одуряюще и усыпляюще. В каком-то полусне я слышал о пожизненной ренте, разделе имущества при разводе, о столовом серебре и ценностях, которыми сам не обладал. Фраза: «В случае смерти одной из сторон набор кухонной посуды останется в полной собственности живущего» – разбудила меня. Кухонная посуда меня доконала.

– А пепельницы? – спросил я. – Вы их забыли.

Обычно не лишённая чувства юмора Катрин мрачно посмотрела в мою сторону. Она терпеть не могла моих шуток в присутствии родителей.

Я надеялся, что таитянские песни и изумрудная гладь воды в лагунах помогут мне забыть о «кухонной посуде».

Второе приземление была в отеле «Черри Низерленд» в Нью-Йорке. Мы приехали туда ненадолго по делам.

Шел дождь.

Сидя на постели, Катрин вытащила пару туфель на высоких каблуках, купленных у Закса. Не очень практичных для прогулок по коралловым рифам. Но она предпочла их кроссовкам, которые я советовал купить (и которые мы купили на другой день). Из окна на 17-м этаже хорошо был виден Центральный парк. Зазвонил телефон. Я снял трубку. Это была Аннет.

– Пипфюгль, я знаю, что ты обожаешь разыгрывать маму. Бедняжка верит каждому твоему слову.

– О каком розыгрыше ты говоришь?

– О свадьбе на Таити.

– Это не розыгрыш.

Наступила пауза, такая долгая, что я подумал, будто нас разъединили.

– Ты не можешь жениться на этой девушке, – произнесла она в конце концов.

Она была убеждена, что Катрин жила со мной исключительно из карьерных соображений, что я не любил ее и что сошелся с ней, чтобы утешиться после нашего развода. Она сказала, что этот брак принесет мне несчастье и что она слишком любит меня, чтобы дать совершить такую глупость.

– Если ты женишься, я заберу Натали. – (Блошка проводила несколько недель у моей матери). – Клянусь, это не пустые слова. Можешь сердиться на меня, но придет день, когда ты скажешь спасибо.

Я повторил слово в слово Катрин наш разговор, опустив некоторые эпитеты Аннет.

– Ты думаешь, она способна выполнить свою угрозу?

– Совершенно убежден.

Катрин знала, как я привязан к дочери, и предложила отложить свадьбу на некоторое время. Знаю, что она при этом подумала – «навсегда».

Но не стала ни в чем меня упрекать, была спокойна и в последующие дни нашего пребывания в Полинезии. Думаю, однако, что она никогда мне не простила этот несостоявшийся брак.

Сегодня я пытаюсь спокойно разобраться в своих чувствах. Нет никаких сомнений, что я уступил шантажу Аннет без боя из страха потерять право воспитывать Натали. Родители не должны оспаривать ребенка. Но «кухонная посуда», передаваемая «в полную собственность живущему», несомненно способствовала принятию такого решения.

назначен главой правительства де Голля. Начался период экономического подъема и относительной социальной стабильности.

Подъем переживала и кинопромышленность. Благодаря «Новой волне» она обогатилась свежей кровью. Продолжали успешно работать и режиссеры старой школы. Многообразие стилей пошло ей на пользу.

«Отдых война» имел огромный успех. Брижит досталась роль более «взрослого» существа, чем прежде. Она играла респектабельную, обеспеченную буржуазку, готовую выйти замуж за врача, влюбившуюся в анархистаинтеллектуала, испытывающего отвращение к обществу и живущего, как бездомный бродяга. Вместо того чтобы предаться чарам богемной жизни и плотским радостям, которые перед ней открывает этот человек, она в итоге его приручает, дрессирует и подводит к венцу на своих условиях. То есть делает рядовым мужем.

В последней сцене фильма (снятой в Тоскане) показывалась капитуляция поэта. Он падал на колени и прижимал голову к ее животу как символу победы женщины-матери. В этой сцене мне хотелось зачесать ей волосы на затылок, чтобы открыть лоб и покончить с прежним имиджем чувственной куколочки. Но просить ее об этом значило просить монашку надеть бикини.

Мы снимали в великолепной церкви XVI века, заросшей травой, с обвалившимся потолком, через который виднелось небо. Задул сильный ветер, и продюсер решил прервать съемку. Но я настоял на продолжении. Этот ветер стал моим союзником. Он смахнул с лица Брижит ее пресловутую челку, придав ему классическую красоту – чего я никак не мог от нее добиться. Она была чудо как хороша, в чем сама убедилась, посмотрев проявленный материал.

Зато «Порок и добродетель» был освистан на премьере. Французы еще не забыли драму оккупации и не склонны были оценить мое вольное обращение с Историей. Ассоциация бывших участников Сопротивления потребовала запретить картину. Понадобилось два года, прежде чем после выхода фильма в Нью-Йорке и Сан-Франциско я смог прочитать благожелательную критику.

На Катрин этот провал никак не отразился. Она уже снималась в «Парижанках». Но была оскорблена таким приемом своего первого значительного фильма. Более чем через двадцать лет после этого провала я обнаружил (из письма, которое она мне недавно прислала), что она так никогда и не простила мне свой первый неудачный опыт. Это в характере Катрин – хранить в тайне обиду в течение четверти века.

Публике «Парижанки» понравились, и о Катрин заговорили как о будущей «звезде».

Желая доставить приятное моему другу Полю Жегоффу, она согласилась принять участие в его картине «Отлив», который он намеревался снимать на Таити.

Пребывание в Папете (где мы бы поженились, не будь звонка Аннет) началось плохо. Несмотря на предупреждения, Катрин перегрелась на солнце, и у нее началась лихорадка. А через несколько дней у нее стала облезать кожа.

Полю Жегоффу пришлось переписать сценарий и пригласить на роль, предназначавшуюся Катрин, местную красотку: у продюсера не было средств, чтобы вызвать из Франции другую актрису.

Три основные мужские роли исполняли Франко Фабрици (знакомый киноманам по «Маменькиным сынкам» Феллини), Мишель Сьюбор (партнер Брижит в «Уздечке на шее») и Кристиан Маркан. Поль оказался оригинальным режиссером, куда более озабоченным рыбалкой, чем работой с актерами.

Продюсер был на грани истерики, а нам досталось дивное приключение. Жили мы на судне, которое перевозило нас с одного атолла на другой. На одном из них мормоны выстроили прелестную церковь для семидесяти двух его жителей. По этому случаю шестьдесят восемь из них приняли веру мормонов. А остальные четверо непримиримых католиков продолжали молиться в маленьком деревянном сарае с крестом на крыше. И тут на атолл внезапно обрушился ураган. Ветер сдул католическую церквушку, как пушинку, а мормонская церковь выстояла. Так что к следующему воскресенью на атолле было на четыре мормона больше.

В ночь, когда налетела буря, мы лежали с Катрин на кровати

капитана – единственной двуспальной койке на корабле. Нас швыряло в разные стороны. Катрин взяла мою голову в руки и посмотрела долгим-долгим взглядом. Она что-то сказала, но свист ветра в парусах старой посуды был таким сильным, что заглушил ее слова.

– Что ты сказала? – спросил я.

– У нас будет ребенок! – завопила она. Беременная Катрин оказалась – как бы это сказать? – женщиной, полной контрастов.

Бывали дни, когда она вставала засветло, отводила Натали в детский сад, заходила проведать меня на студию, отправлялась на рынок вместе с нашим поваром-югославом Гюставом, чтобы не позволить ему жульничать, убиралась в доме, поливала цветы. А к полуночи, когда мне казалось, что она должна быть без сил, тащила выпить по рюмке к Кастелю.

Сидя на скамейке первого этажа для завсегдатаев, она чокалась с Элизабет Тейлор, Франсуазой Саган, Квинси Джонсом или с загулявшими министрами.

А на следующей неделе спала до полудня, еще через неделю наступал «магазинный период». Я ненавидел хождение по магазинам, но соглашался на эту пытку ради беременной Катрин. Мы ходили по магазинам для будущих мам, ничего не покупали, но возвращались с парой новых туфель.

В свою очередь, я не отказывался от своих дурных привычек. Случалось, покидая студийный бар вместе с ассистентом Жан-Мишелем Лакором, я предварительно звонил Катрин:

– Мне нужно расслабиться. Вернусь к полуночи.

Но в полночь мы еще были в «Сексисе» на Елисейских полях, где обучали хорошим манерам знакомую стриптизерку и где к нам присоединялись Поль Жегофф и Кристиан Маркан. В три ночи в одном из баров на Пигайль, едва не ввязавшись в драку с двумя сутенерами, мы пили с ними мировую, держа пари на бутылку шампанского. А в пять утра ели луковый суп в «Эскарго» и встречали восход солнца вместе с крепышами старого Рынка.

Мы с Лакором могли, однако, гордиться строгим соблюдением морали. Он не изменял своей жене Сесиль, а я – Катрин.

Однажды утром, когда я только что вернулся домой, она уже отправила Натали в детсад в сопровождении гувернантки, убедившись предварительно, что та не забыла учебники и тетрадки, и мыла на кухне оставленную с вечера посуду.

– Ты пьян в стельку, – сказала она.

– Я не пьянею от нескольких стаканов вина, – с возмущением ответил я.

Мне только теперь бросилось в глаза, с каким исступлением она занимается хозяйством.

– Сегодня суббота. Гюстав уйдет лишь в полдень. Почему ты делаешь его работу?

– Я его уволила, – ответила Катрин.

У Гюстава был любовник почтальон. Всякий раз, когда они ссорились, а это происходило часто, Гюстав терял голову и, готовя пищу, наносил себе раны острыми предметами. Тогда раковина, плита и даже стены оказывались в крови. В такие дни он подавал нам салат под гемоглобином и дофинские сливки «а-ля Дракула». Видеть это, особенно когда у нас сидели гости, было не очень приятно.

– Я предпочитаю сама мыть посуду, чем жить в операционной, – сказала Катрин.

Когда я познакомился с Катрин, у нее были два тайных желания: быть матерью и стать актрисой. Достигнув того и другого, она расцвела. Катрин была создана для того, чтобы властвовать. Насчет жизни у нее были совершенно определенные взгляды, которым должны были подчиняться люди и события. Она была убеждена, что всегда права и способна принести счастье другим при условии, что ей будут беспрекословно подчиняться. А так как при этом была умна, не лишена чувствительности и юмора, можно было легко подпасть под ее обаяние, не успев заметить, что под угрозой отлучения нужно неизменно говорить «да». Слабой и уязвимой эта девушка с железным характером могла показаться лишь в редкие минуты растерянности.

Едва она начинала демонстрировать свой властный характер, как я прятался в шкаф. Я не поддаюсь дрессировке, и это порождало

между нами резкие стычки.

Не знаю, была ли Катрин всегда права или не права. Каждая сторона смотрит на вещи чисто субъективно. У меня нет прописных истин на этот счет. Но было очевидно, что она переменялась. Точнее, пробудилась та сторона ее личности, которая до сих пор пребывала в спячке.

Однажды, когда мы ехали с нею в Межев, спор по поводу оценки достоинств одной актрисы внезапно перерос в ссору. Открыв дверцу, она хотела выскочить на ходу. Я еле удержал ее, схватив за платье.

Четыре часа она дулась на меня. Когда мы доехали до первых заснеженных полей, она попросила остановиться, сказав, что хочет размять ноги.

Через десять минут ее не было на месте. Я отправился на поиски, идя по ее следам, и нашел продрогшую, в слезах у сосны.

– Чего ты от меня хочешь? – спросила она, лязгая зубами.

Я взял ее на руки и отнес к машине. Ноги ее заледенели, и я отогревал их своим теплом под рубашкой.

– Их ампутируют, и ты разлюбишь меня, когда я встану на протезы, – сказала она.

Я засмеялся, и мы поцеловались. Дело в том, что мы действительно любили друг друга.

Будучи ребенком, я часто развлекался, читая журнальную рубрику «Правда превосходит вымысел». Я вполне мог бы выступить в ней со следующим рассказом.

Я был один в доме, когда зазвонил телефон.

– Пипфюгель, это твоя Ненетта.

Она снова приехала в Париж и хотела немедленно увидаться со мной. У меня была уже назначена важная встреча, и я предложил ей встретиться завтра.

– Что-то ты не спешишь меня увидеть, – сказала она.

– Напротив! Только днем я не могу отменить свидание.

– А вечером?

– Я и Поль Жегофф ужинаем у Сержа. А ты где?

– В отеле «Принц Уэльский».

– Я позвоню тебе утром.

Она спросила про Натали, которая чувствовала себя отлично, и повесила трубку. Серж Маркан жил в районе Марэ. Я опоздал к ужину.

Серж почему-то нервничал, а Поль, напротив, находился в отличном расположении духа.

– Они уже час в спальне, – сказал он.

– Кто?

– Аннет и Катрин. Они решают твоё будущее.

Я вошел в спальню. Меня мучило угрызение совести, что я не объяснил бывшей жене, что возврата к прошлому нет.

Первой заговорила Аннет.

– Ты сейчас же скажешь, которую из нас ты любишь сильнее.

«Кто-то из нас явно спятил», – подумал я. И, не найдя ничего лучшего, покинул их.

– Ну, что? – спросил Поль, которого подобные ситуации всегда радовали. – Тебя застукали на месте преступления?

Спустя несколько минут появились Аннет и Катрин. Я схватил Катрин за руку, и мы вышли из дома.

После этой встречи Аннет заявила, что намерена жить в Париже и возьмет к себе на некоторое время Натали.

Я снял две квартиры на одной площадке в доме, находившемся в двух шагах от меня. В одной из них я поселил маму, мадемуазель Милле и Натали, в другой – Аннет.

Я подумал – и получил в дальнейшем подтверждение, что подобная ситуация продлится недолго.

Катрин не забывала о своей карьере. Встречалась с продюсерами и режиссерами. Сестра познакомила ее с Жаком Деми, с которым она очень подружилась.

В апреле мне предстояла экспедиция в Лапландию для натуральных съемок фильма «Замок в Швеции» по пьесе Франсуазы Саган. Будучи на седьмом месяце беременности, Катрин осталась в Париже.

«Звезды» нашего фильма Моника Витти (жена Микеланджело Антониони) и Жан-Луи Трентиньян вместе с группой провели три

недели севернее Полярного круга. Ночи были короткие, не более полутора часов, а воздух такой разреженный, что мы практически не спали. Я уже работал с Трентиньяном после «эпохи Бардо», и мы с ним отлично ладили. Он был превосходным игроком в покер. Однажды ночью, когда он в очередной раз отобрал у меня все фишки, я спросил его:

– Неужели ты заберешь еще и мои наличные?

Он лишь ухмыльнулся.

После натуры в Швеции я заканчивал картину на студии «Бийанкур», когда мне 18 июня передали записку: «Катрин Денев в Американском госпитале в Нейи». Я тотчас позвонил туда.

– Это произойдет завтра, – сказали мне.

Но спустя три часа получил новую записку:

– У вас сын, господин Вадим. Ребенок и мать чувствуют себя хорошо.

Я оставил Жан-Мишеля закончить съемку и помчался в клинику.

Катрин была бледная, но так и сияла. Ее еще влажные волосы прилипли ко лбу. В руках она держала Кристиана, которому был час жизни.

У меня уже была дочь, и я радовался, что родился мальчик. И теперь взволнованно смотрел на него. Катрин сказала:

– Это ребенок. Ну, знаешь, существо, которое сосет, которому надо менять пеленки и который растет без разрешения.

Медсестра забрала Кристиана. Я поцеловал его морщинистый лобик.

– Ему надо удалить морщины, – заметил я.

Катрин улыбнулась и взяла мою руку. Я присел к ней на постель.

Мы смотрели друг на друга с новой надеждой, и от этого становилось тепло на сердце.

Я не знал тогда, что к восемнадцати годам Кристиан станет таким же красивым, как его мать. Младенцем он был самым безобразным из всех мною виденных прежде.

Двухмесячного его никак не удавалось посадить. Голова у него была такой тяжелой, что падала вперед, вбок и даже назад. Я всегда боялся, что он сломает себе шею.

Однажды ночью я читал роман одного из моих самых любимых фантастов ван Фогта, когда услышал странный шум в детской. Стараясь не разбудить Катрин, я тихо прошел туда. Из коридора в комнату падал луч света, образуя странные тени, и в какой-то момент мне показалось, что в колыбель сына забрался инопланетянин.

Малыш между тем просто-напросто старался засунуть в рот пальцы ног.

С этой ночи я прозвал его Марсианином. Это раздражало Катрин, которая в пылу материнской любви находила сына дивным красавцем. Через несколько месяцев Марсианин действительно превратился в очень красивого мальчика.

Мы жили в Сен-Тропе в доме, выходящем на большой пляж Пампелонн. Июльское солнце, друзья, приходившие обедать или ужинать на террасе, увитой диким виноградом, лодочные прогулки, ребенок, которого мы с Катрин обожали, радостные крики Натали, бегавшей по саду, усаженному розами, маргаритками и лилиями, запах чабреца, мимозы и эвкалипта – все это порождало ощущение счастья.

И тем не менее мы никогда столько не ссорились. Надежда на то, что рождение Кристиана сблизит нас, не оправдалась. Мне становилось все труднее сносить интеллектуальную и домашнюю диктатуру Катрин. Она же меня попрекала неорганизованностью и вечными эскападами с друзьями, которые происходили все чаще. И еще называла лгуном. Я отвергаю любую форму манихейства и отказываюсь видеть вещи только черными или белыми. Должен признать также, что имею довольно смутное понимание слова «истина». И это раздражает людей. В частности, женщин, с которыми я живу. Наши темпераменты, наши жизненные концепции с Катрин были прямо противоположными. В юриспруденции это называется несовместимостью характеров.

Даже когда любовь проходит, сама мысль о разводе после

многих лет совместной жизни становится ужасной. А когда все еще любишь, как в нашем случае, эта мысль особенно болезненна. После очередной ссоры, нового недоразумения мы падали в объятия друг друга. Но никакие поцелуи, слезы, ласки, нежные слова не способны были зарубцевать вновь открывшуюся рану.

Вопреки очевидности, мы отказывались признать, что живем лишь отсрочкой. Сотни раз в порыве гнева мы заговаривали о необходимости расстаться, но так ни разу спокойно не поговорили об этом.

Вплоть до того дня, когда однажды попали в бурю.

У меня была лодка «Аристон Рива» с таким мощным мотором, что менее чем за час мы добирались до Левантских островов в 80 километрах от Сен-Тропе.

Катрин, Поль Жегофф, Пьер Фероз (бывший секретарь Карло Понти), Тони Адэс (молодой египетский продюсер) и я однажды решили отправиться туда. Была прекрасная погода, и мы наловили рыбы на хорошую уху.

Внезапно поднялся восточный ветер. Я предложил немедленно вернуться в Сен-Тропе. Но Жегофф, как я уже писал, был фанатиком рыбалки. «Еще немного», – повторял он. И в результате задержал нас до заката.

По дороге домой в 15-ти километрах от побережья загорелся мотор. Тони и Пьер тотчас бросились в воду, а мы с Полем, действуя огнетушителем, сумели справиться с пламенем. Успокоившись, наши друзья поднялись на борт. Но мотор заглох.

Напуганные ветром и тучами, закрывшими горизонт, все суда поспешили в гавань. Мы были одни в море. Ветер крепчал, все более темнело. До берега можно было, добраться лишь на веслах. Но их не было, и пришлось воспользоваться водными лыжами.

Несмотря на все наши усилия, мы продвинулись за два часа лишь на два километра. Береговые огни казались такими далекими. Ветер свистел, как в бурю, и вода захлестывала «Рива». Начался дождь. Сверкнула молния. Приключение оборачивалось трагедией.

Поль Жегофф не отдавал рыбный садок, чтобы вычерпывать воду.

– Я не дам вам прикоснуться к моей ухе, – протестовал он. Но в конце концов согласился переложить рыбу в дорожную сумку.

Побелевший от страха Пьер Фероз ни во что не вмешивался, а убежденный, что помочь нам может только Аллах, Тони Адэс погрузился в молитву на арабском языке. Мы с Полем продолжали грести. Катрин вычерпывала воду. Ее хладнокровие вызывало у меня чувство восхищения.

Шансов на то, что мы доберемся до берега до того, как волна перевернет наше судно, становилось все меньше. Однако к трем ночи, совершенно обессилившие, мы достигли песчаного берега в нескольких метрах от большого отеля. У Поля хватило сил не забыть выловленную рыбу.

Ночному портье прежде не приходилось принимать потерпевших бедствие. Но он постарался нам помочь, сделал ванну для Катрин, выдал нам купальные халаты и приготовил горячий ромовый грог.

Я позвонил домой, чтобы успокоить мадемуазель Милле. Она сказала, что на помощь нам вышло судно. Его отозвали по радио.

– Аллах услышал меня, – сказал Тони Адэс.

– Спасибо, – ответила Катрин. – Что бы с нами стало без вас.

Позднее, сидя в глубоком кресле рядом со мной, она сказала:

– Я действительно думала, что мы погибнем. Я думала о Кристиане, о Натали, у которой все же есть мать. А еще о нас. И сказала себе: «Если мы чудом спасемся, жизнь разлучит нас. Все было так ясно. Я видела будущее, как в книжке с картинками. И была печальна. Мне и сейчас грустно».

В конце лета Катрин собралась на съемки фильма Жака Деми «Шербурские зонтики». Я же отправился на Венецианский кинофестиваль. Вернувшись оттуда и побыв пару дней с сыном, я решил проведать Катрин в Шербуре. Не отличавшийся здоровьем в первый год жизни, Кристиан остался в Париже с итальянской кормилицей Бруной, чудесной женщиной, которой мы с Катрин полностью доверяли.

Воскресенье мы провели на живописном, со своими густо зелеными полянами, кукольными домиками, выстроенными в одну линию, и краснокирпичными соборами острове Джерси. Но поездка

была испорчена. Мы все время ссорились. И на другой день в полном отчаянии я уехал.

Съемки «Шербурских зонтиков» прошли успешно. Катрин еще не знала, что эта картина сделает ее «звездой». Она впервые играла очень подходящую для нее роль. Да и Жак Деми сумел талантливо подчеркнуть ее тонкую романтическую внешность. Французское кино нуждалось в новом лице – менее чувственном, чем у Жанны Моро или у Симоны Синьоре, и менее агрессивном, чем у Брижит Бардо. Место оказалось свободным, и Катрин его заняла с первой своей большой ролью.

Когда она вернулась в Париж, наша жизнь продолжалась почти мирно. Мы напоминали двух утомленных боксеров, решивших сделать передышку в течение одного раунда. Катрин много времени проводила с ребенком, а я работал по пятнадцать часов в день, готовясь к следующему фильму – «Карусель» по сценарию Жана Ануя.

12 декабря, вернувшись домой в конце дня, я застал Катрин складывающей чемодан. Это кое о чем напомнило.

– Мне надо уехать, – сказала она. – Я больше так жить не могу.

И отказалась сказать, куда едет. Но на другой день из газет я узнал, что она отправилась к Джонни Холлидею, выступавшему с концертами в Лионе или Эвиане. Было ли это так на самом деле – не знаю.

17 декабря она вернулась, казалась счастливой. Ничего не рассказала об этой короткой поездке. А уж если Катрин решила не говорить, из нее нельзя ничего вытянуть. Подчас эта женщина бывает удивительно замкнутой.

20 декабря Ольга Хорстиг (импресарио Брижит Бардо) позвонила мне и предложила вместе поужинать.

– Сегодня день рождения одной моей клиентки. Она одна, и я пригласила ее. Ты наверняка знаком с ней.

– Кто же это?

– Джейн Фонда.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЖЕЙН ФОНДА

23

В ресторане «Максим» сохранилась традиция ужинов с танцами. Я пришел туда однажды с Аннет, с которой только что познакомился, и с несколькими друзьями и встретил там Кристиана Маркана. Он был с молодой девушкой.

– Это дочь Генри Фонды, – сказал кто-то из моих спутников.

Джейн тогда было лет восемнадцать. Она показалась мне хорошенькой, но я бы не обратил на нее внимание, если бы она не была с Кристианом. Он встал и повел ее танцевать. Джейн была в скромном платье до колен, стянутом на талии и с небольшим вырезом. Своей прической, тоже весьма скромной, она напоминала хорошо воспитанных девушек из американских фильмов. Контраст с несколько вычурными туалетами парижанок производил отрадное впечатление.

Мы любили с Кристианом дразнить друг друга, подчеркивая или преувеличивая недостатки наших подружек. Когда они в танце прошли мимо нас, я сунул ему в карман записку. «Ты видел ее лодыжки?» – написал я.

В тот вечер они действительно были немного опухшие. Прочитав записку, Кристиан смял ее и выбросил в пепельницу. Отвлеченный разговором с кем-то, он и не заметил, что Джейн взяла ее. Она знала меня по фотографиям в газетах и не сомневалась, что в записке речь идет о ней. Ей было интересно узнать, что я написал.

Другую моя записка рассердила бы. Но только не Джейн. Позднее она призналась, что ее эта история даже позабавила.

На другой день она уехала из Парижа в Лос-Анджелес. Спустя три года, встретив ее там, я впервые заговорил с ней. Французский продюсер хотел заинтересовать Джейн ролью в моем следующем фильме. За неделю до отъезда я попросил организовать с ней встречу. Я знал, что американские актеры никогда не соглашаются подписывать контракт, не прочитав сценарий. А он еще не был готов,

так что я не рассчитывал на ее согласие. Но мне хотелось с ней познакомиться. Мы встретились в кафе-шоп отеля «Бeverли Хиллз», в котором я остановился.

Джейн не была покрашена, а глядя на ее растрепанную прическу, можно было подумать, что она пробежала по пляжу стометровку. На ней были джинсы и рубашка мужского покроя. Я не знал, что все это она сделала нарочно. Импресарио сказал ей: «Постарайся выглядеть „секси“». Она поступила в точности наоборот. Ее смущала и сердила моя репутация «творца „звезд“» и специалиста по эротике. Однако, собравшись шокировать меня своим видом, она достигла обратного результата. Мне очень понравилась ее естественность.

Собираясь встретиться со мной, Джейн и не думала соглашаться на роль, которую я хотел ей предложить. Ей было просто любопытно познакомиться со мной.

Мы проговорили по крайней мере час, уже не помню о чем.

Спустя еще три года Франсис Косн предложил мне экранизировать бестселлер «Анжелика, маркиза ангелов». Он хотел, чтобы роль маркизы – авантюристки и увлекающейся женщины – сыграла Джейн Фонда. И получил из Голливуда телеграмму: «Джейн Фонда не заинтересована сниматься в костюмном фильме. Она просит также передать, что никогда не станет работать с Роже Вадимом». Тогда Косн пригласил Мишель Мерсье, и фильм (в котором я не участвовал) имел огромный кассовый успех, став, можно сказать, событием.

А еще через несколько месяцев Ольга пригласила меня к себе отметить день рождения Джейн. Отснявшись в тот день в «Кошках» (с Аленом Делоном в качестве партнера), она не успела захватить в отель переодеться и причесаться. Выглядела прелестно. Атмосфера у Ольги была приятная и раскованная. Джейн сказала, что чувствует себя в Париже одинокой.

– О вас с Делоном пишут всякое, – заметила Ольга.

– Таковы правила игры. Пресс-атташе намекает на роман между «звездами», и газетчики набрасываются на эту информацию, не удосужась ее проверить. А опровержение лишь подливает масла в огонь. Ведь не просто доказать, что ты никогда не спала с

господином, который держит тебя в объятиях полуголой на съемочной площадке в присутствии шестидесяти членов съемочной группы. Ален очень привлекательный мужчина, но мне с ним не о чем говорить. Мой режиссер Рене Клеман – человек удивительно холодный. Сердце у него есть, но он его прячет подальше. Возможно, от застенчивости. В Париже у меня только один друг – продюсер Лоран. Но он женат, отец семейства, и у него нет свободного времени.

Ее французский был еще несовершеннолетним, но изъяснялась она вполне свободно. На английском Джейн выражается очень четко. Ее манера говорить, сопровождаемая намеренными паузами, создает впечатление энергии и подчас некоторой сухости. На французском ее речь была более яркой, а голос поражал богатством оттенков. Недостаточная уверенность, возникающая в результате поиска слов, придавала ее речи мягкость, которая вообще присуща ей, но которую она, сама не зная почему, всячески скрывает.

Джейн призналась, что пока с трудом понимает речь французов, и добавила:

– Люблю в Париже бродить по городу днем и ночью. Если идешь ночью по Беверли-Хиллз, полиция спрашивает документы.

По поводу чрезмерной зависимости калифорнийцев от машин я рассказал ей анекдот. На землю, чтобы выяснить интеллектуальный уровень жителей, отправляется инопланетянин. Прибыв в Лос-Анджелес, он присылает свой первый доклад: «Самые развитые жители этой планеты – экзоскелетны, с металлическим покрытием всех цветов. Они передвигаются на четырех колесах, собираются на митинги на огромных площадях, именуемых „паркингами“, и на ночь поселяются в личных или общественных убежищах под названием „гаражи“. Располагают управляемыми на расстоянии модулями из хрупкой и гибкой материи – черной, белой и желтой, – весьма неловко передвигающимися на двух ногах, необходимость в которых пока мне непонятна».

Не знаю, позабавил ли ее этот анекдот, но она засмеялась. Рассказала, что еще недавно страдала сомнамбулизмом.

– Летом я сплю нагишом и несколько раз просыпалась голая в

саду. Однажды открыла ворота на улицу, и когда пришла в себя, едва не умерла от стыда.

Торт с 25-ю свечами оказался для нее сюрпризом. Мы спели «Happy birthday», и она рассказала, почему уехала из Голливуда во Францию.

– Я снялась в США в шести картинах... И сыграла три спектакля. Меня наградили призом: «Лучший молодой талант года»... Но я по-прежнему дочь Генри Фонды и одна из «надежд Голливуда»... Журналисты прозвали меня американской Брижит Бардо.

Она остановилась, улыбнулась мне и продолжала:

– Я очень уважаю Брижит Бардо, но не нахожу, что на нее похожа. В любом случае я предпочитаю быть сама собой. В Голливуде же мне не хватало понимания, кто я такая. Полуфабрикат или пленница системы? Тогда я решила сбежать и приняла предложение Рене Клемана. Может быть, мне удастся найти себя во Франции. Все говорили, что я поступаю опрометчиво. Что ломаю свою карьеру. Еще не было, мол, случая, чтобы, уехав в Европу, американская актриса добилась известности. Мне ставили в пример Грету Гарбо и Ингрид Бергман, приехавших в Голливуд из Швеции. Что Бергман, мол, сломала карьеру, уехав в Италию с Росселини. Посмотрим...

Предупредив, что снимается завтра рано утром, что надо вернуться в отель до 11 часов, и увидев на часах 12, воскликнула: «Да я с ума сошла!» Через двадцать минут позвонила из отеля, сказав, что провела в Париже самый лучший вечер с тех пор, как приехала сюда. Повесив трубку, Ольга улыбнулась.

– Ты обворожил ее.

Но обворожен был я. И вопреки утверждению Ольги без всякой надежды, что это влечение окажется взаимным.

Продюсеры «Карусели» Робер и Раймон Хаким хотели предложить Джейн роль в своем фильме. Я рассказал им про телеграмму, которую однажды получил Франсис Косн.

– Это ничего не значит, – заявили они. – Актеры так непостоянны.

Они сделали предложение Джейн через Ольгу, и, к моему большому удивлению, она согласилась. Это объяснялось не только вечером, проведенным у Ольги. Джейн решила работать во Франции. Престиж автора сценария Жана Ануя, блестящий актерский состав будущего фильма, а также тот факт, что все советовали ей согласиться, победили ее опасения. Она не считала себя ни красавицей, ни «секси» и не понимала, почему я интересуюсь ею. Моя репутация и притягивала ее, и одновременно пугала. Как в жизни, так и в кино.

В свои 25 лет Джейн Фонда, судя по ее разным интервью, выглядела весьма самоуверенной особой, сознающей впечатление, которое производит ее внешность, ее сексуальность. Она была уверена, что станет «звездой», сурово судила отца и брата и всегда была готова шокировать общественное мнение.

Ее характеру было присуще рваться вперед, насмехаться над современными нравами, но на самом деле она была куда менее уверена в себе, чем хотела казаться. Джейн задавала множество вопросов относительно собственной карьеры, отца и даже своей личной жизни. Ей казалось, что она еще ничего не достигла. И это ее беспокоило и смущало.

Крупный музыкальный издатель Эди Барклей давал ежегодно на Рождество костюмированный бал. Залы и парк огромного Арменвильского павильона в Булонском лесу заполнили все (или почти все) самые талантливые и знаменитые люди Парижа. Джейн изображала Чарли Чаплина – с усиками, шляпой и тросточкой. Я оделся офицером Красной Армии.

Всю ночь между нами шла странная игра. Она то исчезала, то появлялась снова и опять исчезала. К пяти утра осталось два десятка гостей. Джейн в том числе.

– Вы забыли о рождественском поцелуе, – сказал я ей.

И поцеловал ее в губы.

Она взглянула на меня, казалось, хотела что-то сказать, но передумала и присоединилась к своему другу Лорану, попросив его отвезти ее домой.

Катрин провела эту ночь с кем-то. Я так и не узнал с кем.

Спустя несколько дней я отправился на студию «Эпинеи» повидать Жана Андре, художника всех моих картин. Он наблюдал за возведением декораций для фильма Рене Клемана «Кошки». Мы поболтали за рюмкой виски в маленьком студийном баре. На улице шел проливной дождь.

Внезапно распахнулась дверь, и вошла Джейн. С ее только что причесанных волос стекала вода. За минуту до этого она снималась в постельной сцене и, чтобы пересечь двор, набросила на ночную сорочку плащ. Запыхавшаяся, промокшая, с блестящими глазами, она была чудо как хороша. Увидев меня, Джейн смутилась.

Кто-то сказал ей, что я в баре с Жаном Андре. Повинуясь внезапному порыву, она стремительно покинула съемочную площадку, опасаясь, что не застанет меня там.

Именно в эту минуту я понял, что влюблен.

Два часа спустя я проводил ее в ее отель «Релэ Биссон» и поднялся к ней в номер, окна которого выходили на Сену. В нем стояла большая кровать, потолок украшала лепнина, да еще была софа, на которую мы упали, едва она сбросила плащ. Мы поцеловались. Нежно, страстно, с нетерпением любовников, встретившихся после долгой разлуки. Я наполовину раздел ее, и мы уже собрались заняться любовью на софе, как она вдруг выскользнула и побежала в ванную. А потом вышла оттуда нагая и легла в постель. Я разделся тоже и присоединился к ней. Но... что-то случилось, и я не смог овладеть ею.

Я где-то читал, что, если влюбленный мужчина слишком сильно желает женщину, его порыв может отразиться на потенции. И стал постепенно терять надежду. Через два часа пришлось признать очевидное: я был заблокирован, унижен, бессилён.

После шока в студийном баре и страстных объятий на софе я расценил бегство Джейн в ванную и прозаическое ожидание моих действий, когда она легла голая в постель, как своеобразный вызов. Мечта внезапно обернулась банальностью. Она словно говорила: «Хочешь заняться любовью? Валяй...»

Позднее Джейн мне объяснила, что ее властно тянуло ко мне, и она подумала, что, занявшись любовью, сумеет потом справиться с

этим желанием. Она не хотела влюбиться в меня и надеялась, что подобное соблюдение ритуала позволит ей освободиться от наваждения. Моя внезапная и необъяснимая импотенция смешала карты.

В полночь я повел ее поужинать в маленький испанский ресторан «Ла Квинта» возле отеля.

Мы просидели там до четырех утра, смеясь и разговаривая, куда более влюбленные, чем прежде. Я выпил несметное количество текилы, надеясь, что алкоголь подстегнет мои силы. Но фиаско повторилось. Теперь я во всем винил текилу. Чутьочку, мол, отдохну, и все будет в порядке.

К утру спеси у меня поубавилось. Я по-прежнему был бессилён. Но, казалось, Джейн подобная непредвиденная ситуация ничуть не трогала. Думаю, она ей даже внушала надежду. Я выглядел более уязвимым и, вероятно, более человечным.

В следующие два вечера она была занята. Мы договорились увидеться на третий день. После ресторана я повез ее в ночной клуб на улице Понтье. Мы много танцевали, и, прижимаясь к ней во время танца, я мог убедиться в своей потенции. Но едва мы оказались в ее постели, как сценарий повторился снова. К чувству неловкости прибавился страх. Джейн была убеждена, что просто не возбуждает меня. Но, ценя мое общество, предложила снова увидеться в следующую субботу.

Я обо всем рассказал моему другу Бурийо, автогонщику и фармацевту, который снабдил меня пилюлями.

– Примешь одну после обеда, – объяснил он, – а другую во второй половине дня.

Я проглотил всю упаковку до прихода в «Релэ Биссон», и меня тошнило всю ночь напролет. Джейн ухаживала за мной, как мать, и чтобы встряхнуться, повела в воскресенье погулять в Булонский лес.

Эта чудовищная история продолжалась три недели. Я никак не мог понять причину долготерпения Джейн. Она могла мне сказать: «Останемся друзьями, но прекрати эту комедию». Она же ни разу не запротестовала, когда я ложился в ее постель. Я до сих пор восхищаюсь своим упрямством. Любой здравомыслящий человек

пустил бы себе пулю в лоб или отказался бы подвергать себя такому унижению. Наверное, я действительно был без ума от Джейн.

Как-то вечером я сказал ей:

– Я буду лежать с тобой в этой постели до тех пор, пока не смогу побороть свое бессилие. День, два, неделю, месяц, если понадобится – год.

– Год? – переспросила она. – Клеман с этим никогда не согласится.

Посреди ночи я опять обрел свою силу и стал таким же мужчиной, как всегда.

Мы не пролежали в постели год. Хватило двух ночей и дня, чтобы наверстать упущенное.

Сей несчастный случай для моей гордыни обернулся положительной стороной. У Джейн теперь не было оснований опасаться моей репутации.

После первой фатальной ночи с Джейн я не поехал ночевать домой. Я встречался с Катрин и сыном днем, а ночевал на улице Боссено или в «Релэ Биссон».

Когда ситуация нормализовалась, я уже не покидал Джейн. Она все еще снималась в «Кошках», а я заканчивал подготовку к съемкам «Карусели». Мы встречались каждый вечер.

Впервые в жизни, покинув одну женщину, я сразу оказался в объятиях другой. Я не хотел лгать Катрин, испытывая к ней с тех пор, как мы перестали ссориться, огромную нежность. Казалось, она соглашалась расстаться без большого огорчения. Однако, как выяснилось, страдала больше меня. Вероятно, не из чувства любви, а от сознания того, что я бросил ее.

Однажды Джейн сказала, что уезжает на пару дней в Женеву со своим другом Лораном. Едва она уехала, я понял, как мне ее чертовски не хватает. Чтобы забыть свое одиночество, я вместе с Кристианом Марканом, Морисом Роне и еще несколькими друзьями прокутил до утра.

В сильном подпитии вместо того, чтобы отправиться в «Релэ Биссон», я поехал на авеню Энгр. Открыв своим ключом дверь, я прошел в спальню и тихо разделся.

Катрин взирала на меня, не веря своим глазам.

– Можно узнать, что ты тут делаешь? – спросила она, когда я улегся рядом.

Только тут я понял, что произошло.

– Прости, – сказал я. – Я ошибся адресом.

Катрин что-то сказала мне, но я был в таком состоянии, что уснул раньше, чем она закончила фразу.

Когда я проснулся, рядом никого не было. В столовой Катрин посмотрела на меня как на впервые увиденное животное.

– Что ты мне сказала вчера? – спросил я ее.

– Я велела тебе одеться и убраться вон.

– А когда я уснул, что ты сделала?

– Сначала хотела вызвать полицию. Но ведь это твоя квартира. Тогда я решила придушить тебя подушкой. Но подумала, что идти в тюрьму из-за такого типа, как ты, не стоит. А чтобы вытащить тебя за ноги в коридор, я слишком устала. И тогда я уснула.

После паузы она спросила:

– Тебе не стыдно, Вадим?

– Стыдно. Я говорил правду.

Когда Джейн вернулась из Женевы, я поинтересовался:

– Лоран был твоим любовником?

– Да.

– Ты была влюблена?

– Я была одна. А он такой милый и надежный. Он очень помог мне.

– Зачем понадобилась поездка в Женеву?

– Чтобы уладить мои проблемы с Лораном. Мне хотелось также оказаться подальше от тебя, чтобы разобраться в себе.

Я начинал понимать Джейн. Она была чертовски практична.

– И что же ты решила?

– Я люблю тебя. Позднее я опять спросил ее:

– Ты спала с Лораном в Женеве?

– Да. Я же объяснила тебе, что хотела разобраться.

Слегка оправившись от такого признания, я, как ни странно, почувствовал облегчение. Впервые мне встретилась женщина,

которая не лгала.

В дальнейшем мое суждение о ней подверглось некоторой корректировке.

24

Меня привлекали в Джейн отнюдь не те достоинства, которые признают в ней сегодня, – политическая смелость, дар лидера, ее приверженность идеалам феминизма, невероятные достижения в кино и делах. Я восхищался не широко известным образом женщины-интеллектуалки, которая отказывается жертвовать своим домашним очагом ради идей и идеями ради домашнего очага, а уязвимостью, скрывавшейся под видимостью силы и самоуверенности, ее честным стремлением найти свое естество. И конечно, меня притягивали ее лицо, тело и тот факт, что физически мы очень подходили друг другу.

Как известно, наслаждение в любви в такой же мере зависит от головы, в какой и от чувствительности эрогенных точек. В этом смысле Джейн была идеальной женщиной, добавляя к своим природным данным наивность и невинность, шарм и жажду наслаждения.

Хотя было не так просто оценить образованность Джейн, но на меня производило большое впечатление ее интеллектуальное любопытство.

Мы оба были сильно влюблены, и тем не менее Джейн и не думала, что наши отношения затянутся надолго. Она не хотела привязаться ко мне, считая, что еще не пришло время связать свою жизнь с мужчиной.

При всем различии культуры, характеров и образа жизни нас очень тянуло друг к другу. Будучи старше нее всего на десять лет, я давно определил свое место в обществе. Не знаю, был ли я прав, но мне казалось, что я знаю себя.

А Джейн еще не выбралась из своего кокона. Несмотря на свои 25 лет, она еще стремилась разобраться в себе. Я был совершенно не похож на мужчин, которых она встречала до сих пор. Это ее пугало и

одновременно завораживало. Не завершив еще своего развития, она вступила в новый для нее мир, надеясь с моей помощью найти ответ на вопросы, на которые ей не могли помочь ответить ни семья, ни образование, ни ее страна.

Я открыл ей дверь в приключение, именуемое жизнью.

По окончании съемок «Кошек» продюсеры больше не оплачивали гостиницу. Из соображений экономии мы решили снять маленькую квартиру. Я нашел идеальное гнездышко в доме 12 по узенькой улочке Сегье, в нескольких метрах от набережной Сены. Трудно было мечтать о более романтическом месте. Огромный камин, лепнина на потолке, источенная временем лесенка, ведущая на антресоли, где все место занимала кровать (сбитая по вкусу хозяина, явно любившего спать в большой компании). Я проводил много времени с продюсерами, готовясь к началу съемок «Карусели». Джейн ходила по музеям, брала уроки французского у Моник Карон, жены приятеля-фотографа в «Пари Матч», и писала письма друзьям, брату, отцу и бывшей мачехе миссис Сьюзен, предпоследней жене Генри Фонда, которую очень любила. Она много читала, но у нее были огромные пробелы в литературной культуре, в частности, относительно всего, что касалось истории и политики. Я посоветовал ей прочитать книгу Андре Мальро «Надежда», «Мать» Горького и «Князя» Макиавелли. Последнего она так и не дочитала. Механика политики пока ее не интересовала.

Мы оба никогда не бывали в Голландии и решили провести один из уик-эндов в Амстердаме. Увидев шлюх в витринах улицы, знакомой морякам всего мира, Джейн пережила первую вспышку активного феминизма.

– Унижать до такой степени женщину постыдно! – воскликнула она. – Шлюха тоже человек, а не животное, которое показывают на ярмарках!

И вознамерилась уже разбить витрину булыжником. Но мои профессиональные обязанности не допускали тюремного заключения, и я кое-как убедил ее отказаться от своего замысла.

Пройдя несколько метров, я схватил брошенную рабочими лопату.

– Что ты делаешь? – спросила Джейн.

Я показал ей на молодого парня-шлюху в обтягивающих колготках, сидящего в кресле за витриной и строящего глазки потенциальному клиенту.

– Унижать до такой степени мужчину постыдно! – воскликнул я. – Сейчас разобью витрину!

Она рассмеялась. В те времена она смеялась чаще, чем теперь.

По приезду в Париж как-то ночью нас разбудил звонок Аннет. Умирающим голосом она сказала, что у нее страшная хандра, что все плохо, что ей все надоело.

– Я плохо тебя слышу, – сказал я. – Не можешь ли говорить погромче?

– Нет. Я приняла сильную дозу веронала.

Через полчаса мы с Джейн были на квартире, которую я снял Аннет десять месяцев назад. Я не стал тревожить мать и Натали, живших на той же площадке, полагая, что все это несерьезно.

Когда мы вошли в квартиру, Аннет, конечно, была слегка оглушена лекарством, но не в таком состоянии, чтобы вызывать врача. Джейн увела ее в ванную и заставила вызвать рвоту. Я же приготовил литр кофе.

Оказалось, что Аннет влюбилась в Омара Шарифа. С невероятной для ее жизненного опыта наивностью решив, что он станет добиваться ее руки. Но надежды эти потерпели крах. Омар был очаровательным человеком и, вероятно, оценил женские достоинства Аннет. Но длительной их связь не считал.

Джейн лучше, чем мне, удалось ее успокоить. Поговорив с ней, она убедила Аннет принять свои доводы о том, что женщина не должна зависеть от мужчины – ни материально, ни в любви.

Аннет поблагодарила Джейн, поплакала, поцеловала ее и сказала, что урок пойдет ей на пользу. Отныне она будет думать только о профессии и о дочери. И научится быть независимой, свободной и сильной женщиной. Больше она не позволит играть собой, не станет лишь источником удовольствий для мужчины.

Я никогда прежде не слышал от Аннет таких слов. И был в восторге от сотворенного Джейн чуда.

Спустя две недели Аннет влюбилась в сахарозаводчика из Касабланки и отправилась к нему в Марокко. Он станет ее вторым мужем.

Снимать Джейн было истинным удовольствием. Она была внимательна к моим указаниям, дисциплинирована, пунктуальна, всегда стремилась сделать все как можно лучше, словом, оказалась истинной профессионалкой. Что не всегда можно сказать об итальянских и французских актрисах.

Профессиональную подготовку Джейн можно было считать идеальной. Будучи ученицей Ли Страсберга (основателя знаменитой «Акторс студио») она связывала теорию с практикой благодаря опыту работы на сцене и в кино. Ведь ее режиссерами были Джошуа Логан, Джордж Кьюкор, Джордж Рой Хилл, Рене Клеман...

И тем не менее ей чего-то не хватало – пожалуй, истинной спонтанности, непосредственности. Она была лишь удивительно способной ученицей, никак не решавшейся отпустить уздечку и дать волю своим чувствам. Джейн слишком много анализировала. Однажды она познакомилась с актером, мечтавшим о режиссуре. Для многих Андреас Вутсинас был макиавеллиевской личностью, а для Джейн – наперсником. Вскоре после приезда Джейн в Париж Вутсинас вернулся в Соединенные Штаты.

Джейн говорила, что Андреас Вутсинас многому научил ее, несмотря на шумный провал пьесы «Смешная пара», которую он поставил для нее в Нью-Йорке, но вскоре убедилась, что, стараясь разложить чувства по полочкам, стремясь все тщательно взвесить, она только сковывала свою индивидуальность. Все мои усилия были направлены в одну сторону – придать ей уверенности в своих внешних данных и понять глубину своей натуры. То есть я старался освободить ее для спонтанных реакций, не посягая на ее уже немалый опыт. Это была трудная и деликатная задача, которая принесет плоды через несколько лет – тогда я никак не хотел ее торопить. Я был лишь гранильщиком: драгоценный камень существовал, ему не хватало блеска, который превращает его в бриллиант, а хорошую актрису – в «звезду». Позднее (с помощью других режиссеров) она пройдет тот

путь, который приведет ее к всеобщему признанию, увенчанному двумя «Оскарами».

Когда мы снимали «Карусель», она и представить не могла, что будет удостоена таких почестей, которых был лишен в то время даже ее отец. Сколько раз она повторяла, что никогда не станет «звездой»: «Хорошей актрисой может быть, но „звездой“ – никогда».

Я говорил ей, что она ошибается, что актеру, как и живописцу, нужно на какой-то стадии забыть то, чему его учили, чтобы реализовать себя и стать не просто хорошим исполнителем, а перейти в разряд гениев. Скажем, автогонщик добивается звания чемпиона, когда в такой степени освоит технику, что она станет его второй натурой. Тогда он сможет положиться на свои рефлексы и импровизационный дар.

Будущее покажет, что Джейн воспользовалась моими советами. Но так и не уверовала в свою бесспорную красоту. Что придавало, кстати, ей дополнительное очарование. В актрисах, которые считают себя неотразимыми и путают объектив камеры с зеркалом, нет ничего привлекательного. Поэтому «звезды»-манекенщицы редко делают карьеру в кино.

Джейн не пришлось раздеваться в «Карусели». Но по сценарию у нее была постельная сцена с Жан-Клодом Бриали, игравшим ее любовника. Испытывая любовный порыв, он в самый нужный момент оказывался импотентом и решил изобразить на лице трагедию.

– Незачем делать это, – сказал я ему.

– Тогда что мне изображать?

– Вадим тебе подскажет, – бросила Джейн и расхохоталась.

Вспомнив эпизод в «Релэ Биссон», я подхватил ее смех. Никто на съемочной площадке не понял тогда, почему мы так развеселились.

Мне всегда хотелось посетить родину своих предков. Но я под разными предлогами откладывал эту поездку.

Однажды Джейн сказала, что мечтает увидеть Россию, и по окончании съемок мы решили отправиться в Москву. Визы мы получили без труда. Благодаря Хрущеву СССР переживал период десталинизации. К тому же я был знаком с советским послом в Париже. С нами согласилась поехать в качестве переводчицы Моник

Карон, бегло говорившая по-русски. Это позволило нам избежать услуг переводчика «Интуриста».

Русские построили огромный турбовинтовой «Ильюшин», на котором можно было без посадок долететь из Москвы до Кубы. В аэропорту Бурже мы погрузились на этот странный самолет. Чтобы попасть в салон для пассажиров, пришлось миновать пилотский отсек, в котором сидела дюжина молчаливых и в одинаковой синей форме мужчин. Затем мы проследовали по коридору, напомиравшему вагон поезда с купе, снабженными раздвижными дверями, на манер «Восточного экспресса». Миновав бар и своего рода ресторан, мы попали в помещение, уже напомиравшее самолет. Пассажиры размещались здесь в столь же тесных, сколь и неудобных креслах. Потом следовал салон первого класса с роскошными пульмановскими креслами, индивидуальными столиками. Все тут было просторно и комфортабельно.

– Ты ведь не станешь утверждать, что эта штука сумеет оторваться от земли, – забеспокоилась Джейн.

– Тогда мы отправимся в Москву пешком, – сказал я.

Вопреки всякой логике огромная машина сумела взлететь, и несмотря на шум восьми турбин, полет прошел очень приятно. Стюардессы были раскованными и не навязывали пассажирам правила пользования креслами. А при посадке оставили на столике бутылку водки и рюмки. Я горячо поблагодарил их.

К удивлению Джейн, мы миновали таможду в Москве в десять раз быстрее, чем в Лос-Анджелесе или Нью-Йорке.

Брат монтажницы моих фильмов Тото Меркантон жил с семьей в Москве и имел машину. Он встретил нас в аэропорту.

Проезжая мимо большого жилого дома в предместье Москвы, Джейн увидела мальчика на трехколесном велосипеде.

– Смотри, – сказала она с нескрываемым удивлением.

– Что там?

– Малыш. На трехколесном велосипеде.

Она была убеждена, что у маленьких советских детей нет игрушек, и я тогда только понял, какая огромная пропасть разделяла США и Россию благодаря усилиям пропаганды с обеих сторон.

Я же обнаружил в России то, что ожидал: никакой роскоши, но и отсутствие нищеты, серьезные жилищные проблемы и гнетущую и отвратительную бюрократию, немногочисленных полицейских в форме (полиция тут якобы политическая и, стало быть, невидимая) и туристов, недовольных медленным обслуживанием в отеле и ресторанах, бедные полки магазинов и новый привилегированный класс из партийных руководителей, членов их семей и друзей, столь же мало обеспокоенных материальной стороной жизни среднего русского жителя, сколь король и версальский двор нищетой крестьян в свое время. Но я увидел также теплый народ, любящий посмеяться, выпить, повеселиться, критикующий в личных беседах правительство и бюрократов, но не рискующий высказать свое мнение открыто. В массе своей приспособившийся к такому образу жизни и убежденный, что несмотря на все недочеты, социализм лучше капитализма. Некоторые артисты, интеллигенты и студенты, менее восприимчивые к партийной пропаганде, чем основная масса населения, выглядели настоящей фрондой, мечтая побывать в Париже, Риме, Нью-Йорке.

Джейн же ожидала увидеть угнетенный, напуганный тайной полицией народ, стремящийся поскорее освободиться от коммунистического режима. Больше всего ее поражали простаивавшие часами за дефицитом добродушные «бабушки» и те веселые вечера, которые мы проводили в семьях, живущих в перенаселенных коммуналках. Те, с кем мы встречались, бегло говорили по-французски или английски и лучше Джейн знали историю США и их литературу.

Спешу подчеркнуть, что мы оказались в Советском Союзе в необыкновенное время. Хрущев допустил некоторую либерализацию, и это породило у русских известную эйфорию. Но Хрущев не засиделся на своем посту.

Мы пользовались особым статусом, ибо не нуждались в официальном переводчике, и это внушало нашим новым знакомым доверие. Существование туристов, всецело зависимых от переводчика «Интуриста», способно вызвать чувство жалости. На их месте я бы не продержался и двух дней.

Первую ночь мы провели в просторном номере отеля «Националь». Наши окна на четвертом этаже выходили на улицу Горького. В полночь нас разбудил странный гул, напоминавший приближение землетрясения. Мы подошли к окну. По улице вниз спускался чудовищный кортеж. За танками шли растянувшиеся на километр огромные зеленые сооружения размером в трехэтажный дом. Они напоминали покрытых брезентом и влекомых на какое-то апокалептическое кладбище мертвых гигантов. Рядом с ними танки казались спичечными коробками, а пушки – детскими игрушками.

Я был заворожен этим зрелищем. Невольно вспомнив нацистские танковые дивизии, вторгшиеся в тулонский порт, когда мне было двенадцать лет. Я оглянулся: Джейн не было рядом. Спрятавшаяся под одеялом и зажавшая коленями голову, она показалась мне хрупкой, маленькой и напуганной девочкой, неожиданно увидевшей безобразный лик войны. Как и другие американцы ее поколения, она знала о войне по кино, телевидению и прессе. Дрожа всем телом, она целый час не могла прийти в себя.

– Завтра 1 мая, – пояснил я ей, – праздник труда. По этому поводу русские проводят большие военные парады.

Обняв Джейн, я поцеловал ее, как целуют напуганного грозой ребенка. Никогда потом я не видел ее в таком состоянии.

На другой день с нашего четвертого этажа мы наблюдали за парадом. Напротив нас, по другую сторону Красной площади, на правительственной трибуне мавзолея стоял сам Хрущев.

Закамуфлированные гиганты, которые я видел из своего окна, оказались межконтинентальными баллистическими ракетами с атомными головками, показанные публике в первый раз. Без брезента эти чудовища производили не меньшее впечатление своими размерами. Смерть и искусство часто составляют странную супружескую пару.

После парада началась демонстрация. Мимо нас прошли миллионы русских, мусульман, азиатов, фольклорные ансамбли страны, растянувшейся от Китая до Европы, от арктических льдов до Индии. После картины мощи и технологии на службе смерти это был цветущий человеческий поток, вооруженный лишь разноцветными

шелками и драпировками. Пестрая толпа медленно шла мимо. Люди несли на руках детей. А на плакатах с лозунгами можно было прочесть: «Долой войну!.. Мир на земле!.. 27 миллионов русских погибли, чтобы жили дети всего мира!» и т. д.

Воля этого народа к миру была очевидна, но, как заметила Джейн: «А они считают, сколько миллионов было загублено Сталиным?»

Генри Фонда был в России самым популярным американским актером. (Я считаю Чарли Чаплина англичанином.) И наверняка всеми любимым. Его дочь принимали всюду очень тепло.

Я был знаком по Риму с актером и режиссером Бондарчуком. Он пригласил нас на студию, где уже два с половиной года снимал большую кинематографическую фреску по роману Льва Толстого «Война и мир». Фильм должен был идти восемь часов.

Восхищаясь великолепием декораций и костюмов, Джейн заметила:

– Похоже на Голливуд.

Бондарчук выглядел усталым и на грани нервного срыва.

– Я работаю над фильмом почти три года, больше нет сил, – признался он нам.

И предложил мне закончить картину. У него хватило сил улыбнуться и добавить:

– Ты не волнуйся, я сам провожу Джейн в Париж.

Чемпионы пуританизма в США наверняка позаимствовали уроки морали в социалистической стране. Если ты хотел переночевать с женщиной в гостинице в России, следовало предъявить паспорта с отметкой о браке (исключение делалось только для иностранцев). Для холостяков всех возрастов возникала проблема: где заниматься любовью? В автомашинах? Они были далеко не у всех. Дома? Этому мешал жилищный кризис.

Выходом становилась поездка в поезде (общественный транспорт очень дешевый в СССР). Путешествие в Ленинград и обратно превращалась в способ удовлетворения своих сексуальных

потребностей у людей, не состоявших в браке. Мы с Джейн понятия об этом не имели, когда заняли места в поезде, идущем в бывшую царскую столицу. Наше купе представляло маленький номер в третьеразрядной гостинице. Лакированное дерево, настольная лампа, бархатные занавески, крохотный туалет и душ.

Мы провели вечер в теплой интимной обстановке. Поздно ночью, не будучи в силах уснуть, я решил пройтись по поезду и дошел до купейного вагона. В каждом купе было четыре места, и на каждом лежало по двое занимавшихся любовью людей. В других общих вагонах пассажиры вели себя скромнее, но, как мне показалось, тоже не скучали.

Бывшая столица Петра Великого не утратила своего великолепия, несмотря на ужасы блокады (известно, что с 1941 по 1943 год погибла половина населения города). Жители Ленинграда оказались людьми более экспансивными, чем москвичи.

Хранитель Эрмитажа разрешил нам посетить в подвале коллекцию драгоценных изделий, недоступную для широкой публики.

Джейн была очень возбуждена перед этим посещением. Мы заказали в номер вместе с ужином несколько бутылок водки. То ли на нее подействовал балтийский ветер, то ли водка, но в восемь утра, когда позвонила из холла секретарь хранителя, она спала глубоким сном, и я не смог ее разбудить.

Вместе с Моник мы побывали в подвалах Эрмитажа. Чтобы проникнуть туда, пришлось преодолеть три ряда бронированных дверей, захлопывавшихся за нами, как двери в форте Кнокс. Но я скоро понял необходимость таких мер: мы оказались в пещере Али-Бабы и сорока разбойников. Чего мы только не увидели: дивные хеттские драгоценности, тонкость рисунка на которых можно разглядеть только с помощью лупы, изделия Фаберже – сигаретницу, животных, кинжалы, револьвер, отделанный перламутром и рубинами, принадлежавший Екатерине Великой, пояс целомудрия из золота, подаренный Иваном Грозным будущей любовнице, а пока девственнице со словами: «Женщина – это желание. Желание – это мечта». Нам показали меч Александра Невского, перстень Петра

Великого.

По поводу перстня наш гид сказала, что его сняли с пальца пленного турецкого паши. «Я отдам за него сто ваших солдат», – сказал Петр. Турок отрезал палец и вместе с перстнем протянул победителю.

– Почему он отрезал палец? – спросила Моник.

– Не знаю, – ответила гид.

– В те времена не было мыла, – пояснил я Моник.

Один экспонат в этой коллекции произвел на меня такое впечатление, что я было задумал совершить ограбление века. Это был подарок султана Петру Великому: полная экипировка лошади из парчи и изумрудов – уздечка, вожжи, седло, стремяна, попона, утыканная сотнями драгоценных камней.

Вернувшись в отель, я подробно рассказал Джейн об увиденном. Она и сегодня не может себе простить, что проспала.

Разумеется, эта поездка не имеет отношения к перемене взглядов Джейн Фонда, к ее политической карьере. Но она оказала психологическое воздействие. Именно в Москве и Ленинграде она впервые усомнилась в якобы непредвзятом характере той пропаганды, которой была напичкана у себя на родине.

Сомнения всегда порождают раздумия.

Аннет укатила в Марокко, и я забрал к себе Натали. Квартирка на улице Сегье стала нам маловата, пришлось искать большего размера. На помощь пришел мой друг и меценат майор Поль-Луи Вейе.

Одно из принадлежащих ему зданий, особняк голландских послов XVI века в районе Марэ, он превратил в приют для нуждающихся артистов. Словосочетание «нуждающиеся артисты» он понимал по-своему. Мы с Джейн как раз подходили под него. Как и балетмейстер Ролан Пети и его жена Зизи Жанмэр: они занимали этаж под нами. Подчас проездом здесь останавливались Чарли Чаплин, Керк Дуглас или Висконти. Все эти «нуждающиеся артисты» отдавали предпочтение жемчужине Марэ, отказываясь останавливаться в отелях «Плаза Атене» или «Ритц». Покровитель

искусств, Поль-Луи умел ценить красоту и поселял на мансарде обольстительных танцовщиц и манекенщиц.

Наша квартира состояла из комнаты в готическом стиле, именуемой «географическим залом», потому что стены и потолок, разрисованные в 1560 году великими художниками, изображали все части света такими, какими их тогда себе представляли. Даже на образованную американку это произвело большое впечатление.

Изучавшая географию в школе, Натали возмущалась произвольной формой нарисованных морей и континентов. Однажды Джейн застала ее за исправлением с помощью кисточки линии побережья Африки. К счастью, она пользовалась водно-эмульсионной краской, что позволило восстановить шедевр XVI века.

Джейн прекрасно ладила с моей дочерью. Ей ведь тоже привелось жить с двумя мачехами – Сьюзен и Афдерой. Она не забывала, что Сьюзен окружила ее любовью и нежностью, в которых так нуждалась. Хотя моя дочь и не страдала от отсутствия любви со стороны своего отца, Джейн поняла, что девочка должна почувствовать надежность своего существования. Не навязывая свою волю, она воспитывала в ней чуткость и потребность в дисциплине.

И сегодня взрослая Натали испытывает к Джейн искреннюю дружбу, считая ее своей второй матерью и поверяя ей свои тайны.

«Шербурские зонтики» имели триумфальный успех в Канне и два месяца спустя получили приз Деллюка. Следом Катрин снялась в двух картинах «Жизнь в замке» и «Компаньон». В тот год ее имя вместе с фото чаще появлялось в журналах, чем Брижит Бардо, которая уединилась на своей вилле в Сен-Тропе и категорически отвергала все присылаемые ей сценарии.

Катрин не высказывала никакой горечи по поводу нашего разрыва. В «Жур де Франс» (4 июля 1964 г.) она говорила: «Между нами нет морального разрыва. Вадим отец моего ребенка. Я обязана ему самыми счастливыми днями в жизни. Расставшись физически, мы не чувствуем себя в разлуке... Что бы ни случилось, мы с Вадимом никогда не забудем друг друга».

Вопрос. «Хотели бы вы снова сниматься у Вадима?»

Катрин. «Я горячо желаю этого. Никто больше Вадима так не радуется опыту, полученному мной на „Шербурских зонтиках“. Он никогда не ревнует к успеху тех, кого любит. Радуюсь тому, что я снимаюсь у Жака Деми, он успокаивал и поддерживал меня в минуты сомнений. Мне казалось, что я не готова к такой важной роли. Но тот факт, что другой преуспел там, где сам он потерпел неудачу, не вызывал у него горечи... Вадим слишком многому меня научил, чтобы я стала отрицать его влияние. Мое настоящее и будущее теснейшим образом связано с прошлым. А мое прошлое – от шестнадцати лет и до двадцати одного года – это Вадим».

В то лето журналисты тщетно разыскивали нас с Джейн в Сен-Тропе. Вместе с Кристианом и Натали мы проводили каникулы в Клаузе (75 жителей), в бассейне Аркашона, где поселились в скромной гостинице. Нашими соседями были отставной бригадир жандармерии и его слепой пес, бывшая оперная дива, консьержка префектуры Бордо и сборщик налогов, весьма смахивавший на господина Юло, героя фильма Жака Тати.

Наши окна выходили на устричный садок. Сосновый лес за гостиницей простирался до огромных песчаных дюн, покрытых тростником и гвоздиками. С высоты дюн открывался вид на один из самых прекрасных пляжей Европы, практически пустынный даже в разгар сезона. При отливе Атлантический океан отступал на несколько километров, чтобы потом наброситься на дюны со скоростью галопирующей лошади.

Бывшей ученице колледжа для избранных, привыкшей к роскоши Бэл-Эра было не просто приспособиться к примитивному комфорту нашей гостиницы – никакой obsługi, общий душ на лестничной площадке, телефон в конторе хозяина. Не совсем тот образ жизни, который она ожидала увидеть у человека, считавшегося столпом гедонизма. Это было сюрпризом для балованного дитяти американского капитализма. Но Джейн обладала поразительным умением приспособливаться к новым ситуациям. Опасаясь микробов (все, что нестерильно, было для нее грязным и опасным), она тем не менее с радостью вкушала прелесть таких деревенских каникул. Этот

опыт несомненно помог ей через шесть лет во время поездки во Вьетнам.

В силу характера своего воспитания, выпавшего на годы войны, привыкнув переходить из дворцов в скромные таверны, не связывая радости жизни с роскошью и комфортом, я не догадывался, каким шоком для Джейн были эти несколько недель в Клаузе. Она рассказала об этом много лет спустя.

Мне же очень нравилось завтракать на террасе, превращавшейся в плот во время прилива. Нравились разговоры с другими постояльцами, достойными места в фильме Тати, прогулки по дюнам и по огромному пляжу, блестящему как зеркало после отлива, нравилось лакомиться только что выловленными устрицами, собирать ракушки в мокром песке и ощущать полный покой. Никаких разговоров о кино, никаких журналистов и фотографов вокруг. Дети были в восторге. Джейн очаровательна, особенно распеваящая во все горло во время прогулок на машине «Жаннетон берет свой серп и идет срезать камыш» или песни из американского фольклора, которые мы с Натали подхватывали со своим ужасным акцентом. Я вижу ее запрокинутую назад голову между двумя детскими головками, босоногую, упершуюся в ветровое стекло и отбивающую такт пальцами ног. Натали говорила ей по-английски:

- Мне нравятся пальцы ваших ног.
- Что ты в них нашла особенного?
- Они похожи на мужские ноги в музеях.
- Музее... – произнес неожиданно Кристиан.
- Да он же заговорил! – вскричала Джейн.
- Нет. У него икота, – уточнила Натали.

Все это и было олицетворением счастья.

Но Джейн его было недостаточно. Ей чего-то не хватало. Она призналась через год после рождения нашей дочери Ванессы: «Достигнув тридцати двух лет, я поняла, что потеряла тридцать два года жизни». (Если бы она могла заговорить при рождении, то сказала бы акушеру: «Я потеряла девять месяцев жизни».)

Я не отдавал себе отчета, что Джейн уже тогда проявляла некоторые симптомы прогрессирующего американского пуританства.

Глубокую потребность оправдывать свое существование, оказывая влияние или оправдывая во имя их блага свое вмешательство в судьбы людей. «Жизнь без цели – потерянная жизнь» – таким мог бы быть ее девиз. Очень благородная философская позиция, которую я понимаю и которой восхищаюсь. Но сам не могу ограничить жизнь стремлением к одной «цели». Я придаю слову «жизнь» более широкий смысл, не исключаящий ни удовольствий, ни потраченного впустую времени («пропащего», как сказала бы Джейн), ни всех тех радостей, которые дает мыслящим людям Творец вселенной под названием Земля.

Лишь в одном Джейн отходила от традиционных установок протестантов XVI и XVII веков: она не связывала секс с понятием греха. В этом смысле она была – и осталась – женщиной, свободной от всяких комплексов вины.

Мы возвращались с пляжа, Джейн несла на плечах Кристиана, Натали – листы со своими рисунками. Фальшивя, я напевал американскую песенку «В серебристом свете луны».

Дома меня ждало письмо Катрин.

«Среда 22 июля.

Ты ничего не можешь сделать для меня. И тем не менее сегодня вечером ты единственный, с кем я могу поговорить, как сама с собой».

Это было длинное письмо. Мольба о помощи и прощание. Письмо, в котором смешивались горечь и нежность, меланхолия со страстными признаниями и упреками. Катрин, которая так редко сбрасывала маску, предстала человеческой и уязвимой женщиной. Как многие познавшие славу, она поняла, что показывать свои слабости есть привилегия сильных и благородных натур. В тот день я снова почувствовал уважение к ней. Не как к актрисе или подруге, но как к женщине, способной писать сердцем. Я ощутил ее беспомощность, благородство, слезы, улыбку.

Катрин наверняка бы пришла в ужас, если бы я ей показал сегодня это письмо. Как жаль, что душа, едва столкнувшись со славой, вечно прячется за броню страха. Душа не создана, чтобы прятаться. По сути своей душа щедро делится собой и излучает свет.

Душе не может быть стыдно.

Я много раз перечитывал это замечательное письмо. И вспомнил нашу последнюю встречу в Тоскане, где она снималась. Я приехал за Кристианом, чтобы отвезти его в Аржантей, в долине Монблана, где снял шале. Катрин вернулась домой поздно. Казалось, преграды, рожденные воспоминаниями, раздорами, любовью были убраны. В ту ночь я еще подумал, что все можно уладить, что приключение с Джейн – всего лишь сон, что Кристиан вырастет в семье, окруженный любящими родителями.

Наутро вместе с ребенком мы отправились в путь. И дьявольская машина заработала снова. Мы опять начали спорить. Опять началась война слов, открылись старые раны.

Доехав до Аржантея, Катрин не пожелала выйти из машины. Вынув свой чемодан и взяв Кристиана на руки, я направился к дому. Джейн вышла навстречу и поцеловала меня. Обернувшись, я не успел заметить выражение лица Катрин. Развернувшись, она на полной скорости унеслась по петлявшей горной дороге.

Когда мы вернулись в Париж, Джейн сказала, что ей предлагают фильм в Голливуде.

– Ты прочитала сценарий?

– Да. Это вестерн. Я откажусь. Я попросил дать мне прочитать сценарий, который назывался «Кэт Баллу» («Кошка Баллу»).

– Это не классический вестерн, – сказал я ей на следующее утро. – Это хорошая комедия.

Я знал, что она мечтает вернуться в Америку и доказать отцу и Голливуду, что ее решение уехать во Францию было разумным шагом. С ролями студенток и чувствительных девчонок пора было кончать. Ей хотелось вернуться с репутацией европейской «звезды». Поможет ли ей в этом вестерн?

– Мне нравится эта кошка Баллу, – настаивал я. – Это нежная, современная, забавная женщина. Именно то, что тебе нужно на нынешнем этапе твоей карьеры.

Она еще подумала, но в конце концов ответила студии «Каламбия» согласием.

Едва сойдя с самолета в Лос-Анджелесе, она позвонила мне по

телефону.

– Догадайся... – произнесла она.

– Я тоже, – ответил я ей.

25

Лес в тот октябрь горел желтыми, красными, оранжевыми красками: настоящее пиршество цветов!

Взяв напрокат в Денвере машину, я поехал в Колорадо-Спрингс, где Джейн снималась в «Кэт Баллу».

Напившись, ее партнер Ли Марвин неизменно бубнил, что терпеть не может французов.

– Но тебя я люблю, – уточнял он мне, – потому что ты наполовину русский, хотя я и русских терпеть не могу.

По существу, Ли Марвин терпеть не мог все неамериканское. Тем не менее мы провели несколько славных вечеров с этим неисправимым ксенофобом.

Вернувшись на родину, Джейн могла изменить свое мнение обо мне. Но этого не произошло. Она была нежной и внимательной, считая, что я буду себя чувствовать неловко в условиях съемки. Но она ошибалась: все съемочные группы, будь то в Европе, России или в других странах, похожи одна на другую. К тому же американцы, когда вы им симпатичны, открытые и дружественные люди.

И все равно мне неуютно на съемке, когда я сам ничем не занят.

Я пробыл в Колорадо-Спрингс в роли капитана, приглашенного на чужой корабль, неделю.

Дважды на пути в Денвер меня останавливали за превышение скорости. Французы считают, что законы пишутся для того, чтобы их обходить, и с трудом привыкают к американской дисциплинированности.

Я взял билет до Нью-Йорка, где должен был встретиться с Раулем Леви, чтобы поговорить о новом фильме. Он жил тогда безумной идеей купить «МГМ» (на какие деньги?) и убедил себя, что Керкорян (хозяин сети отелей в Лас-Вегасе и президент-гендиректор «МГМ») оплатил убийство Черри Незерлэнда. Он заставлял меня

входить в отель и выходить из него через кухню, и это вскоре стало невыносимо. Я уговорил его, что все же лучше проходить через холл. К несчастью, в ту ночь тремя выстрелами в голову перед отелем убили человека.

– Ты видишь! – воскликнул Рауль. – Мы избежали его участи.

И принудил снова ходить через кухню.

Когда Джейн приехала ко мне в Нью-Йорк, мы поселились у ее отца на 73-й улице, близ Лексингтона.

До этого я дважды встречался с Генри на приемах, мы мило поболтали. Это был очень сдержанный, вежливый, с абсолютной невосприимчивостью к любому намеку на его личную жизнь человек. Спросить его, скажем, когда он встает или снятся ли ему кошмары, означало доставить такую же неприятность, как если спросить женщину прилюдно, кричит ли она во время оргазма.

Мои отношения с ним были поверхностными, но не лишенными приятности. Можно сказать, что мы понимали друг друга. Быть может, я не был для него идеальным зятем, но в сравнении с прежним женихом дочери внушал доверие. Он так и не сумел понять, почему Джейн привязалась к Андреасу Вутсинасу. В воспоминаниях последнего говорится, что я с первого дня пользовался полным доверием Генри. Я же был в его глазах человеком, который вытеснил из жизни Джейн развращенного Андреаса. Что было не совсем верно, но я не стремился лишать Генри его иллюзий, согласившись на незаслуженную медаль спасителя дочери.

О сложных отношениях Генри Фонды с детьми говорилось много. Мне представляется, что в их основе лежали скорее «семантические» проблемы. Джейн страдала от внешней холодности отца, которую расценивала как отсутствие с его стороны любви. Однажды она рассказала, что в шестнадцать лет целый месяц позировала для модного журнала, чтобы купить ему подарок ко дню рождения. Он сказал спасибо, не раскрыв пакет, не посмотрел, что внутри. «Я весь вечер проплакала как идиотка в своей комнате», – сказала она.

Реакция брата Питера на холодность отца была более опасной. Одиннадцати лет, неумело обращаясь с ружьем, он выстрелил себе в

живот. Говорили о попытке самоубийства. «Все было не так, – рассказывала Джейн. – Хотя это был, вероятно, не совсем несчастный случай. Скорее, романтический способ привлечь к себе внимание. Не знаю... Питер ужасно закомплексован. Ему нужна любовь».

Одно было ясно: отец и дети с трудом общались друг с другом. Питер и Джейн превратили это недоразумение в драму. А драма у актеров – это все равно что война для солдата: повседневная реальность. Со своей стороны, я обезвредил мину, которая и так никогда бы не взорвалась. В течение многих лет я делал все, чтобы «дедраматизировать» отношения Джейн с ее отцом.

Генри Фонда расстался с последней женой Афдерой, итальянской аристократкой, снобистски настроенной жгучей брюнеткой, женщиной чрезмерной в своих выражениях... Эта весьма колоритная личность была полной противоположностью своему мужу. Он еще тогда не был знаком с Ширли Адамс, последней миссис Фонда.

Сидя в гостиной, я машинально теребил бархат обшивки кресла, порванной с одной стороны. И тут обнаружил четыре слоя разных тканей. Я потом спросил Джейн, что бы это значило?

– Каждая новая жена папы, – ответила она, – вместо того чтобы сменить обстановку в доме, заказывала новую обивку для кресел и диванов, выбирая свой любимый цвет.

Подобный геологическо-матримониальный аспект жизни привел меня в восхищение: браки Генри Фонды можно было пересчитать, его биографию – исследовать подобно тому как изучают историю по земным срезам, вскрывая напластования земли.

Моя мама очень любила Джейн.

Они судачили о роли женщины в современном обществе и сетовали по поводу того, что я не очень строго подхожу к выбору сюжетов своих фильмов.

– Это уникальная, необыкновенная женщина, – говорила она о Джейн. – Она прославится больше, чем ты, Брижит или Катрин. Ее будут привлекать великие дела и мужчины, способные помочь ей

обрести общественный имидж. Она скоро почувствует, что ей мало быть только актрисой, она захочет большего.

Я понимал, что Джейн ищет себя. Но надеялся, что счастливая любовь, профессиональный успех и, быть может, ребенок дадут ей положительный ответ в этом поиске. Моя мать смотрела дальше.

Недостаточный дар предвидения имел у меня свои причины. Джейн оказалась идеальной хозяйкой дома, она с таким увлечением занималась этим, что мне и в голову не приходило, будто она играет новую роль. В ее властном характере – во всем стремиться к совершенству, даже выходя за разумные пределы. Вопреки тому, что она скажет десять лет спустя, я никогда не пытался сделать ее домашней рабой. Я никогда не поступал так ни с одной из своих жен. Я был искренно убежден, что Джейн нравятся ее домашние обязанности. Так, наверное, все и было. Позднее, по политическим причинам, она говорила об этом периоде в своей жизни как о тяжком испытании. Полагаю, что она сама себя в этом убедила.

Когда Джейн вбила себе в голову купить во Франции дом и влюбилась в ферму XVIII века около Удана, я понял, что она действительно решила жить со мной.

Мы никогда не говорили о браке иначе, как о пустой формальности, в которой ничуть не нуждаемся, чтобы быть счастливыми.

26

Лос-Анджелес расположен по горизонтали. Это урбанистический парадокс. Если можно как-то определить парижанина, ньюйоркца или лондонца, сделать это в отношении жителя Лос-Анджелеса не так просто. И вообще, как их именовать, кстати сказать? Сей мегаполис состоит из нескольких городков, образ жизни в которых очень разный.

Поговорим о самых богатых. Не все владельцы Беверли-Хиллза, Бел-Эра или Голдуотера, Бенедикт и Лоурел-Кэньонс занимаются кинематографом. Но ведут идентичный образ жизни. Встречаются они лишь на приемах («парти») и в ресторанах. Чтобы купить пачку

сигарет или четверть литра молока, они садятся в свои «мерседесы», «роллсы» и «ягуары». В обязательную программу развлечений входит посещение «фандрэзинг динерс».⁶

«Разве ваше правительство не заботится о стариках, бедняках, калеках, не занимается медицинскими исследованиями, наркоманами и сиротами?» – спрашивал я у Джейн.

Как истинная американка, она охотно признавала свои недостатки и недостатки соотечественников, но плохо сносила сарказм со стороны иностранца. А мне доставляло удовольствие ее подразнить. Приходя в ужас от количества призов, которые присуждаются ежегодно, я говорил: «Вы превратили Голливуд в Олимпийский стадион. Там каждый бежит за своей медалью».

По чисто профессиональным причинам мы с Джейн решили на несколько месяцев поселиться в Лос-Анджелесе в отеле «Бел Эйр». Понимая, что беззаботное существование мне скоро наскучит, она предложила снять дом на пляже.

Малибу – точнее пляж, под названием «Колони», не был таким модным местом, как сегодня. Там можно было тогда встретить писателей, артистов, певцов, киношников. Многие из них тогда еще не были знамениты – те же Джек Николсон, Ларри Хегман, Джон Филипс, снявшийся в «Папах и мамах», Майя Ферроу, Жаклин Биссет, Боб Таун, которые были соседями и стали друзьями.

Мне нравилось жить в этой раскованной обстановке. Я неделями не вылезал из джинсов и домашних туфель. Друзья приходили к нам, не договариваясь за месяц о встрече. Я ходил пешком на рынок, ловил на пляже окуней, иногда попадались рыбы похожие на камбалу, из которых я варил уху с чесночным соусом по-провански и подавал ее днем или вечером. Натали и маленький Кристиан, приехавшие на лето, обожали такую жизнь.

Вплоть до 1970 года мы проводили в Малибу по много месяцев. В 1965 году мы сняли дом Уильяма Уайлера. В связи с этим Джейн решила устроить грандиозный прием.

По вечерам Голливуд жил очень разобщенно в социальном

⁶ Благотворительные обеды, где очень дорого платят за место. – *Прим. авт.*

смысле. Президенты кинокомпаний и «звезды» встречались друг у друга. Те же, кто не принадлежал к «верхушке», развлекались сами. Мы решили, что наш прием будет более демократичным.

Молодая мать-хиппи кормила грудью ребенка, сидя между Дариллом Зануком, Полом Ньюменом и Джеком Леммоном. Энди Уорхол и актеры его полупорнографического фильма пили в компании Лоран Бэкал, Джозефа Кьюкора, Марлона Брандо и Сэма Спигела. Дани Кэй учил художника-«поп» (то было время расцвета «поп-арта») готовить спагетти «алла карбонара». Окруженный молоденькими актрисами, Уоррен Битти утверждал, что стал мистиком и отвергает любовь (шутил, конечно).

Очень шумную группу составляли Джек Николсон, Питер Фонда, Денис Хоппер, Бобби Уокер и Санди Саутери, которые через несколько лет наделают еще больше шума своим фильмом «Одинокий ездок». Синди Пуатье, Джейн Келли и Натали Вуд учили мою дочь и ее приятелей, подобранных на берегу океана, танцевать чечетку.

К вечеру участником праздника стал весь пляж.

Мы разместили на песке танцплощадку и большую палатку. «Птицы» (известная рок-группа) играли и пели до зари. В заключение состоялся большой фейерверк.

Джейн оказалась больше чем идеальной хозяйкой бала. В эту ночь она заставила Голливуд позеленеть от зависти.

Когда рассвело, как это бывает в фильмах Антониони и Феллини, рабочие стали разбирать палатку и танцплощадку, в то время как несколько миллиардеров и «звезд» спали сном праведников на террасных матрасах и на гостиных диванах.

Солнце уже стояло высоко. Я сидел у кромки воды, обняв за плечи Джейн, и мы смотрели на маленького дельфина, резвившегося в волнах океана.

Я поцеловал ее. Поцелуй обладал дивным запахом успеха, безумия, с привкусом калифорнийского солнца и капризного тихоокеанского бриза. Это был запах Джейн и разделенного счастья.

Будущее представлялось нам полным радостей.

Джейн вставала в шесть утра и отправлялась на студию. Когда она возвращалась к семи вечера, я находился на кухне, наблюдая за Роберто, нашим кубинским шофером, камердинером и поваром, или сидел с друзьями в баре гостиной за вечерней порцией виски. После ужина она забиралась куда-нибудь в укромное место и репетировала роль.

Подчас Джейн обращалась ко мне за советом. В таких случаях следовало быть крайне осторожным. Каждый режиссер работает по-своему, и нет ничего хуже, когда актер или актриса являются со своими предложениями.

Когда Джейн не ездила на студию, она составляла списки... По этой части она была чемпионом. В списки входили покупки, оплата счетов, имена тех, с кем надо встретиться и кому надо написать письма, и т. д. Но она умела в те времена и расслабиться. Несколько часов послеобеденного отдыха не были смертельным грехом. Ей нравилась музыка рок, Боб Диллан и Джоан Бэйз. Она делала коллажи и заблаговременно готовила шарики из папье-маше для новогодней елки.

Ларри Хегман («Даллас») каждую неделю устраивал на пляже шествия. Это был своеобразный карнавал, приносивший всем разрядку. Обряженные в «горилл», солдат Южной армии, тexasских туристов или римских шлюх, люди следовали за Ларри, размахивающим американским флагом.

Затем мы все оказывались в джакузи его полного детей гостеприимного дома. (Игравший в «Далласе» злодея Джи, он в жизни был отменным другом и одним из милейших людей, которых я когда-либо знал в Америке.)

Нас с Джейн редко видели в ресторанах и на «парти» в «Беверли-Хиллз». Днем и ночью – ведь я люблю писать ночью – я работал над своим сценарием.

Подчас к нам навещался Генри Фонда. В связи с этим я познакомился с Ширли Адамс.

Это была очаровательная – такой она и осталась – женщина, всегда пребывавшая в хорошем настроении, искренне преданная Генри, которого явно любила. С большим тактом и умением Ширли

организовала жизнь великого артиста так, что тот не осознавал, что подчиняется ее власти. Желая ему счастья, она не стала его рабой и не давила на него. В ее лице, обласканный, слегка подталкиваемый твердой рукой, Генри нашел идеальную жену.

Как и большинство американок, Ширли переводила в деньги все, что попадалось на глаза. Я часто подтрунивал над ней. Когда она подносила ко рту кусок «нью-йоркского бифштекса», я говорил:

– 55 центов или двадцать семь за полфунта на фермерском рынке.

Ширли оказала благотворное влияние на отношения Джейн с отцом. Однажды она мне сказала:

– Джейн считает, что я живу с ее отцом лишь потому, что он знаменит и богат. Смее заверить, мне делали предложение куда более молодые и богатые мужчины. Я люблю этого человека, Вадим. Действительно люблю.

Когда Джейн в этом убедилась, она постепенно сдалась, и они подружились. Помню один разговор Джейн с отцом.

– Она слишком молода для тебя. Она тебя скоро бросит.

– Бросить Фонду невозможно, – сказал Генри.

Посмотрев на него, Джейн улыбнулась. Эту фразу она впоследствии повторяла много раз.

«Карусель» был добротной разыгранной, слегка надуманной комедией. Адресованная не одним киноинтеллектуалам, она одновременно была лишена той простоты, которая могла сделать ее доступной массовому зрителю. То есть носила излишний отпечаток парижского продукта потребления. Разумеется, в ней только и говорилось о любви и сексе, но это не был эротический фильм. Джейн лишь слегка оголяла в нем свои плечи.

Все это не помешало американским прокатчикам (компания Джо Левина) выпустить огромный постер с совершенно обнаженной Джейн и повесить его в нью-йоркском Тайм-сквере. Джейн приняла это очень плохо. Меня же больше возмущало качество рекламы. Джейн подала в суд. В результате шесть квадратных метров ее бедер были закрыты черным прямоугольником, добавив к дурновкусию еще

и оттенков порнографии.

На меня снова посыпались обвинения, что все мои картины вызывают скандал. Но вопреки тому, что думают прокатчики, публику не обманешь. Трудно представить себе что-то худшее, чем продукт под фальшивой этикеткой.

Несмотря на успех «Кэт Баллу», Джейн попрежнему не пользовалась статусом «звезды» в Америке. «Звездой» фильма стала лошадь Ли Марвина, которая засыпала, едва он начинал пить. А так как травоядных тогда еще не награждали призами, то «Оскара» за роль второго плана получил Ли.

Сэм Спигел предложил Джейн главную роль в серьезном фильме «Побег», в котором должны были сниматься Марлон Брандо, Роберт Рэдфорд, Э. Дж. Маршалл, Энджи Дикенсон. Лилиан Хэллман принимала участие в написании сценария, а режиссером был выбран Артур Пенн.

Джейн не без оснований беспокоилась по поводу судьбы картины. Она видела, как скучал на съемках Марлон Брандо, и однажды вечером гениально спародировала его в роли шерифа-тугодума, которому требуются две минуты, чтобы произнести «да». Она показывала Марлона в своем кабинете шерифа. Вот он вздыхает, трет нос, устремив взгляд в объектив камеры, и никак не может найти ответ на заданный вопрос, не уронив чувства своего достоинства. Он откидывается в кресле, бесшумно рыгает, поворачивает голову и смотрит на проходящую по комнате кошку, а потом, любуясь лучом солнечного света, пытается припомнить расстояние от земли до солнца, тербит мочку уха и, продолжая размышлять над заданным вопросом, закрывает и открывает глаза, опять откидывает голову, словно собираясь рассмеяться, но удерживается, хватая со стола пятицентовую монету и так пристально ее рассматривает, словно там написан ответ на вопрос «Кто сотворил Бога?». Наконец поворачивается к собеседнику и произносит «да».

Разыгранная сценка в каком-то смысле была не хуже той, которую однажды разыграл Марлон Брандо на Елисейских полях в

качестве единственного актера в пьесе «Трамвай „Желание“».

В 1965 году большинство американцев еще не отдавало себе отчета, в какой капкан загнало правительство страну во Вьетнаме. И из него с каждым днем становилось все труднее выбраться. Когда я говорил Джейн, что Франция в Индокитае оказалась точно в такой же ситуации, она мне не верила.

– Ваша война была колониальная, – отвечала она.

– Никакой разницы.

– В отличие от французов мы не защищаем там материальные интересы. Мы там лишь для того, чтобы сказать коммунистам: стоп, хватит!

– Ты права: хороший коммунист – это мертвый коммунист. Надеюсь, во Вьетнаме останется больше вьетнамцев, чем краснокожих в Америке.

Это был укол с моей стороны, но она отнеслась к моим словам очень серьезно.

– Мне ненавистно, как мы поступили с индейцами, – говорила она. – Но этот геноцид не имеет ничего общего с вьетнамским.

Я и не догадывался, насколько это ее волновало.

Приехала пожить у нас на несколько недель в Малибу мама. Она привезла французские газеты и журналы. Из них я узнал, что Брижит вместе с Жанной Моро снимаются в Мексике в фильме Луи Малля «Вива Мария», а также что у Катрин роман с английским фотографом «звезд» и манекенщиц Дэвидом Бэйли, порвавшим ради нее с очаровательной Джейн Кримптон.

Ничто, стало быть, не подталкивало нас с Джейн к решению пожениться.

Биографы Джейн Фонды писали: «Вадим настоял на том, чтобы она вышла за него замуж, в конце концов она сказала „да“». Я же не только не настаивал, но даже не намекал, что хочу узаконить наши отношения. Да и вообще утверждать, что Джейн способна принять такое решение из слабости, усталости или по доброте душевной, означало совсем не знать ее. Она бы никогда никому не позволила за нее решать такие важные вопросы.

Другие спекулировали тем, что я якобы нуждался в рекламе. В таком случае, зачем нам понадобился этот тайный брак, о котором запоздало узнавшая печать почти ничего не сообщила? (На церемонии присутствовала в качестве частного лица журналистка Ориана Феллачи, но ничего не написала потом.) Если бы мы только хотели, нам с Джейн ничего не стоило раззвонить об этом по всему свету. А мы поступили как раз наоборот. Обо всем знали только самые близкие люди, да и то мы им сообщили за три дня до церемонии. Мы арендовали частный самолет в Лас-Вегасе, где Джейн послала меня одного в муниципалитет купить лицензию и подписать разные бумаги. Поэтому никому не пришла в голову истинная причина нашего приезда в этот город.

Брачная церемония состоялась в нашем номере отеля «Дюна» в присутствии восьми свидетелей. Большинство наших друзей и члены моей семьи во Франции узнали о свадьбе только на другой день.

В поездке в Лас-Вегас приняли участие упомянутая выше Ориана Феллачи, моя мать, Кристиан Маркан и его жена Тина (дочь актера Жан-Пьера Омона), Питер Фонда и его жена Сьюзен, Деннис Хоппер и его жена Брук Хауард, лучшая подруга Джейн.

Судья, перед которым мы предстали, был такого огромного роста, что едва протиснулся в дверь. Он очень огорчился, узнав, что мы забыли о кольцах. «Пропала лучшая часть моей речи», – пожаловался он. Чтобы не огорчать этого прекрасного человека, Кристиан и Тина одолжили нам свои кольца. К сожалению, кольцо Тины оказалось слишком широким для Джейн, так что ей пришлось держать палец вверх. (А это весьма походило на неприличный жест и мы едва сохраняли серьезность.) Несмотря на этот комический инцидент, Джейн разволновалась, расплакалась. Что явилось для всех большим сюрпризом. Судя по ее слезам, она, оказывается, придавала символическому смыслу венчания куда большее значение, чем сама хотела признать.

Мы провели вечер, смешавшись с туристами нашего отеля. Мы были счастливы. Не смея произнести слово «навечно», мы искренно надеялись, что жизнь позволит нам состариться вместе.

Я выиграл две тысячи долларов в баккара, и на другой день тем

же маленьким самолетом мы вернулись в Барбенк. Жизнь мистера и миссис Племянников потекла без видимых изменений своим чередом.

Но вопрос, почему мы все-таки поженились, не был снят с повестки дня.

Возможно, уже тогда, мечтая стать матерью, Джейн полагала, что для ребенка лучше, когда у него женатые родители. Она решительно отказывалась видеть в Вадиме сердцеда, добавившего к своему списку жертв наивную американку. Выйдя за меня, она как бы придавала моральный смысл нашему союзу. Мы словно говорили всем, что любим друг друга, как все люди на свете, что хотим быть счастливыми, как все на свете, что хотим создать семейный очаг.

В характере Джейн все доводить до конца. Наш брак служил подтверждением ее желания на тот момент стать идеальной женой и матерью. Замечу, что Джейн куда более чувствительна к общественному мнению, чем заявляла в печати, где ее высказывания часто носили провокационный характер.

Мне же мысль жениться на Джейн доставила искреннее удовольствие. Не придавая излишнего значения этому факту, я все же чувствовал себя в США более удобно в качестве мужа, чем любовника, составляющего часть багажа известной актрисы.

Для большинства людей брак – это самоцель, общественный договор, заключаемый ради счастья в семейной жизни. Для нас, напротив, это означало нарушение прежних принципов. Но, отказываясь от всех правил, разве не устанавливаешь новые?

Сами того не подозревая, мы спровоцировали целую серию бракосочетаний. Через пять дней после нас, 19 августа, Катрин Денев вышла замуж в Лондоне за Дэвида Бэйли. А в декабре Ширли Адамс стала пятой миссис Генри Фонда.

Если к браку Ширли и Генри я был подготовлен, то замужество Катрин меня весьма удивило. Сколько раз она говорила журналистам, что против этой архаической формальности, что истинная любовь возможна только при полном взаимопонимании и что, кстати сказать, она никогда не отказывалась выйти за меня замуж (!).

Может быть, это был ее реванш: то, что ей не удалось со мной, она, мол, осуществит с другим. Параллель с моей жизнью была

налицо. Я влюбился в известную американскую актрису, она – в известного английского фотографа. Я проводил часть времени в США, она решила поселиться в Англии. Я женился на американке, она вышла замуж за своего англичанина.

Было ли это простым совпадением?

27

Купленная Джейн ферма в Сэнт-Уэн-Маршефруа (сто два жителя) в шестидесяти километрах от Парижа и в пяти от маленького Удана, лежала среди полей. Буковый и дубовый лес, гектар которого принадлежал нам, рос на низких, восточных холмах Иль-де-Франса. На запад и север простирались бесконечные поля, по которым бегали зайцы, кабаны и летали куропатки. Эти поля то тут, то там пересекались рядами высоких тополей. На юге виднелись редкие, скрытые в рощах домики. Нежный, умиротворяющий пейзаж, расцвеченный летом и весной своими красками, закутанный в туман осенью, молчаливый и заснеженный в зимние месяцы.

Во Франции Джейн по большей части была свободна от профессиональных забот. После скетча в «Карусели» она снялась за пять лет лишь в двух фильмах. И теперь всю свою недюжинную энергию направила на ремонт и обстановку в доме, на цветники и посадки в большом саду. Чтобы замостить двор, мы купили в соседнем замке камни мостовой XVII века, с оставшимися следами карет той эпохи. Зимнюю оранжерею, курятник, корт для игры в бадминтон, качели, пандус и автобан для детей мы построили в саду. Полученный от «Каламбии» после «Кэт Баллу» в подарок пони имел собственную конюшню. Натали седлала его, когда собиралась в школу или за молоком и творогом на соседнюю ферму. В пристройках мы оборудовали монтажную и комнаты для друзей, а гумно превратили в зимний бассейн и просмотрный зал.

В меру своих возможностей я принимал участие в расходах, которые в основном взяла на себя Джейн. У нас никогда не было конфликтов из-за денег. Я хорошо зарабатывал. Но ведь известно, что актеры получают больше, чем режиссеры, да еще могут сниматься в

нескольких картинах подряд. Выбор сюжета, работа над сценарием, подготовительный период, съемки и постсъемочный цикл занимали столько времени, что мне удавалось снять не более одного фильма в два года.

Джейн советовалась со мной, но я старался не вмешиваться в ее дела. Иногда я излагал ей свое мнение. Моник Карон продала нам свою машину «панхард левассор» 1937 года, коллекционную вещь, у которой был лишь один недостаток: она не двигалась с места. Я отдал разрезать ее газовой горелкой по длине, а затем спаял вокруг березы в середине парка. Никто не мог понять, каким образом дерево проросло через машину. Со временем эта скульптура приобрела большую известность (новые владельцы демонстрируют ее своим друзьям). А еще я поставил между спальней и ванной стеклянную перегородку, которая зашторивалась путем нажатия кнопки.

Джейн навезла много саженцев деревьев для сада. Эта привычка сажать с годами стала у нее наваждением. В саду (размером в несколько гектаров) поселились сосны, березы, бугенвиллеи, буки. Мы даже раздобыли ливанский кедр. Джейн покупала все более высокие деревья. И этот лес, росший по соседству с настоящим, обошелся ей в астрономическую сумму. Однажды я заметил: «Если бы у Бога был счет в банке, он бы посадил такой сад». Вероятно, она страдала, что живет далеко от родины и (бессознательно) искала, за что здесь зацепиться.

Вместе с нами в Сэнт-Уэн-Маршефруа обосновалась семья итальянцев: отец, мать, дочь и сын. (Мы никак не находили название нашему дому, который именовали то «домом», то «фермой» или «Уданом».) Итальянцы помогали нам по хозяйству и на кухне, следили за садом и кормили животных, ухаживали за нами и Натали (ей было 8 лет), что оказалось очень удобным. Джейн легко могла бы стать директором предприятия, но только не домашней хозяйкой, занятой уборкой, проводящей время у плиты и орудующей горшками.

Она все чаще составляла списки, спорила со слесарем, столяром, каменщиками и малярами, распорядилась персоналом. Дважды в неделю отправлялась в Париж на занятия классическим танцем и читала присланные из Голливуда сценарии. Подчас запиралась на

кухне, чтобы приготовить свои любимые блюда – ветчину по-новоорлеански или индейку с ананасами.

К нам приезжало много друзей, и она демонстрировала всем свои таланты хозяйки дома. Я был бы не прочь, чтобы эта идеальная супруга больше отдыхала. Но лениться себе она позволяла только на каникулах.

Вокруг дома мы посадили подсолнухи, вскоре они так разрослись, что достигли крыши фермы.

– Что ты с ними сделала? – спросил я у Джейн.

– Я знаю петушиное слово, которое помогает расти чему угодно, – ответила она.

«Погоня» не имела ожидаемого успеха. Джейн снялась следом у Джэзона Ломбардса и Дина Джонса в картине «Снова страстная среда», очень милой комедии, хорошо принятой критикой и зрителями.

В начале 1966 года я закончил сценарий «Добычи», современной версии романа Золя, посвященного нравам французской буржуазии и финансовых кругов конца XIX века.

Какие бы роли до сих пор ни играла Джейн – серьезные или легкие, – все они были в одном ключе. Я хочу сказать, что характеры ее героинь на протяжении фильмов не менялись. В «Добыче» я дал ей роль женщины, которая превращалась в совсем другого человека. Молодая девушка из хорошей семьи, воспитанная в монастыре, Рене рано выходит замуж за могущественного финансиста. Он старше ее на 20 лет, но еще очень привлекательный мужчина (Саккара играл Мишель Пикколи). К жене он относится как к роскошной кукле. Она могла бы так и остаться холодной, светской и не удовлетворенной жизнью, не знающей, что такое настоящая любовь, женщиной, если бы в доме отца по окончании учебы не появился его сын от первого брака. Рене очертя голову влюбляется в него. Любовь преображает ее. Она требует развода, чтобы жить с молодым любовником. Саккар не может снести такое унижение. К тому же он решил женить сына на богатой невесте, чтобы спасти свою терпящую бедствие финансовую империю. С помощью иезуитских приемов он подтолкнет Рене к

безумию.

В конце фильма, обрезав волосы, чтобы потрафить капризу любовника, она появляется в таком виде во время костюмированного бала по случаю обручения Саккара-младшего с богатой наследницей и теряет разум от горя. Не я один находил, что Джейн в этой сцене была просто великолепна.

Некоторые критики упрекали меня за то, что я не до конца следовал роману Золя. Но в целом во Франции, Европе и многих странах картина была встречена с уважением, и имела коммерческий успех. Джейн же одержала личный триумф. Она выиграла пари, доказав, что добьется статуса «звезды», не ожидая признания Голливуда («Оскара» она получит через несколько лет). Это был важный шаг в ее карьере. В Европе она стала номером один в бокс-оффисе,⁷ доказав разнообразие своих творческих возможностей.

Я всегда недоумеваю, когда журналисты пишут об эротике и «голых сценах» в моих картинах. Из ста десяти минут фильма только на протяжении трех минут Джейн предстает частично раздетая (совершенно голой она не показана ни разу). Как же можно было говорить, что она разгуливает нагая весь фильм. Кстати сказать, многие бы нисколько не возражали по этому поводу. Впрочем, надо признать, что библейский символ Евы и змеи проник в общество куда глубже, чем думают. Нагая женщина должна быть невинной. Открывая для себя наслаждение, она, мол, ввергает мир в несчастья, от которых страдает вся человеческая раса.

В «Возвращении домой» сняты куда более откровенные сцены, но никто на них не обратил внимания. Почему? Потому что у героини Джейн было извинение. Она заставляла партнера целовать свои интимные места и смело садилась на него верхом, чтобы доказать ему, что, несмотря на паралич ног, он сохранил потенцию. В общем, прекрасная была картина (часть этой сцены снималась с дублершей).

Чтобы оправдать наслаждение в любви ради самого наслаждения, лучше было возмущаться, критиковать или смеяться,

⁷ Буквально «касса», но обычно обозначает сборы от фильма.

словно все это не про нас. Родившись на свет, я выбрал не ту цивилизацию.

Вскоре после выхода «Добычи» мы были приглашены поужинать на остров Сен-Луи к Жоржу Помпиду, тогда премьер-министру. Это был высокообразованный человек и знаток искусства. Его жена Клод разделяла его увлечение живописью, скульптурой и антиквариатом.

За столом нас было человек пятнадцать. Среди гостей находились академик Морис Дрюон, художник Бальтюс. Помимо хозяина единственным политиком был министр культуры Андре Мальро. Интересная беседа вращалась вокруг самых разных тем. Обсуждение актуальных политических проблем в мире позволило Джейн получить о них иное представление, чем если бы она находилась в Голливуде или Нью-Йорке. (Вскоре после приезда во Францию мы однажды ужинали с Жоржем Помпиду. Французский ее тогда еще хромал, и она не сразу поняла, какое место в обществе занимает хозяин дома. «Это самый важный человек в правительстве», – сказали ей. Во время трапезы она повернулась к нему и спросила: «Значит вы большая шишка?» В то время Джейн еще не отделяла жаргон от хорошего французского. Ее оплошность, впрочем, позабавила Помпиду.)

К полуночи гости разошлись. Спустя два часа премьер-министр, его жена и мы с Джейн еще болтали в гостиной. Точнее, разговаривали мы с Клод, а Джейн и хозяин дома в восхищении застыли перед полотном Шагала в примыкающем к комнате кабинете.

Все крупные политические деятели Франции всегда были поклонниками женской красоты. Помпиду не составлял исключение. Вернувшись в салон, Джейн казалась не только восхищенной, но и удивленной оказанным ей вниманием со стороны такого человека, как Помпиду. Я понял по ее глазам, что пора уходить, и пояснил, что нам рано вставать.

– Мне тоже, – вздохнул премьер-министр.

Возможно, наш уход и разочаровал его, но он это никак не показал. Когда мы с ним увиделись снова, он уже стал президентом Республики, но оказал Джейн все то же внимание.

Я представил Джейн еще одного замечательного человека – писателя Роже Вайана, близкого до войны к движению сюрреалистов и дадаистов. Герой Сопротивления в рядах коммунистов, он порвал затем с КПФ, испытывая отвращение к ее руководству за подчиненность московским сталинистам.

Славу ему принес роман «Странная игра», а позднее «Закон» – Гонкуровскую премию. Вольнодумец и моралист, он строго следовал своим интеллектуальным взглядам. Это был человек высочайшей пробы. Мы с ним сблизились во время работы над сценарием «Опасных связей». Это он помог Джейн понять, что мир не делится на черное и белое: с одной стороны, мол, хорошие, демократические страны, а с другой – плохие, социалистические. Его антикоммунизм не опирался подобно американскому на страх и незнание взглядов противника. Ему прекрасно было известно, что марксистская философия ведет к тоталитаризму, а капитализму сопутствует такая его крайняя форма, как диктатура денег.

Это был теоретик личной свободы, одинаково отвергавший как иудо-христианский пуританизм, так и коммунистическое лицемерие относительно секса и права на наслаждение. «Единственное право, не записанное в Декларации прав человека и в американской конституции, – утверждал он, – право на счастье без права на наслаждение есть сплошной обман». Подобное кредо, выраженное человеком с таким цельным характером, не побоявшимся рисковать жизнью, отстаивая свои убеждения, не могло не произвести впечатления на Джейн.

Роже Вайан говорил, что не существует истинной любви в семье без отказа от собственничества. В особенности отказа от ревности. Его жена Элизабет прощала ему не только внебрачные приключения, но сама знакомила с девушками и молодыми женщинами, способными ему понравиться.

– А если твоя жена переспит с другом, ты станешь ревновать? – спросила Джейн.

– Это совершенно исключено.

– Почему?

– Тогда она перестанет меня любить.

– Он прав? – спросила Джейн Элизабет.

– Да, – ответила она. – Я перестану его уважать, если он не позволит мне кричать от наслаждения в объятиях другого мужчины.

– Это несправедливо. Я не называю это свободой! – воскликнула Джейн.

– Может быть. Но любовь не всегда представляет математическое уравнение. Мы с Роже нашли свою форму свободы, и мы счастливы.

Наступит день, когда Джейн по-своему и до конца воспользуется предоставленной ей свободой.

В ту ночь после любви, лежа на немного узкой кровати в комнате для друзей, она спросила:

– Ты согласен с теорией Роже?

– Нет, – ответил я.

– Почему?

– Потому что ты не Элизабет.

После подобного ответа, который таковым и назвать было нельзя, я поцеловал Джейн и мы уснули.

Сегодня я бы нашел, что ответить. А тогда не сумел. Живя в разное время с тремя разными женщинами, я следовал определенным правилам игры, то есть старался соблюдать супружескую верность, подчас заслуживая ноль за поведение. И пришел к выводу, что сексуальной рутине, как неизбежному последствию моногамии, сопутствует вранье или, точнее сказать, тайные измены друг другу. Лично я не вижу в этом ничего трагического. Во-первых, это забавляет друзей, а во-вторых, не столь болезненно, как окончательный разрыв. Тем не менее я никогда не замечал, чтобы моногамия обеспечивала соблюдение контракта на счастье. Исключение составляют те пары, которые ставятся всем в пример, но которые много лет не занимаются любовью.

Вот почему я решил жить по собственным правилам.

После трех лет жизни с Джейн я убедил себя в том, что успешная семейная жизнь сводится к следующей формуле – или фразе – из восьми слов: сексуальная свобода на взаимно выраженной и согласованной основе. Изменяя Джейн, я всегда признавался ей в

этом. Я приглашал домой некоторых молодых женщин, подчас даже в нашу постель. Я не настаивал, чтобы Джейн принимала участие в наших утехах, но добивался ее согласия. Такое соучастие не угрожало моей привязанности к жене. Напротив – только подстегивало ее.

Но я слишком поздно понял, что она страдает от этого. С обычным для нее упрямством, мужеством и благородством Джейн готова была идти до конца в таких вещах, полагая, что напрасно цепляется за традиционную мораль, о которой я говорил, что она устарела. Все дело в том, что она не была создана для такой формы свободы. Недавно она мне призналась, что чувствовала себя униженной, слабой и даже виновной в том, что она – женщина. Я же просто не заметил, что, потеряв уважение к себе, она перестала восхищаться мной.

То обстоятельство, что Джейн отвергала всякое внебрачное приключение, должно было бы меня озадачить. Я же двигался по дороге с односторонним движением. Убежденный, что нашел формулу счастья, я не видел пропасти под ногами.

Позднее Джейн предпримет ответные ходы и найдет удовлетворение своих желаний в других объятиях. А так как она ничего от меня не скрывала, я не понял, что, защищая собственную сексуальную свободу, она лишь самоустранялась. Не участвуя в моей игре, Джейн лишь отдалялась от меня.

У моего ослепления были смягчающие обстоятельства: особая атмосфера конца шестидесятых годов, несомненные мутации в западном мире, новые теории (новые ли?) о сексуальной свободе и правах женщин, когда у людей возникли сомнения в обоснованности извечных правил поведения. Старые стены рушились, а никто не думал, чем их заменить.

Мы с Джейн были подопытными свинками переживавшего мутацию общества, но сами не имели об этом понятия.

28

Я уже сказал, что Джейн была привержена вековым семейным традициям – супружеской верности, традиционному пониманию роли

семьи. Ей была чужда философия неораспутства, которую я стремился воплотить на практике. Но как все исключительные личности, она страдала – или находила наслаждение – от глубоких внутренних противоречий.

В ней было что-то языческое, мифическое. Я воспользуюсь словами Ромена Гари о Джейн: «Я увидел ее однажды на пляже при восходе солнца, языческую, похожую на благостную и нагую богиню. За ней следовали нимфа и фавны. Это была картина из начала жизни на земле, картина молодости, дерзости и свободы».

Ромен Гари приехал на уик-энд в Сен-Тропе и жил в отеле «Гаити» на пляже Пампелонн, где мы отдыхали с Джейн. Страдая от бессонницы, он дожидался наступления дня, стоя около окна, когда увидел сцену, не предназначенную для глаз свидетелей. Смеясь, нагая Джейн бежала к морю, а за ней такие же нагие следовали женщина и двое мужчин. Бросившись в воду, все четверо поплыли к стоявшей на якоре в пятидесяти метрах от берега яхте «Рива». «И уплыли на ней к горизонту, – добавил Гари, – словно Средиземное море было их садом, наслаждение – правом, а нагота – свадебной одеждой».

Накануне вечером к нам с Джейн пришли в гости друзья – П. и его молодая жена Т. Он был ровесником Джейн. Лет тридцати, красивый, умный, застенчивый парень, наделенный очень своеобразным черным юмором. Своими формами Т. напоминала роденовскую статую. Глаза ее лучились радостью жизни. Она обладала тем типом красоты, которая притягивает мужчин, даже когда она стоит к ним спиной. По дороге в Рим они решили завернуть в Сен-Тропе, чтобы поужинать с нами.

После ужина при свечах на террасе нашего «люкса» Т. и П. решили, что ехать слишком поздно.

– Можете спать на диване в салоне, – предложила Джейн.

Когда начало светать, мы все еще смеялись и болтали. И должно быть, не очень устали, раз решили побегать по пустынному пляжу, не подумав о том, чтобы одеться. Эту-то сцену и видел из своего окна Ромен Гари.

Целый период нашей жизни представляется мне принадлежащим скорее к области грез, чем реальности. Нью-Йорк конца 60-х годов –

это Поп-Арт, Энди Уорхол, «Вилледж», хиппи, отрицание традиционной морали во всем ее разнообразии, радость жизни и боль от нее же, которые породили стиль, позаимствованный у старой метрополии – Парижа. Нью-Йорк праздновал торжество секса, не испытывая чувства вины, и был чисто американским социологическим и культурным явлением, неведомым и поразительным для страны с пуританскими традициями. Но динамика самого явления оказалась достойной легендарных пионеров Америки.

Мы переходили из пресловутого «Макс Канзас Сити» в поразительную мастерскую художника Лихтенштейна, из «Фактори» Энди Уорхола в склад на 10-й улице, служивший театром для молодой труппы актеров. Зрители располагались на лесах на разных уровнях, как ласточки на телеграфных проводах. Сцены не было. Совершенно голые актеры играли в середине и подчас отправлялись гулять среди зрителей. Это был не эротический, а, скорее, философский, полный смутной символики спектакль. Речь в нем шла о рождении тирана. Мне доказывали, что политический смысл пьесы очевиден, но сей аспект представления ускользал от меня. Раскачиваясь на досках, я провел там прекрасный вечер.

Именно в ту ночь в шумном и оживленном кабаке Джейн повстречала Е. Они так танцевали, что только слепому не было видно, как их тянет друг к другу. Когда они вернулись к столику, за которым я сидел с приятельницей Е., красивой, умненькой брюнеткой, Джейн сказала:

– Он хочет меня умыкнуть.

Е. был на несколько лет моложе Джейн. Это был не очень высокий, но хорошо сложенный блондин, такой красивый, что дыхание перехватывало. Тонкие черты его лица и глаза необычайной чистоты и невинности придавали ему лик архангела. Но сей субъект был абсолютно аморален.

С годами пытаешься разобраться в своих воспоминаниях. Эти ночи, точнее – конец ночей в Нью-Йорке и начало дня – оказались самыми поразительными в моей жизни. Мы пробыли тогда в Нью-Йорке не более двух недель. Е. то появлялся, то исчезал, как распутный и прелестный эльф.

Да, я смутно вспоминаю об этом времени как о чем-то, происходившем во сне. Сегодняшняя Джейн и тогдашняя – это две разные женщины. Одна перевоплотилась в другую, не пройдя через смерть и рождение.

29

В записке по-итальянски с большими ошибками значилось: «Если вы не придете в полдень в воскресенье на угол площади Навоны и авеню, мама убьет папу. Мне семь лет, зовут Стефания. Я вас встречу».

Как и другие, я получал много писем от сумасшедших. Но эта записка была написана ребенком. И я отправился на площадь Навоны к назначенному часу.

Меня схватил за руку мальчонка.

– Дотторе Вадим?

– Да.

– Это я написал.

– Тебя зовут Стефанией? – удивился я.

– Нет. Но я подумал, что ради мальчика ты не придешь.

Подобные идеи могут прийти в голову только маленьким римлянам.

– Как тебя зовут, Стефания? – насмешливо спросил я.

– Франко.

– О'кэй, Франко. Что тебе надо? Денег? Сколько?

– От денег не откажусь. Но главное, не хочу, чтобы мама убила папу.

– Но я тут при чем?

– Не ты, дотторе. Твоя жена. Ла Фонда.

Я угостил Франко мороженым, мы уселись на бортик прославленного фонтана, и он рассказал целую историю.

Однако начало ее восходит к тому дню, с год назад, когда Джейн получила в Малибу письмо, которое теперь могло сделать Франко сиротой. Джейн прочла его тогда, смяла и выбросила в корзину. Не в моих привычках задавать жене вопросы по поводу писем к ней. Но

тут, сам не знаю почему, я изменил своему правилу.

– О чем там речь?

– Итальянский продюсер Дино Де Лоурентис предлагает сняться в фильме по комиксу.

– Можно прочесть?

– Конечно.

Я вынул письмо из корзины, разглядел его и прочитал. Речь шла о хорошо известном французском комиксе, героиню которого звали Барбарелла. Сначала Дино предложил роль Брижит Бардо и Софии Лорен, но обе отказались. Они среагировали в точности как Джейн: «Персонаж комикса? Это несерьезно».

Тогда еще не началась мода на «Звездные войны», «Супермена» и «В поисках потерянного ковчега». Мне же давно хотелось снять фильм на базе научно-популярного сюжета или комикса.

Я объяснил Джейн, что кино развивается и скоро фантастика и галактические комедии в стиле «Барбареллы» займут важное место. Я не смог ее убедить, но, понимая, как я увлечен этим сюжетом, она написала Дино Де Лаурентису.

Дино готов был поручить мне постановку фильма, но при условии согласия Джейн сняться в нем. Из любви ко мне она второй раз принимала решение, имевшее значение для моей карьеры. Два года назад продюсеры «Доктора Живаго» предложили ей роль, которую Дэвид Лин в конце концов отдал Джули Кристи. А Джейн отклонила предложение, не желая провести семь недель в Испании вдали от меня. Хотя и мечтала сняться у знаменитого английского режиссера.

В августе 1967 года я приступил на студии Де Лаурентиса к съемкам «Барбареллы».

Титры фильма шли на фоне освобождавшейся от космического костюма Барбареллы, которая начинала плавать голая между обитыми мехом стенами своего космического корабля. Это был трюк с невесомостью, футуристский стриптиз, ставший затем классикой.

Главный гример, накладывавший каждое утро тон на тело Джейн, заболел. Его заменил помощник, который однажды после обильного возлияния в бистро стал похваляться, что гладил у

божественной Фонды ее груди и бедра.

Слухи об этом дошли до его жены, ревнивой, как тигрица, жительницы Калабрии. Она раздобыла револьвер и поведала старшей дочери, что намерена изрешетить неверного мужа. Напуганная девушка рассказала об этом брату, и тот решил мне написать. Я спросил малыша, чем могу ему помочь.

– Поговорите с мамой, – попросил он. – И потащил к храму Травестере, на ступеньках которого мы стали поджидать окончания службы. Он познакомил меня с матерью, сильной, с твердым и суровым взглядом итальянкой. Я поверил ей, когда она сказала, что пока не убила мужа исключительно из-за отсутствия патронов. Потом добавила, что при всем своем уважении к моей жене считает всех актрис шлюхами, а режиссеров – пособниками сатаны. Я пообещал с понедельника перевести ее мужа в массовку, и она согласилась отложить свой план семейной вендетты, попросив на прощание автограф «для Марии». Так ее звали.

Я не стал ничего рассказывать Джейн, тем более что главный гример на другой день вышел на работу.

В отличие от Брижит Бардо, не стеснявшейся своей наготы, Джейн, когда ей приходилось раздеваться на съемочной площадке, чувствовала себя несчастной. И вовсе не по моральным или политическим причинам – ее зажигательные выступления против коммерческого использования женского тела средствами масс-медиа появятся позднее. Просто она не считала себя достаточно хорошо сложенной. Но зрителям, которые имели возможность восхищаться совершенством ее тела, в это было трудно поверить.

Съемки картины оказались чисто физически очень трудными для нее. Она надевала металлический корсет и висела на кране на расстоянии десяти метров от земли. На нее нападала стая обезумевших птиц. Ей приходилось скользить по трубам. Ее кусали куклы-каннибалы, ее запирали в дьявольской машине. Костюмы были весьма неудобными. Грудь и талия были схвачены прозрачным муляжем. Но ее мужество и терпение были выше всяких похвал. Благодаря Джейн на съемочной площадке сохранялась все время очень симпатичная атмосфера. Что весьма редко на картине, когда

каждый день приходится сталкиваться с многочисленными техническими проблемами.

Мы сняли дом на Аппиевой дороге. По этой дороге когда-то проходили римские легионы, здесь на крестах погибли тысячи христиан. Наш дом был самый старый в Риме. Башня, в которой помещалась спальня, была построена во втором веке до Рождества Христова, западная часть салона – во втором веке после Рождества Христова. А остальной дом в XVI веке. В парке, заросшем сорной травой, находилась могила современника Нерона. Она соседствовала с овальным бассейном, вырытым в 1939 году двоюродным братом Муссолини, любителем кувшинок и красных рыбок.

Лежа в постели, мы слышали над нашими головами и за стенами какой-то странный шум, глухие удары в разрядку и подчас стоны. В первую ночь Джейн подумала, что на чердаке заперта женщина, которую мучают и насилуют садисты. И решила, что мы обязаны прийти ей на помощь. А так как у нас не было оружия, я предложил вызвать полицию.

– Они приедут слишком поздно, – сказала Джейн.

И мы отправились на чердак. Но все двери туда были замурованы уже много веков назад. Стало быть, шум и стоны исходили от привидений или других бестелесных созданий, не нуждавшихся в дверях, чтобы спрятаться в верхней части дома.

Когда несколько недель спустя к нам на ужин пришли друзья, какой-то серый шарик упал на тарелку Гора Видала. Им оказался детеныш совы.

Даже не поморщившись, Гор спросил:

– Не можете ли вы дать мне рецепт этого блюда.

Три маленькие совы, которые вылезли из дыры в стене, примыкавшей к старой башне, летали по салону. Таким образом мы получили объяснение стомам и гаму, будившим нас по ночам.

Однажды утром мы проснулись, услышав удивительно чистый голос певицы. Мы встали, прошли по коридору, спустились по лестнице из древних камней, вытопанных сапогами предков, и на кухне обнаружили Джоан Баэз, готовившую яичницу для Джона

Филиппа Лау.

В нашем фильме Филипп играл роль слепого ангела, который находит в себе силы продолжать жить после того, как занимался любовью с Барбареллой. В жизни он был хорошим другом. Он не любил отелей и поселился вместе с нами на Аппиевой дороге. Это он пригласил на уик-энд Джоан Баез.

Однажды, когда я вернулся со студии, Джейн передала мне телефонную трубку.

– Тебя спрашивает известная тебе особа.

Я взял трубку и услышал знакомый с чувственными интонациями детский голосок.

– Вава, это твоя бывшая жена. Ты знаешь, мы соседи. Я сняла виллу Лоллобриджида. Догадайся, какую глупость я совершила?

– Ты снова вышла замуж.

– Уже год, как я госпожа Гюнтер Закс.

– Трудно не быть в курсе такого события.

С тех пор как она вышла за известного немецкого миллиардера, я ни разу не видел ее. Этот брак меня удивил. Брижит испытывала аллергию к знаменитостям и власть имущим. Она ненавидела все, что венчает успех в жизни: карьеру, честолюбие, ложь, а часто и жестокость. И с подозрением относилась к тому, чего не имела сама. Но, как я уже писал, всегда влюблялась в неизвестных мужчин.

Гюнтер Закс стал исключением из правил. Он обладал шиком, способным увлечь Брижит. Закс был полной противоположностью тому, что я мог бы пожелать своей экс-супруге. Но он оказался широким человеком, романтиком на свой лад, и Брижит, устав от ревности и эгоизма молодых любовников, вероятно, испытала потребность в мужчине, взявшем ее под свое крыло и защиту. Сей экстравагантный брак был заключен 14 июля 1966 года. «И вовсе не потому, что мой тевтонец интересуется взятием Бастилии, – сказала Брижит. – Просто это число приносит ему удачу».

С Гюнтером в первый и последний раз ей досталась жизнь «звезды» – полеты на личном «Боинге», Лас-Вегас, Монако, роскошные виллы. Гюнтер был игроком и играл по-крупному, нахально выигрывая, ставя на цифру 14. Однажды Брижит сказала

ему:

– Поставь на 28, дату моего рождения. Выиграешь вдвое больше.

Гюнтер ее послушал и проиграл в ту ночь более ста тысяч долларов. Дабы показать, что не держит на нее зла, он подарил ей брильянт ценой в два раза больше проигрыша.

Газеты писали об их идеальном браке. Я же подозревал, что за внешней оболочкой не все было так радужно, как считали иные.

Вилла, которую Лоллобриджида сдала на два месяца господину и мадам Закс, была огромная и роскошная. Мажордом объяснил, что господин показывает парк гостям, а мадам в гостиной первого этажа. И указал, как туда пройти.

Брижит была в джинсах и свитере, маленькая фигурка на фоне мрамора и громоздкой для нее старинной мебели. Она стояла около бара и тянула через соломинку красную жидкость и казалась растерянной и очень одинокой. Когда она повернулась ко мне, я увидел на щеках слезы. Я целый век не видел ее плачущей.

– Мой Вава, я немного одинока, – улыбнулась она. Вытерла ладонью слезы и поцеловала меня. Мы долго стояли, обнявшись. Наконец Брижит взяла себя в руки и обрела чувство юмора.

– У меня метрдотель, – сказала она, – три горничных, шесть нянек, четыре садовника, один шофер, я знакома с двумя герцогинями, бывшим королем Греции или Испании, каким-то дальним родственником невадской мафии. Тут мои друзья – Серж Маркан, принц Савойский, Пол Ньюмэн, Висконти, Ава Гарднер, муж, который меня балует... И тем не менее мне все обрыдло, обрыдло, как никогда в жизни.

Потом пожаловалась, что с Гюнтером приходится все время куда-то ехать, путешествовать. Казино стали ей невыносимы.

В этот момент в салон вошли Гюнтер и его гости. Он тепло со мной поздоровался и, заметив, что жена его в джинсах и свитере, сказал:

– Ты еще не переоделась? – и посмотрел с упреком. После чего Брижит направилась к лестнице в свои апартаменты. Обернулась ко мне и бросила:

– Идем, Вава, поможешь мне выбрать платье. Ты ведь умеешь

одевать женщин.

– И раздевать, – добавил Гюнтер, чтобы разрядить атмосферу и насмешить гостей.

Я последовал за Брижит в ее спальню. Она была в ярости и, сопровождая все проклятиями, сбросила на ходу туфли, джинсы и свитер. Потом успокоилась и подошла к шкафу. Распахнув дверцы, она увидела свое отражение в зеркале.

– Полагаю, ты навидался раздетых женщин? – спросила она, вздохнув. – В любом случае, состарившись, мы умрем вместе.

Ей было за тридцать, но тело сохранило гибкость, упругость и молодость, как у двадцатилетней. «Влюблен ли Гюнтер в нее или заморожен ее имиджем?» – спрашивал я себя. Зная, как он любит пускать пыль в глаза, я понимал, что тот наверняка хотел видеть в Брижит «звезду». Иначе говоря, блестящий, недоступный, вызывающий всеобщее восхищение предмет. А «звезда» мечтала о тишине и покое в небольшом, дружелюбном доме, где ничто бы не мешало ее привычкам и где бы она чувствовала себя защищенной от всего мира. А это не отвечало привычкам Гюнтера.

Брижит вынула трикотажное платье, простое и очень узкое. Несмотря на протесты Гюнтера, она редко одевалась у дорогих портных.

– Думаешь, это сойдет?

– Я отвечу, когда наденешь.

Она надела платье, которое было очень «секси» и в современном стиле.

– Превосходно, – сказал я. – Очень миленькое. Как жаль, что мне придется посидеть, чтобы снова попытать удачу.

Брижит рассмеялась.

– Тебе не на что жаловаться. Твоя нынешняя милашка отнюдь не дурна.

И снова, поглядев на себя в зеркало, вздохнула.

Еще до конца года она решила развестись с Гюнтером. Отказалась взять у него деньги, вернула почти все драгоценности. Они сохранили добрые отношения. Позднее Брижит рассказала, что ей сказал Гюнтер: «Ты похожа на прекрасную яхту с повисшими

парусами. Если никто не станет их надувать, корабль будет стоять на месте». И добавила: «Ветер ведь должен откуда-то подуть... Драма моей жизни в том, что я не могу надувать паруса сама».

Джейн получила письмо от Андреаса Вутсинаса и забеспокоилась. Он был мне знаком только по своей репутации. Я еще ни разу с ним не встречался.

По словам Джейн, после «Котят» дела его шли плохо. Он не находил работу, был без денег и на грани нервной депрессии. Джейн спросила, не могу ли я дать ему работу на своей картине. В «Барбарелле» снимались актеры разной национальности – итальянцы, французы, немцы, – требовался «репетитор», чтобы научить их корректно произносить реплики по-английски. Мне понравилось, что Джейн обеспокоена судьбой своего бывшего спутника, я люблю верность в дружбе. И согласился пригласить его с условием, что он не станет вмешиваться в нашу работу и анализировать ее образ. Мне не представлялось необходимым делать это под углом зрения Фрейда и Страсберга.⁸

И вот в одно прекрасное августовское утро Андреас Вутсинас появился в нашем доме на Аппиевой дороге. Со своей тщательно подстриженной клинышком бородой и черными блестящими глазами он напоминал Мефистофеля из комической оперы.

Андреас был умен, остроумен. Он заставил меня привыкнуть к своему присутствию в нашем доме и даже внушил чувство дружбы. Он сказал, что я спас ему жизнь, что я его друг на всю жизнь и он надеется доказать мне, что благодарность американского грека – не пустое слово.

Во время съемок «Барбареллы» он оказался весьма полезен на студии и относительно незаметен дома. Я не видел ничего двусмысленного в его отношениях с Джейн и удивлялся той репутации сердцееда, которой он пользовался среди гостей и родственников моей жены.

⁸ Ли Страсберг, основатель нью-йоркской «Action studio», пропагандист теории К. С. Станиславского, воспитавший плеяду американских актеров.

Ради «Барбареллы» мне пришлось отложить начало работы над следующей картиной – «Три шага в облаках». Теперь, согласно контракту с Дино Де Лаурентисом, отсняв последний план, мы должны были тотчас покинуть студию. Продюсер обещал предоставить нам частный самолет. Но, живя на Аппиевой дороге, у нас завелись четыре кошки и две собаки. Багаж и животные следовали за нами в другом самолете. В римских кругах еще не слышали, чтобы бродячие кошки и собаки получали для перелета в Париж особый самолет...

Мы провели с Джейн в нашем уданском доме всего сутки и отправились в Роскофф, в Бретани, где нас поджидала съемочная группа фильма «Три шага в облаках». Это был фильм из трех новелл, каждая из которых снималась разными режиссерами: Луи Малль снимал Брижит Бардо и Алена Делона, Феллини – Теренса Стампа, а я – обоих Фонда – Питера и Джейн, встретившихся на съемке впервые в жизни (на сегодня это так и осталось единственным случаем). Фильм получился интересный, и его часто можно увидеть по телевидению и в специальных кинотеатрах всего мира. Джейн, вероятно, было не просто сменить одежды героини далекого будущего на средневековые одеяния далекого прошлого: моя новелла была экранизацией сказки Эдгара По «Метценгерштайн»... Мы проводили очень весело вечера в Роскоффе. Питер любил играть на гитаре. Своим видом переростка и обезоруживающей улыбкой он очаровал всех, особенно молодых девушек, игравших фрейлин при дворе.

Андреас Вутсинас последовал за нами. Он сохранил должность «репетитора», но я дал ему роль в картине. Он играл предателя. И должен сказать, с большим талантом.

Однажды после прогулки к океану, продрогнув, мы зашли с Джейн в маленькую блинную, заказав горячего вина с корицей и маисовую лепешку. Постепенно она отогрелась и сказала, что в последнее время часто вспоминает мать.

– Вероятно, потому, что я думаю о ребенке, – добавила она.

Джейн была совсем маленькой, когда ее мать стала страдать

нервной депрессией. Состояние ухудшилось, и ее пришлось поместить в клинику. С чисто детской жестокостью она попрекала мать за эту вынужденную разлуку, воспринимая ее болезнь как измену, как отступничество.

– Мне было двенадцать лет, – рассказывала она, – мать находилась в клинике, я не видела ее много недель. Однажды, подойдя к окну, я увидела, как она вышла из машины. Ее сопровождали два санитар. Я не хотела ее видеть, разговаривать с ней. Я сердилась на нее... Вероятно, потому что редко видела. Дети не прощают разлуку. Но я знала, что люблю ее.

Я тогда и Питеру запретила выйти из комнаты. В течение часа она звала нас, но я не тронулась с места. Я окаменела. В конце концов санитар сказал, что пора ехать. «О, нет, подождите, – попросила она. – Мне надо с ней поговорить». И снова стала звать меня. Но потом смирилась и пошла за санитарями. Я вышла из укрытия и приблизилась к окну, увидев, как машина развернулась и уехала. Вскоре после своего дня рождения она покончила с собой в палате. Мне сказали, что она умерла на другой день. И только много лет спустя я узнала, что она перерезала себе горло.

Джейн корила себя за то, что не спустилась к матери. Что та хотела ей сказать? Был ли это зов о помощи? Решила ли она уже тогда умереть? Собиралась ли отказаться от своего намерения, если дочь поговорит с ней? Сколько еще безответных вопросов можно было бы задать?

Проглотив вторую лепешку, Джейн призналась мне:

– Я много лет наблюдаю, как ты обращаешься со своими детьми. Это внушает мне доверие. Думаю, я больше не боюсь завести ребенка.

Как известно, Натали жила с нами, навещая мать во время каникул. А Кристиана Катрин оставила у себя. Но он много времени проводил с нами. О школе для этого малыша было пока рано думать.

– Тебе хотелось бы иметь еще ребенка? – спросила Джейн.

– Я бы с ума сошел от радости.

– В доме будет трое детей. Не много ли? – забеспокоилась она.

– У нас пять кошек, шесть собак, четыре итальянца. Мы вполне

можем себе позволить иметь троих детей, – заметил я.

После съемок в фильме «Три шага в облаках» мы решили отдохнуть в Межеве. Джейн не очень любила лыжи, но знала, что это мой любимый вид спорта. Поэтому каждый год брала уроки. Не могу сказать, что она была способной лыжницей, но, проявляя волю и старательность, делала большие успехи.

В ночь на Рождество я расхворался. Болело горло, поднялась температура, меня уложили в постель. Я был в ярости. Утром Джейн отправлялась на тренировку, а по возвращении хвасталась успехами. Ей не нравились карточные игры, она не понимала смысла в перемещения фигур на шахматной доске. В то время французское телевидение еще не заняло такое место, как сегодня, и это сужало выбор развлечений в номере отеля. Оставались чтение и секс. От чтения у нее начинались головные боли.

Это произошло, кажется, через три дня после Рождества. На улице шел снег. Когда Джейн вошла в комнату в шерстяной норвежской шапочке, щеки у нее были красные от мороза. Поцеловав меня, она молча разделась догола, забыв снять шапочку, что меня очень рассмешило. Сначала мы занимались любовью на ковре, потом на диване, а ночью – в постели. Джейн была очень нежная и ненасытная. Томная и одновременно серьезная.

Я знаю, в тот день и в ту ночь мы зачали Ванессу.

30

Замужество Катрин Денев, как и брак Брижит с Гюнтером Заксом, оказалось недолговечным: оно продлилось не более года. Эти актрисы были очень разные. Их роднило только то, что обе не впадали в меланхолию, когда их спутники оказывались в немилости. Да еще обе, каждая по-своему, не терпели противоречий. Привыкнув видеть на съемке, как удовлетворяется малейшее их желание, они полагали, что то же самое должно происходить и в семейной жизни.

В эпоху, когда я жил с этими божественными созданиями, ни Брижит, ни Катрин не были еще «звездами» и к тому же были очень молоды. Но я видел, как начала проявляться присущая им обоим

такая черта характера, как властность. Они не могли не командовать близкими людьми и поэтому постепенно окружили себя друзьями – мужчинами и женщинами, которые во всем им поддакивали.

В этом смысле Джейн была другая. Строгая к себе, она умела быть внимательной к другим. Дома она никогда не проявляла диктаторских замашек. Я был намного капризнее ее, а она оказалась более нервной натурой, в общем, мы делили власть пополам. Но сие не означало, что Джейн во всем уступала. Как раз наоборот. Что и скажется в дальнейшем.

Успех и к Катрин, и к Брижит пришел без особого труда и очень рано. И поскольку все доставалось им так просто, они, позабыв о таком факторе успеха, как шанс, полагали, что всегда и во всем поступали правильно.

Это не значит, что они при этом не страдали. Как и Брижит, Катрин познала смятение, любовную хворь, личные неудачи. В 1967 году на нее обрушилось страшное горе: в дорожной катастрофе погибла ее любимая сестра Франсуаза. Эта рана не зарубцевалась до сих пор. И никогда не зарубцуется.

В том же году она снялась в главной роли в фильме Луиса Бунюэля «Дневная красавица». Старый мастер не ошибся с выбором ее на роль буржуазки с чистой и холодной внешностью, переживающей сексуальные наваждения. Каждую «звезду» напрасно отождествляют с какой-либо ее героиней. У Катрин это связано с фильмом «Дневная красавица». Он имел колоссальный успех в мире и стал киноклассикой. Однако при выходе его во Франции критики проявили несправедливую суровость. Более дальновидный журналист писал в «Позитиф»: «Самые блистательные критические умы выразили свое разочарование картиной „Дневная красавица“... лишь засвидетельствовав лень ума».

Вспоминаю огорченную Катрин, которая показывала мне у себя дома вырезки из газет в то время, как зрители простаивали в очередях в кинотеатры, где шел этот фильм... Помнится, в тот вечер я предложил ей остаться с Кристианом: его нянька была выходная. После того как Катрин ушла на какое-то свидание, я спросил четырехлетнего сына, хочет ли он смотреть телевизор, играть в карты

или ужинать.

– И то и другое и третье, – ответил он.

Что мы с ним и проделали, ужиная перед телевизором и играя в карты.

– Сколько запрещенных вещей сразу! – воскликнул малыш.

– Почему?

– Мне все запрещается. Мы никогда не едим в гостиной, мы не смотрим телевизор во время еды и не играем в это время в карты.

После ужина, недовольный тем, что все время проигрывает, Кристиан пожелал играть в прятки. Идея мне не очень понравилась, но так как мы давно не виделись, согласился. Не стану говорить о пережитом страхе, когда изловил сына на две трети исчезнувшим в автоматическом мусоропроводе...

Катрин вернулась около двух часов ночи.

– Когда он уснул?

– В десять, – солгал я. – Как провела вечер?

– Прекрасно.

Она редко посвящала меня в свою личную жизнь. Потом, сняв туфли, спросила:

– Правда, что Джейн беременна?

– Да. Катрин никак не прокомментировала мой ответ.

Моя «феррари» стояла около дома. Сев за руль, я поехал в сторону моста Сен-Клу. В такой час шоссе было пустынно. Когда я приехал через час в Удан, Джейн спала. Раздевшись, я скользнул под одеяло. Она проснулась. Я поцеловал ее и обнял. Джейн была на четвертом месяце беременности, и животик ее стал округляться. Мне не спалось. Я вспоминал, что мне сказал Луи Шварц за месяц до этого.

Шварц был нашим домашним врачом. Ему было известно, что Джейн через несколько недель после начала беременности переболела свинкой.

– Когда мать подхватывает свинку после зачатия, – сказал он, – есть опасность родить дауна. Риск слабый, но все же есть.

– Слабый... Нельзя ли поточнее?

– Одна возможность на пятьсот.

Одна на пятьсот... Что это значило? Сколько шансов у прохожего, что ему на голову не упадет кирпич или цветочный горшок? Что его не раздавит машина, что он не заболеет смертельной болезнью? Что не утонет, купаясь, что не умрет в лифте, что его не столкнет на рельсы в метро какой-нибудь псих или что не свалится, катаясь на велосипеде? Если подумать, вся наша жизнь лотерея. Жить значило уповать на везение. И я решил, что один на пятьсот – приемлемый риск.

Луи Шварц считал, что сделать аборт благоразумнее, тем более что имеется юридическое и медицинское оправдание. Не советуясь, мы пришли с Джейн к одинаковому решению. И тем не менее меня подчас охватывало сомнение: а правильно ли мы поступили?

«Майские события» 1968 года поразили всех своим неожиданным размахом. Беременная на пятом месяце, Джейн могла спокойно пересидеть на даче, слушая информацию по радио. Меня же в эти события вовлекло одно обстоятельство, наложив ответственность, о которой я и не думал.

На моих картинах прошли стажировку несколько ассистентов, которые стали мастерами своего дела. Эти младотурки во главе с Жан-Мишелем Лакором решили положить конец деспотии профсоюза техников кино, навязанного старой сталинской гвардией, воцарившейся в этой среде после войны. Они попросили меня выставить свою кандидатуру на очередных выборах председателя. Шансы у меня были серьезные, ибо моим соперником был коммунист. Политически я не был ни с кем связан, но неизменно выступал в защиту профсоюзных прав. Политика меня не интересовала, и я решительно отклонил их просьбу.

Но так случилось, что поделился новостью с Джейн, и та назвала меня трусом. Мой долг, мол, сделать все «положительное» для нашей профессии. Я начал испытывать аллергию к слову «положительный», но приходилось признать правоту младотурок. Пора было сломать барахлящие пружины профсоюзного механизма.

– Так не сомневайся, – сказала Джейн.

Подпав под перекрестный огонь студии и своей спальни, я решил согласиться.

– Но только знай, – сказал я Жан-Мишелю, – как только исполком, то есть вы, закрепится на месте, я подам в отставку. Я готов быть председателем три или четыре недели.

Я сохранял, впрочем, хрупкую надежду, что меня не выберут. Но за меня подали 90 процентов голосов членов генеральной ассамблеи. Западня захлопнулась.

А через три дня разразилась майская буря, 1968 года и в течение нескольких исторических недель я оказался во главе очень влиятельного профсоюза ВКТ. Приезжая домой, я делился с Джейн последними новостями и выслушивал массу вопросов.

В последовавшие дни события разворачивались стремительно. Повсюду строились баррикады, спиливались деревья, разбирались мостовые, горели и взрывались машины. Слышались сирены полицейских машин, скорой помощи и пожарных, рвались гранаты со слезоточивым газом, подчас раздавались выстрелы. Над Парижем висел черный дым пожарищ и беловатый – от слезоточивых газов. Джейн охотно сопровождала меня на различные собрания. Обычно мы ехали в Париж окольными путями. Несколько раз ей привелось увидеть баррикадные бои.

Сформулировав собственные выводы относительно характера политической ситуации, я говорил Джейн, что отсутствие логики в действиях восставших приводит меня в замешательство.

– Коммунисты мобилизовали свое войско и присоединились к студентам, чтобы овладеть ситуацией и задушить движение на корню. Они не могут допустить, чтобы революция захлестнула их слева. Они лучшие союзники властей предрержащих.

В то время мало кто делал такой политический вывод. Даже президент Республики, решив, что битва проиграна, покинул Париж на вертолете и присоединился к французским войскам размещенным в Германии.

Странная революция, разыгравшаяся в мае 1968 года в Париже, – ее застенчиво называют «майскими событиями» – поразила всех неожиданностью и размахом. В тот период Джейн решительно переменилась. Она и сегодня считает, что именно тогда у нее все и

началось. Не так давно она мне сказала: «Я всегда отделяла войну Франции в Индокитае от американской авантюры во Вьетнаме. Но в мае я разговаривала с писателями, политическими, профсоюзными и студенческими деятелями – левыми, правыми, экстремистами и даже неисправимыми коммунистами. И я поняла, что это одна и та же война, даже если причины, выдвигаемые в свое оправдание Францией и США, были разными. За эти несколько недель я осознала суть движения за мир во Вьетнаме, которое приобрело такой размах у меня на родине».

Как ни странно, но эти новые политические взгляды Джейн не сблизили нас. Она пошла по пути, весьма отличному от того, которым я шел с отроческих лет. Я слишком много видел во время оккупации и после освобождения. С шестнадцати лет я решил, дабы не впасть в цинизм, хуже того – не пережить горечь разочарования, что лучше пользоваться тем, что дает жизнь, – морем, природой, спортом, машиной «феррари», общением с друзьями и приятелями, искусством, ночными попойками, красивыми женщинами, правом презирать общество. Я сохранил свои политические убеждения (я либерал, не воспринимающий слова «фанатизм» и «нетерпимость»), но отвергаю любые политические обязательства. Веря в достоинство человеческой личности, я утратил всякое уважение к человеческой породе. А Джейн, напротив, верила в судьбу человека, в политические обязательства и искала для себя то дело, которому могла бы посвятить всю жизнь.

Весна и лето 1968 года позволили ей изменить свое представление о себе как женщине. Но не по политическим причинам, а потому, что впервые в жизни она носила под сердцем ребенка. До сих пор все женское она так или иначе связывала с понятием слабости. Находясь между матерью, покончившей с собой в силу обстоятельств, смысл которых так и остался ею не понят, и идеалом «женщина-секс-предмет», господствовавшим в ее стране и Голливуде, Джейн страдала от той деформации, которой подвергся ее имидж женщины. Поэтому она так боялась стать матерью, хотя очень хотела ребенка. Незадолго до того, как я написал эти строки, она мне сказала: «Этот растущий в моем чреве ребенок, этот живот, который я

выставляла на всеобщее обозрение, позволили мне почувствовать женскую гордость. Все мои страхи и комплексы испарились».

Еще до своего рождения ребенок способствовал рождению женщины.

Проведя несколько вечеров в обществе детей Кеннеди, я познакомился с Сэржентом Шрайвером, послом США во Франции. Почувствовав к нему симпатию, я попросил его стать крестным моего будущего франко-американского ребенка.

В ночь, когда на съезде демократической партии решался вопрос о кандидате, способном противостоять Ричарду Никсону, мы с Джейн находились в салоне резиденции американского посла на улице Габриель. Мы следили по телевизору за исходом этого события, которое будет иметь такие тяжкие последствия. Двумя финалистами были сторонник мира во Вьетнаме Юджин Маккарти и политик, сформированный в традициях своей партии демократов, – Хьюберт Хэмфри. Когда сообщили, что Хэмфри победил Маккарти, Сэржент Шрайвер, поблднев, повернулся к нам.

– Они приведут в Белый дом республиканца Никсона, – сказал он.

Телевидение показывало одновременно то, что происходило перед зданием, где заседали делегаты. Возбужденная толпа – особенно молодежь – вопила лозунги в пользу Маккарти.

Пользуясь дубинками и оружейными прикладами, чикагская полиция избивала демонстрантов. Удары, крики боли, кровь на лицах, вывихнутые конечности – таковы были приметы этой типичной полицейской расправы. В первых рядах, смело противопоставляя себя полиции, мы часто видели молодого человека. Джейн не знала тогда, наблюдая за ним со смесью страха и восхищения, что через пять лет он станет ее мужем. Этот заводила, знакомый несомненно телерепортерам, был Том Хейден.

Но вернемся немного назад. Как я и предполагал, рабочий класс под влиянием компартии бросил студентов на произвол судьбы. С окончанием всеобщей забастовки революция угасла так же быстро, как и вспыхнула. Де Голль вернулся в Париж. Порядок был

восстановлен.

Политика умеренности, которую я советовал проводить в нашем профсоюзе, полностью себя оправдала. Некоторые льготы, на которых мы давно настаивали, были получены. Жан-Мишель Лакор с друзьями закрепились в исполкоме профсоюза, и я смог подать заявление об отставке.

31

Если исключить эпизод с злополучной свинкой, беременность Джейн протекала вполне нормально. Подвижная до последней минуты, она очень заботилась о своем теле. Джейн была убеждена, что родится мальчик, однако мы предусмотрели на всякий случай женское имя Ванесса. Оно звучало одинаково по-французски, по-английски, по-русски и на других языках. Да к тому же нравилось Джейн, которая тогда была очень близка с Ванессой Рэдгрейв...

И родилась именно девочка. Когда после родов я вошел в палату Джейн, она была бледна, но глаза светились огнем, который я уже видел в глазах матерей с новорожденными на руках.

В окно тихо постучали. Палата была на первом этаже, и окна выходили в парк. Взобравшись на стул, Натали смотрела на Джейн и кусочек плоти, который был ее сестрой. Понимая радость Джейн и мою, она смутно догадывалась, что что-то изменится теперь в ее жизни. Детям не разрешалось входить в палату новорожденных. Я нашел мою старшую дочь в парке.

– Вы больше не будете меня любить как прежде, – сказала она.

– Не глупи, дорогая. Разве я меньше тебя любил после рождения Кристиана?

– Это совсем другое.

Я обнял ее, и она еще долго держала свою головку на моем плече, не произнося ни слова.

32

Джейн сама кормила Ванессу грудью. Материнство очень шло

ей. Никогда еще она не была такой красивой. Обладая уже опытом, как обращаться с младенцами, я обучал ее всему, что должна знать мать. Джейн ценила то, что я умею пеленать Ванессу, имею понятие о том, какой должна быть доза и температура в бутылочке с соской для подкармливания, а также умею различать оттенки в голосе дочери. Когда она плакала, кричала или пищала, я говорил: «У нее болит животик», «Она в дурном настроении», «Она возмущена тем, что ее не хотят перепеленать», «Ей приснился кошмарный сон». Джейн читала всевозможную литературу о новорожденных, их психологии, секретах современной педиатрии и т. д. Она ничего не делала наполовину. То есть высказывалась за теорию, а я был, скорее, сторонником эмпирики. Мы превосходно дополняли друг друга.

В ноябре «Барбарелла» вышла на парижские экраны и прошла почти незамеченной. Ни зритель, ни критика еще не были привычны к подобной футуристической фантастике. Лишь после ее проката за границей мы смогли оценить размер успеха. Фильм стал там событием. «Барбарелла» на много лет опередила свое время и вошла в то число картин, которые не пропадают с экрана через несколько месяцев проката.

Дино де Лаурентис и фирма «Парамаунт» решили обыграть в рекламе эротическую сторону картины и совершили ошибку, внося разброд в мнение зрителя и вызвав яростные нападки на Джейн и ее героиню. Позднее она скажет, что фильм изображал ее «как эротический предмет». То был период ее увлечения феминизмом, и она палила из всех видов оружия, защищая свою политическую позицию. Сегодня она отказалась от столь сектантских взглядов и утверждает, что я очень развлекался, показывая на экране первую женщину – героиню галактики. Несомненно, Джейн в «Барбарелле» была удивительно хороша, и я считаю, что этот лишенный всякого сексизма образ надолго останется вместе с нами.

За несколько дней до Рождества она получила предложение продюсеров Ирвинга Уинклера и Гарольда Чертоффа сыграть роль Глории в экранизации романа Горация Маклоя «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?». Любопытно, что еще в 1953 году, будучи начинающим сценаристом, я написал для Брижит Бардо

сценарий по этому роману. Но продюсеры посчитали такой сюжет излишне пессимистическим. Многие великие режиссеры, Чаплин в том числе, пытались осуществить этот замысел, но неизменно отступали в последний момент.

Джейн дала согласие при условии, что ей покажут окончательный вариант сценария. В конце января мы решили уехать из Удана в Калифорнию. Я давно понял, что Джейн трудно приспособиться к французскому образу жизни. Все-таки она в первую очередь была американкой.

Она высказалась за то, чтобы на время съемок «Лошадей» поместить Натали в швейцарскую школу. Мне, правда, не очень улыбалось оставить малышку одну. Но все родители одержимы школьными проблемами. Джейн не была исключением из правил.

– Я не хочу, чтобы девочка потеряла целый учебный год, – сказала она.

Теоретически Джейн была, конечно, права. И мы на машине отправились искать в Швейцарии самую лучшую школу из всех возможных.

Спускаясь по серпантину в долину Комб, я притормозил на обочине. Небо над нами было чистым и нежно-голубым, как на альпийских пейзажах. Вдали блестело озеро Леман, в котором отражались заснеженные вершины гор. Эта красота, широта, благородство и спокойствие так оттеняли людской муравейник в его погоне за успехом, деньгами и властью! В десяти километрах от этого все казалось таким ничтожным, далеким и абстрактным. Даже не ничтожным, а просто бессмысленным. Мы вышли из машины. Джейн положила голову мне на плечо и обняла за талию. По щекам ее текли слезы. Джейн обладает сильным характером, но бывает слезлива под влиянием эмоций. Я недоумевал, отчего она плачет. Красоты пейзажа никогда не оказывали на нее никакого действия. Сегодня мне понятно, что ее слезы означали конец чего-то в ее жизни. Многое ей было еще неясно, но она догадывалась, что будущее станет иным, чем мы его планировали. Думаю, ей было немного страшно.

Пеликаны, которым еще не грозило загрязнение окружающей

среды, мирно плавали в океанской зыби, окруженные вечно голодными чайками. По мокрому песку бежала пара. Близ скал в северной части пляжа трое любителей серфинга в резиновых костюмах дожидались седьмого вала. Где-то что-то праздновали, и громкоговорители работали на полную мощность.

Малибу ничуть не изменился.

Мы сняли дом с террасой, выходящей на пляж, с большим баром в главном салоне, просторной кухней, с «домиком для друзей» в саду и спальней на втором этаже, где стояла скорее широкая, чем длинная постель. Из комнаты открывался чудесный вид на океан. Обстановка в доме была простая, приятная, свидетельствующая о хорошем вкусе хозяев. Много света, много солнца. Дом был словно создан для счастья.

Мы превратили одну из комнат в детскую четырехмесячной Ванессы. Ее няня Дот, очаровательная старая англичанка, говорившая на восхищавшем меня кокни, казалась персонажем пьесы Бернарда Шоу. Прежде она была костюмершей многих театральных див. Две итальянские левретки Мао и Лиллипут дополняли наше общество.

Натали находилась в швейцарском пансионе, напоминавшем скорее трехзвездную гостиницу, чем школу.

Спустя несколько дней после приезда, прогуливая собак, я заметил у кромки воды сидящего на корточках мужчину. Он пристально разглядывал что-то в своей руке. Подойдя ближе, я узнал Джека Николсона. Он был давно не брит и держал в руке апельсин, выброшенный океаном и покрытый пятнами смолы, напоминавшими очертания полушарий глобуса. Дотронувшись до одного из пятен, он сказал:

– Вот Европа... А это Азия... Африка... Его явно что-то беспокоило.

– Не хватает Американского континента. Потом, подумав, продолжал:

– Если нет американского континента, значит, нас тоже нет. В таком случае что мы тут делаем?

– Я только что из Парижа. И не заметил, чтобы США прекратили существование.

– Это у вас из-за разницы во времени.

И после долгой паузы:

– Фактор не-существования позволяет многое постичь. Скажем, что мир – это апельсин, покрытый смолой. Эйнштейн такое не предвидел.

Я посоветовал ему перейти от не-существования на пляже к не-существованию в постели, и он согласился последовать за мной. Я уложил его в одной из комнат и разбудил через двадцать часов, еще более небритого, но в превосходном настроении. Он поблагодарил Джейн за то, что она построила дом вокруг него.

– Когда я уснул, повсюду был один песок и звезды над головой. Вас научили хорошим манерам во Франции, – добавил он восхищенно. А в ответ на ее смех, спросил: – В каком году мы живем?

– В 1969-м.

– Тьфу! Как я опоздал!

Вошла Дот с Ванессой, и Джейн уселась на веранде кормить ее грудью. Но вместо того, чтобы сосать молоко, малышка стала играть с соском. Сжимая и разжимая его пальцами, она показывала десны, в которых стали прорезаться первые зубки.

– Девочка унаследовала дурные замашки отца, – улыбнулась Джейн, обращаясь к Дот.

В «Добыче» героиня Джейн отрезала волосы, чтобы понравиться любовнику. Я снял крупным планом падающие под ножницами кудри как символ порушенной любви, воспользовавшись для этого париком. В «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» она сделала то же самое, но с настоящими волосами. Было ли это совпадением? В тот день я словно впервые увидел новую Джейн со своей собственной жизнью и отдельно мою. В семейной жизни бывают минуты сомнений, ссоры, угрозы разводов... Всякое бывает. Однако потом все удается уладить за одну минуту, иногда за несколько часов, в худшем случае за несколько дней. Но теперь я понял, что начался распад любви и что это необратимый процесс.

Однако не случилось ничего драматического. Правда, меня беспокоило, с какой одержимостью работает Джейн и отсутствие

тепла в наших повседневных отношениях. Меня смущал именно символический характер отрезанных волос – в нем я увидел стремление с ее стороны обрести новый имидж, желание перемен. Он открыл мне глаза на реальность, в существование которой я отказывался верить.

Я тоже был уже меньше влюблен в Джейн. Ее постоянная потребность действовать и все принимать всерьез начали утомлять меня. Я ведь увлекся честолюбивой, активной, наделенной здравым смыслом женщиной, но уязвимой, готовой на спонтанные и неблагоразумные порывы, способной играть и делать глупости. А оказался рядом с монстром деловой деятельности, подчас напоминавшим робота. Я, конечно, преувеличиваю, но лишь для того, чтобы меня лучше поняли.

Я никогда не писал дневников. И вот обнаружил интересную запись на двух страницах 20 мая 1969 года.

«Она вернулась со студии в восемь часов. Поцеловала, спросила, как прошел день у Ванессы. Сказала, что десну малышки, где прорезался первый зубик, надо лечить спиртом. За две недели до начала съемок Джейн отняла ребенка от груди. У нее больше не было молока. Поглощая три листика латука и кусочек сыра, она поболтала с Дот на кухне, составила большой список дел и села поработать у себя над ролью к завтрашней съемке. Она идеальна. Она великолепна. Чего она боится, так загружая себя работой? Всегда существует какой-то предел. Мне пора научиться не любить ее».

Я придумал тогда глагол «не любить» и стал благоразумно готовиться к неизбежному, не имея ни сил, ни желания что-то менять. Я не мог сказать, что Джейн стала другой, что часть ее естества, которую она хотела уничтожить, побеждала другую. Заглядывая в будущее, она менялась, а я как раз любил ту ее часть, которая не была видна на поверхности. Жить с новой Джейн мне стало неинтересно. Но я понимал, что расставание будет долгим и болезненным, несмотря на мой опыт в области любовной анестезии.

«Не любить»... Я называл также этот процесс йогой пессимиста.

Было что-то странное в наших отношениях, ибо в сексуальном

плане мы по-прежнему прекрасно понимали друг друга. (Не думаю, чтобы Джейн притворялась из хорошего ко мне отношения. Она не лицемерна.) Вероятно, она ждала, что я изменюсь. Со временем, увидев, что идеальным мужчиной, мужчиной ее жизни, окажется ее нынешний муж Том Хейден, я понял, что не имел никаких шансов перестроиться на ее лад. И не испытываю задним числом никакого сожаления.

Джеймс По написал сценарий «Загнанных лошадей» и убедил продюсеров Уинклера и Чартоффа поручить ему постановку фильма. Ему же пришла в голову мысль поручить роль Глории Джейн Фонда. Это был сдержанный, почти застенчивый человек, живший тогда с королевой фильмов ужасов поразительной актрисой Барбарой Стил. Они ладили с Джейн, и тем не менее перед самым началом съемок его заменили Сиднеем Поллаком, и Джейн встала на сторону продюсеров.

Будущее покажет, что все это было не случайно. Но я считал, что отстранить человека, отнять у него его дитя и заменить другим аморально. Не могу сказать, что меня удивило решение продюсеров, я был, скорее, даже согласен с ними. Однако то, как повела себя Джейн, меня поразило. Это было так неожиданно со стороны женщины, столь известной своей приверженностью к социальной справедливости, осуждающей коррумпированную власть денег и отсутствие человечности у хозяев Голливуда. Во Франции режиссер никогда бы не согласился заменить коллегу, если только тот сам не просил его об этом. Но в каждой стране свои моральные критерии и обычаи. Я не собираюсь критиковать Джейн или осуждать ее. Но этот инцидент открыл мне еще одну сторону характера моей жены: способность отбросить сочувствие ради достижения лучшего результата. Интересы дела на первый план.

Джейн и Сидней Поллак встречались ежедневно, чтобы обговорить изменения в сценарии. Сидней был решительным и приятным в общении человеком. Вся его энергия была отдана на службу делу. В этом они с Джейн очень подходили друг другу.

Подчас я отправлялся с Ванессой ее проведать на студию «Уорнер бразерс», где шли съемки.

В этот период отношения Джейн с отцом стали стабильными. Джейн была замужем, родила ребенка, делала карьеру в Голливуде и еще не выступала с речами по поводу Вьетнама. Генри был доволен.

По окончании съемок жизнь вошла в прежнее русло.

На одном из приемов, который давал в своем доме в Бенедикт-Кэньоне Роман Полански, Джейн на полчаса скрылась с очень молодым сценаристом Дж. А когда вернулась, прическа ее была в беспорядке, а юбка слегка помята.

– Я была в ванной, когда туда пришел Дж., – рассказала она. – Он попросил разрешения мне помочь.

Дж. запер комнату на ключ и приступил к «помощи». Через некоторое время туда постучала гувернантка.

– Что происходит? – закричала она. – Откройте сейчас же!

Эта правоверная католичка взяла на себя миссию бороться с дурными нравами в доме Полански. Застигнутые в разгар флирта, Джейн и Дж. были вынуждены ретироваться.

Закончив рассказ, Джейн добавила:

– Терпеть не могу делать что-то наполовину.

В тот вечер Джейн была ослепительно красива. Она вся так и светилась. Была очень самоуверенна. Бабочка вылетела из кокона и расправила крылья. Она не скрыла характер столь внезапно прерванного приключения, но я понял, что перестал быть ее сообщником.

В конце мая мы собрали чемоданы, оставив коробки и удочки в гараже на вилле Генри Фонда в Бэл-Эре. Дом в Малибу был возвращен владельцу. Мы плыли обратно на теплоходе. Капитан пригласил нас на мостик. Лучшее места для расставания с США трудно было придумать. Проплывая мимо статуи Свободы, я дружески помахал ей рукой.

33

Если сравнивать конец любви с болезнью в ее последней фазе, то, продолжая аналогию, можно сказать и о ремиссии. Две недели, которые мы провели в конце сентября 1969 года в Сен-Тропе, были

вполне счастливыми в нашей семейной жизни.

Мы жили в гостинице на пляже. Погода была прекрасная. Я запечатлел на пленку наши прогулки на «Рива» в пустынные бухточки, чистую и прозрачную морскую воду, белый песок, обнаженную Джейн на солнце, смеющуюся Ванессу в надувной лодке. 28 сентября на террасе стоял торт с одной свечой. Ванессе исполнился год. Фильм был немой, но по губам можно догадаться, что говорила Джейн: «Видно, что в ней течет русская кровь». Помню, я ответил: «Русские не едят свечи». «Ошибаешься, – возразила она. – Это известно всем».

По возвращении в Париж я убедился, что Андреас Вутсинас оказался плохим другом. Он подливал масла в огонь. Я уважал Джейн за то, что она не поддавалась его влиянию. Решив меня оставить, она знала почему. Однако я был в ярости, вспоминая его клятвы во время съемок «Барбареллы». Но не мог долго на него сердиться. Кто знает, сколько вреда человек приносит себе и другим.

Движение хиппи выдвинуло на первый план Индию и ее духовные ценности. Ее стали считать землей обетованной. Все, кто задавал себе вопросы, могли найти ответ в стране мудрецов и духовных пастырей – гуру.

Школьная подруга Джейн, сделав остановку в Париже по дороге в Бомбей, сыграла роль катализатора. Джейн собралась ехать вместе с ней: может быть, там она решит свои проблемы. Думаю также, что ей хотелось побыть одной вдали от меня и Голливуда, чтобы все обдумать.

Мы с Ванессой и няней Дот спокойно ожидали ее возвращения. Я получил несколько писем с дороги, которые, однако, не позволяли судить о ее душевном состоянии. Но спустя месяц пришло длинное письмо. Любовное письмо. Она писала, что любит меня, что поездка раскрыла ей на это глаза и она теперь мечтает лишь о том, чтобы быть со мной и Ванессой, что никогда меня не бросит. Джейн с нетерпением ждала нашей встречи. Вместо того чтобы обрадовать, это письмо обеспокоило меня. Подобные признания в любви не в характере Джейн. Мне показалось, что она хочет сама себя убедить. Почта из Индии шла долго. Джейн вернулась через три дня после

того, как я получил ее письмо.

Она немного похудела. И явно не нашла там мира и покоя. В Индии ее поразила страшная нищета, тощие дети, слишком слабые, чтобы просить милостыню, мертвецы, которых подбирали на тротуарах каждое утро, контраст между кастами и не столько красота Аннапурны, сколько факиры и гуру. Вспоминая красоты дворца короля Сиккима, где ее тепло приняли (королева была американка и сверстница Джейн), она лучше сознавала нужду десятков миллионов индийцев. Но если поездка не помогла ей найти решение личных проблем, она позволила ей сделать важный шаг в политическом развитии. Она поняла, что борьба с социальной несправедливостью проходит не через спасение души или медитации. Взволнованная увиденным, она оказалась куда ближе к своему часу истины, чем ожидала...

Зная, что наш разрыв был лишь вопросом времени, я мог бы сам сделать решающий шаг, но медлил. Во-первых, не желал подталкивать Джейн: труднее тому, кто бросает, чем тому, кого бросают. Я не хотел оставить в ней чувство горечи и обиды, в частности из-за Ванессы.

Я всегда помнил фразу Генри: «Бросить Фонду невозможно». А еще была более легкомысленная причина: мне было интересно оказаться в центре запутанной и двусмысленной ситуации. Это вносило перемены в рутину любви. И не было лишено приятности. К тому же я был уверен, что она бросает меня не ради другого мужчины. Позднее она скажет: «Вадим умный человек, уважающий людей, но он оказался не готов к тому, что случилось. Он лучше бы понял, если бы его бросила женщина ради другого». Если она так думала, то, значит, я ошибался. Я предпочел бы увидеть ее на политической арене, чем в постели другого мужчины. Это позволило бы мне сохранить лицо. Слова, которые я от нее ждал, она произнесла в отеле «Беверли Уайшир»:

– Вадим, нам надо разойтись. Я по-прежнему люблю тебя, но хочу быть свободной.

– А Ванесса? – помолчав, спросил я.

Она тотчас заняла оборону. Ребенок был нашим больным местом. Ее тон стал агрессивным.

– Знаю, это проблема. Но я ничего не могу поделать. Решим позднее.

Я сказал, что надеялся прожить с ней всю жизнь и что мне немного грустно.

– Немного грустно? И это все, что ты нашел сказать?

Она посмотрела на меня так, словно я свалился с луны, прибыл из дальней галактики. Я очень страдал, но не мог признаться ей в этом... Мне никогда не удавалось делиться своими личными проблемами с друзьями, женами, с мамой. Я не умею говорить о своих переживаниях. Я могу пожаловаться на головную боль или обожженный палец, но не на перелом ключицы.

К хирургической операции прибегать не пришлось. Мы переехали из гостиницы в домик для друзей у Генри Фонды в Бел-Эр.

Однажды, когда я в который раз слушал пластинку «Роллинг Стоунз», Джейн закричала из своей комнаты:

– Хватит! Смени пластинку, я не могу работать.

Я прошел к ней в спальню, превращенную в берлогу хиппи. Постель была покрыта индийским полотном, стены оклеены индийскими обоями, свет приглушен, горели красные и синие лампочки и слышался запах благовоний.

Она отложила карандаш, которым правила статью о Вьетнаме, и сказала:

– Когда бесконечно слушаешь одну и ту же музыкальную фразу, это свидетельствует о нервной депрессии.

О такой подробности мне было неизвестно.

В течение целого года потом я не позволял себе слушать одну и ту же песню, чтобы избежать нервного срыва.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ДИАЛОГ СО ЗВЕЗДАМИ

Объяснив суть политической трансформации Джейн, я не намерен рассказывать детали ее деятельности. Это касается ее одной

и американцев.

Может сложиться впечатление, что наш развод связан только с этой ее метаморфозой. Что не совсем точно. У меня тоже есть слабости и недостатки, сыгравшие свою роль. Но мне не хочется говорить о них. Я привел все необходимые факты, чтобы просветить на сей счет присяжных.

Я снял дом на пляже в Малибу и поселился там с Ванессой и Дот. Погруженная в свои заботы, Джейн много разъезжала и была довольна, что я могу позаботиться о нашей дочери. Возненавидевшая свою школу в Швейцарии, Натали присоединилась к нам.

Вечера в Малибу проходили весело, и я внезапно обнаружил, что у меня много друзей, так что просто не оставалось времени, чтобы горевать о разрушенной семье.

Я провел много часов с Джейн у Анджелы Дэвис⁹ и был немало удивлен, узнав, что ее разыскивает полиция. Я тогда снимал на «МГМ» картину «Если ты веришь, девочка», действие которой происходило в смешанном лицее Беверли-Хиллза. Двое агентов ФБР явились ко мне на студию и спросили, знаю ли я, где она находится. Я понятия не имел. Они спросили, может ли об этом знать Джейн. Я снова понятия не имел. Они стали расспрашивать о политической деятельности жены (мы еще не были разведены). Я ответил, что им наверняка это лучше известно, чем мне. Но все равно бы ничего не сказал, знай я что-нибудь.

Джейн много разъезжала, борясь за права женщин, индейцев, «Черных пантер», угнетаемых меньшинств и особенно за мир во Вьетнаме. Иногда появлялась на несколько часов в Малибу, чтобы поцеловать дочь, и отправлялась на пляж давать очередное телеинтервью. Сидя поблизости, Ванесса слушала, как ее мать рассуждает о судьбах мира, хотя предпочла бы взобраться ей на колени.

Готовясь к разводу, я решил, что Франция – лучшее место для того, чтобы рана быстрее зарубцевалась. Джейн не бросила кино ради

⁹ Анджела Дэвис (р. 1944) – активная участница негритянского антивоенного движения в США в 60-ые и 70-ые гг. Член Компартии США.

политической деятельности. Она готовилась к съемкам «Клюта», за который получит первый «Оскар». Ее партнером и товарищем по борьбе стал Дональд Сэзерленд.

Намереваясь порвать со всем, что могло напоминать ей о прежней жизни, Джейн решила продать дом в Удане. Но при этом лишала меня прошлого. Это показалось мне жестоким. Финансовые проблемы между нами не существовали. Я получил сумму, которую вложил в покупку и ремонт дома. А ведь она вполне могла и не заплатить.

Я снял квартиру на первом этаже с садом на авеню Фош. Когда Джейн приехала во Францию, чтобы обсудить вопрос о фильме с Жан-Люком Годаром, она первым делом нанесла визит дочери.

Недовольная политическими акцентами фильма, она пригласила к нам сценариста Горина, который стал объяснять ей глубину и значение фильма «Все в порядке», говоря, что если она откажется, то лишится политического доверия и совершит ошибку, о которой потом долго будет жалеть. Он говорил так громко, что я слышал большую часть их разговора. К двум ночи я решил вмешаться в то, что меня не касается, и вошел в гостиную.

– В столь поздний час, – сказал я, – подыщите для переговоров другое место.

Он решил, что я шучу. Джейн посмотрела на меня с благодарностью и отправилась спать.

Боясь разочаровать Жан-Люка Годара, она в конце концов согласилась сняться в его картине. Но, как я и предполагал, фильм не имел коммерческого успеха и возмутил сторонников «чистой линии» компартии.

Я никогда не думал, что через год после развода с Джейн снова влюблюсь. Катрин Шнайдер было 28 лет. Высокая. Элегантная. Обаятельная. Неотразимые голубые глаза. Злой юмор. Наследница состояния одного из богатейших кланов Франции, эта покорительница сердец не имела никакого отношения к кино и любила лишь смотреть картины как зрительница. Наша связь удивила многих, но мы ладили друг с другом.

В начале зимы 1972/73 года я поехал с Катрин и Ванессой в

Роэрс, где Джейн снималась в «Кукольном доме» Джозефа Лоузи. До возвращения в Париж Ванесса целую неделю пробыла с матерью. Джейн дружески встретила Катрин.

– Вадим сказал, что вы прекрасно ладите с моей дочерью.

– Она уникальный ребенок, – ответила Катрин. – Я ее обожаю. У меня в 19 лет уже было двое. Но мальчиков.

Я был знаком с Лоузи. Когда мы встретились, он спросил:

– Вы шесть лет были мужем Джейн Фонда?

– Да.

– И находитесь в отменной форме.

Сей несколько саркастический комментарий был в некотором роде оправдан. В фильме снималась еще одна очень политически ангажированная актриса – Дельфин Сейриг. Вынести их врозь он еще как-то мог, но вместе – было выше его сил.

В тот день Джейн постаралась остаться со мной одна и сообщила, что беременна и решила выйти замуж. Но для этого нам надо развестись. Я совсем позабыл об этом.

– Кто отец? – спросил я.

Я всегда любил ее подразнить, но она никогда не сердилась. Разумеется, я знал, что это Том Хейден. Американская печать давно писала об их романе.

Я никак не мог себе представить их рядом... Цезарь и Клеопатра, Жанна д'Арк и де Голль. Ничего подобного. Они познакомились на митинге.

– Ладно. Разведемся. Скажешь, что надо сделать.

Поразительно, что, следуя какому-то циклу, я каждые пять лет становился отцом ребенка от разных матерей: дочь, сын, дочь. В 1974 году очередь была за сыном. Катрин Шнайдер родила мне сына, которого мы назвали Ваней, а вскоре она стала четвертой мадам Племянников.

Приезжая в Париж, Джейн неизменно останавливалась у нас. Здесь она принимала лидеров левых экстремистов. А в это же время в соседней гостиной президент Республики Валери Жискар д'Эстен пил чай с моей женой, с которой давно был знаком.

– Кого это принимает Джейн Фонда? – спросил он.

– Террориста, маоиста или троцкиста, – светским тоном отвечала Катрин, наливая немного молока в чашку гостя. (Она тоже обожала дразнить людей.)

Вернувшись из Вьетнама, Джейн вместе с Хейденом и сыном провели у нас две ночи. Тогда президент снова нанес нам визит. Его интересовала война во Вьетнаме и ее встречи с вьетнамскими коммунистами. Том вернулся из кухни с куриной ножкой, с которой стекал соус. Он сел на пол и стал есть руками. Увидев испуганное выражение на лице Катрин, не спускавшей глаз с капельки жира, угрожавшей ее новому ковру, купленному месяц назад в Нью-Йорке, и наблюдая краем глаза за этой сценой, Жискара очень забавлялся.

– Эти молодые политики ведут себя совершенно раскованно, – заметил он, когда Том отправился спать. Но одна мысль, засевшая в его голове, не давала ему покоя:

– Как вы думаете, сможет ли он когда-нибудь стать президентом США? – поинтересовался наш гость.

Когда Ванессе исполнилось девять лет, мы с Джейн решили, что больше нельзя допускать, чтобы она меняла школы каждый год.

Я как раз в очередной раз развелся. Я думал, что женитьба не на актрисе позволит мне остепениться. Но этого не случилось. И я перебрался в Калифорнию, где снял дом неподалеку от Джейн в Санта-Монике. Таким образом Ванесса могла делить время между отцом и матерью. Джейн взяла тогда на себя роль, выходящую далеко за пределы ее профессиональных обязанностей. Политик, активная деловая женщина, поддерживающая карьеру мужа, преданная мать, продюсер, писательница, международная «звезда» – не много ли было для одной женщины? Лично я бы не выдержал такого напряжения и один день.

Прибыв ночью из Нью-Йорка, Чикаго или Канзас-сити, где проводился политический митинг, Джейн приступает к разбору почты, вызывает по телефону мужа в Сакраменто (выбранный в парламент Штата Калифорния, Том несколько дней в неделю проводит в столице штата) и готовится к следующему дню. Взяв в

постель статью или сценарий, она засыпает на первой же странице. Но в шесть утра уже на ногах.

Прислуги в доме нет. Она выпивает фруктовый сок и что-то жуует, просматривая текст своей речи. Затем пробегает несколько километров и в семь часов вместе с Ванессой едет в СМАШ (Санта-моникская альтернативная школа), где встречается с учителями. Джейн обеспокоена успехами дочери. Она считает, что та отстает, и просит, чтобы дневник с отметками доставлялся ей раз в две недели. Директриса соглашается. Учителя же довольны Ванессой. Но, как все способные дети, она лодырничает. Впрочем, у нее отличные отметки по всем предметам. В восемь тридцать встреча закончена. Джейн успокоилась.

– Не понимаю, – говорит она мне с улыбкой, – почему Ванесса становится более собранной, когда ночует у тебя.

– Потому что не рассчитывает на меня, не ждет, когда ее разбудят и поторопят. По утрам я сплю.

Джейн уезжает из школы за рулем своего «фольксвагена» (у нее есть большая машина для поездок на ранчо в Санта-Барбара). В девять ее ждут в центре аэробики. Здесь она мучает в течение часа свое нестареющее тело. Вернувшись домой, принимает душ, причесывается, слегка мажется и делает десять звонков по телефону.

В одиннадцать тридцать она в своей конторе. Решает с секретарем Дебби текущие дела, подписывает чеки и письма. Затем обсуждает с другими сотрудниками вопросы производства. В час тридцать легкий обед в студийной столовой со сценаристом будущего фильма.

Вторая половина дня у нее не менее напряженная. Интервью для ТВ. Встреча с подругой, отвечающей за кампанию против законов администрации Рейгана, которые могут «поглотить» женские привилегии, добытые за два десятилетия. Вернувшись к полседьмого домой, она проводит некоторое время с сыном Троем, дает указания садовнику и звонит мачехе Ширли Фонда – смерть Генри их очень сблизил. Затем готовит на кухне ужин. Меню простое, здоровое, к великому огорчению Ванессы, которая вместе с французскими генами унаследовала склонность к более изысканному меню.

Из Сакраменто приезжает Том Хейден. После ужина он совещается с сотрудниками относительно стратегии на предстоящих выборах.

В 23 часа Джейн поспешно собирает чемодан. На другое утро в 7.48 она улетает в Майами.

Не знаю, оценит ли Джейн такой портрет суперженщины. Но это типичный день в ее жизни, к счастью, не без ремиссий. Она находит время повидать друзей, в числе которых есть люди, не принадлежащие к ее политическому окружению. Охотно ходит на концерты рок-музыки и водит детей в кино. Случается, заходит ко мне за книгой для Ванессы и часами болтает о чем угодно, забывая о потерянном времени. Два часа безделья для нее невероятная роскошь.

Потом стремительно вскакивает и говорит:

– Я опять отлыниваю от дел!

Некоторые считают ее опасной экстремисткой, фанатичной феминисткой, другие – передовой женщиной, борющейся за социальную справедливость. И те и другие спрашивают: а есть ли сердце у этой удивительной машины, добившейся успехов во всех своих начинаниях?

Я отвечу на этот вопрос на примере ее отношений с отцом. Генри не был экспансивной натурой, но с годами стал более откровенен с дочерью. Более тридцати лет Джейн ждала этого чуда. Но судьбе не угодно было продлить эти отношения. Джейн глубоко переживала неизлечимую болезнь отца. По выражению ее глаз я всегда догадывался о здоровье Генри и не задавал лишних вопросов.

Однажды, прогуливаясь с ней на ее ранчо в Санта-Барбаре, я спросил:

– Практически ты добила все, чего хотела. Если бы тебя спросили, какое еще желание есть у тебя, что бы ты ответила?

Она остановилась и присела около кустика дрока. Подумав, ответила:

– Подрасти... но не внешне, а внутренне. Лучше понимать вещи изнутри.

Хотя Катрин Денев француженка и у нас общий ребенок, я редко виделся с ней. Последняя наша встреча состоялась лет десять назад,

когда она всюду появлялась с Марчелло Мастоляни, который был очень влюблен в нее. Мы решили пообедать в симпатичном ресторане на левом берегу Сены.

Мне очень нравился Марчелло. Он был очаровательным, смешным, нежным и одновременно пресыщенным человеком. Я уж не говорю, разумеется, о его таланте. В тот вечер мы много пили. Катрин была очень весела. Перед уходом я попросил хозяина продать мне огромный букет, украшавший бар ресторана, и подарил его Катрин. Марчелло рассердился на себя, что не подумал об этом первый.

– Ты вырвал у меня букет из зубов, – сказал он.

Мы сели втроем в мою машину, и Катрин попросила доставить Марчелло в его отель. Что я и сделал. А потом отвез и ее и на прощание поцеловал.

Если она хотела своим поведением вызвать его ревность, она преуспела в этом вполне. Когда мы с ним встретились снова, он признался, что во время ужина чувствовал себя третьим лишним.

– Вы напоминали старых сообщников. Смеясь, вы понимали друг друга с полуслова. Я даже подумал, не влюблена ли она в тебя по-прежнему.

Я ответил, что если у него когда-либо появятся основания для ревности, то во всяком случае не по моей вине.

Марчелло утверждал, что мужчин всегда выгоняют женщины, и рассказал свою историю с Фей Данауэй. Они любили друг друга и жили вместе в Нью-Йорке. Фей все время твердила ему, что ей не по себе, когда она не у себя дома. Чтобы ее успокоить, он купил (или снял, уже не помню) для нее квартиру.

– Теперь я жил у нее, но это ничего не изменило. Спустя несколько дней она остановила меня в коридоре и показала на собранные перед дверью чемоданы, так и не объяснив, почему столь решительно выставила меня вон. Он был убежден, что Катрин тоже однажды укажет ему на дверь.

– Должен признать, что я далеко не ангел, – признался он.

Мой сын Кристиан очень любил Марчелло и горевал, когда тот насовсем уехал к себе в Италию.

Свергнутая с трона Марианна,¹⁰ Брижит Бардо так и не смогла, как мне кажется, перейти из мира детства к взрослой жизни. Она просто сменила плюшевые игрушки на настоящих животных. Вот уже сколько лет газеты пишут о ее крестовом походе в защиту брошенных собак или обезьян. Отказавшись заработать в Голливуде целое состояние только потому, что не захотела туда лететь, она отправилась на край света на Аляску, чтобы спасти детенышей тюленей. Брижит сражается за животных с той же искренностью, с какой Джейн ведет борьбу за благо человечества...

Я виделся с ней минувшим летом в Сен-Тропе, где отдыхал с Катрин Шнайдер, Ваней и Натали. Позвонил на ее виллу «Мандраг». Она сразу узнала мой голос:

– Это ты, мой Вава!

Голос был теплый, дружеский. Я спросил, когда смогу ее повидать.

– Только не сегодня. Я отвечаю на письма – их более двухсот. А секретаря нет. Приходится этим заниматься, ведь пишут не охотники за автографами, а друзья, которых я часто лично не знаю, но которые знают меня и понимают. Поощряют мою борьбу в защиту животных. Завтра ты свободен? Повезешь меня в ресторан. Приезжай в «Мандраг» к восьми вечера.

В назначенное время я позвонил в звонок на воротах. Меня встретил дружный собачий лай. Пришел сторож и сказал, что Брижит еще в «Малой пустоши», небольшом домике среди сосен, который служит ей «уединением». В полдесятого во двор въехал старенький «рено». Живая легенда сидела за рулем в джинсах и свитере. Вся растрепанная, вылезла из машины. Руки и лицо были в грязи и пыли.

– Извини за опоздание. Надо мной зло посмеялись. Сторожа «Малой пустоши» бросили меня, не предупредив заранее. Пришлось самой прибраться, полить растения, накормить гусей и остальных пансионеров. – Она рассмеялась.

¹⁰ Одно время Брижит Бардо предложила свое лицо для скульптуры, изображавшей Марианну. Потом Марианной стала и Катрин Денев.

– Я тебе такой не нравлюсь? Одного понять не могу, почему они забрали колесо малолитражки.

Я вошел с ней вместе в дом, который за пятнадцать лет ничуть не изменился. Все было таким же удобным, простым и очень личным.

– Сейчас приведу себя в порядок, – сказала Брижит, направляясь в свою комнату.

Мы решили поужинать в «Мавританской таверне», старом ресторане Сен-Тропе на узкой улочке вдали от порта и людской толпы. Нас посадили в саду за столиком, скрытым вьюнком. Брижит была в брюках и блузке с короткими рукавами, на которую набросила вышитый жилет. Волосы ее свободно падали на плечи.

Она заказала бутылку вина, и нам, по здешней традиции, принесли гренки с анчоусами. Время текло быстро. Разговор начался так, словно мы расстались накануне.

– Ты счастлив? – спросила Брижит.

Я немного рассказал ей о своей жизни и спросил в свою очередь:

– А ты?

И прочитал в ее глазах не столько страх, сколько молчаливый вопрос.

– В какой-то мере я более счастлива, чем прежде, – ответила она после короткой паузы. – У меня есть то, чего я хочу: я живу в мире сама с собой. Ты боишься старости?

– В принципе, она меня ничуть не радует. Но голова еще в порядке, на лыжах могу обогнать двадцатилетних мальчишек. Находятся дамы, которым я нравлюсь.

Она засмеялась.

– Как странно, – заметила она. – Когда мы познакомились, тридцатилетняя женщина казалась мне развалиной. Я приближаюсь к пятидесяти, и тем не менее некоторые господа считают, что я еще недурна. Хотя я и не отвечаю на их авансы, но мне это нравится.

Она рассказала о человеке, с которым тогда жила (более или менее постоянно) в течение нескольких лет.

– Я неплохо с ним лажу. И испытываю к нему незнакомую доселе нежность. – Она снова рассмеялась. – Должна признать, что моя личная жизнь всегда была сумбурной.

Клиенты стали подтягиваться к выходу. Какая-то любезная на вид женщина подошла к нам.

– Мадемуазель Бардо, я вами всегда восхищалась. Могу я получить автограф?

– О, нет, мадам. Я больше не актриса и не даю автографы.

– Извините, – сказала дама. – Знаете, а вы... очень красивы.

И удалилась.

– Она хотела сказать «по-прежнему красивы», – заметила Брижит.

На маленькой улочке, поднимающейся от порта к крепости, Брижит открыла лавочку. Помещение пять метров на три заставлено безделушками. Здесь можно купить старый велосипед, почтовые открытки, фотографии с ее подписью (она не давала автографов, но продавала прошлое), платье из «И Бог создал женщину...», балетные туфли из «Частной жизни»...

Лавочка помогает ей поддерживать друзей, которые там работают ради заработка. Сомневаюсь, чтобы она приносила ей хоть какой-либо скромный доход. Но эта лавочка объясняет то значение, которое она придает своей прежней жизни «звезды». Она сбросила маску, которую ей напялили насильно. И словно говорила людям: «Мой имидж актрисы – сплошная химера. Приходите и берите все эти лохмотья, которые вы когда-то с меня срывали. Они недорого стоят – сами назначайте цену».

А ведь совсем недавно министр культуры Жак Ланг наградил ее орденом Почетного легиона.

Дерзкая девчонка, говорившая «нет» всяческим запретам, расхохоталась бы, если бы ей сказали, что в один прекрасный день министр при галстукe вручит ей орден, который выдается лишь уважаемым гражданам и их храбрым солдатам.

Сегодня Брижит Бардо пятьдесят лет. Что она думает об этом?

ЭПИЛОГ

Мне тысячу раз говорили, что я должен снять фильм со всеми бывшими женами. Мысль увлекательная, но вряд ли осуществимая.

Однако все эти богини в апогее славы оказались однажды на одной съемочной площадке.

Я только что познакомился с Джейн Фонда и снимал на студии «Сен-Морис» «Карусель», о котором уже писал. Демонстрируя Сержу Маркану, как надо выскакивать из окна, я сломал себе ключицу.

Находившаяся проездом в Париже Аннет Стройберг заехала поздороваться и стала свидетельницей происшествия. Из своей артистической прибежала Джейн. Пока ждали «скорую», обе женщины, как могли, поддерживали и ободряли меня.

Оказалось, что в соседнем павильоне репетировала Катрин Денев. Узнав о моем падении, она пришла узнать, что со мной.

Когда приехала карета «Скорой помощи», Джейн, Катрин и Аннет сели в нее вместе со мной. В эту минуту во двор студии въехала Брижит Бардо. Случается же такое!

Сторож попросил Брижит посторониться, чтобы пропустить «скорую», и назвал мое имя. Перепуганная, она выскочила из машины и тоже села в «скорую».

Я смотрел на взволнованные лица четырех женщин, склонившихся надо мной, и, несмотря на адскую боль в плече, не смог отказать себе в удовольствии оценить пикантность ситуации.

– Он совсем зеленый, – заметила Брижит.

– Для марсианина дело нормальное, – пояснила Катрин.

Посмотрев друг на друга, Брижит, Аннет, Катрин и Джейн дружно расхохотались.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В феврале 2000 года Роже Вадим (Вадим Игоревич Племянников) скоропостижно скончался. Все его бывшие жены присутствовали при его погребении. В том числе и пятая жена, прекрасная актриса театра и кино Мари-Кристин Барро, единственная вдова Роже Вадима.

Работает в кино сын Роже Вадима от брака с Катрин Денев Кристиан, которого его отец снял в 1983 году в картине «Вечеринка».

Дочь от Аннет Стройберг Натали живет и работает в Нью-Йорке,

где снимает авторские фильмы.

Джейн Фонда совсем ушла из кино. Долгое время она была замужем за крупным бизнесменом, создателем телесети CNN Тедом Тернером и помогала ему в его деятельности. Она очень плохо восприняла его желание баллотироваться в президенты в 2000 году. И это положило начало охлаждению, завершившемуся недавно разводом. В марте 2001 года в печати промелькнуло сообщение, что Джейн Фонда пожертвовала 12 млн. долларов Гарвардскому Университету на исследования роли пола в развитии человеческих отношений.

Аннет Стройберг давно забыла дорогу на киностудию, став образцовой женой при богатом муже.

Единственная, кто продолжает много и успешно сниматься в кино, это Катрин Денев, которая за последние годы участвовала во многих фильмах (достаточно назвать «Вандомскую площадь», получившую приз Венецианского фестиваля 1999 года, «Тещу», «Обретенное время», «Восток–Запад» и «Танцующую в темноте»).

Продолжает сражаться за братьев наших меньших Брижит Бардо. В 1988 году она неожиданно для всех вышла замуж за бизнесмена Бернара д'Орваля и в 1996 году напечатала поразительные по откровенности мемуары под названием «ББ».

Незадолго до смерти Роже Вадим сказал, что, если бы жизнь ему была подарена еще раз, он бы постарался прожить ее так же. Такой подарок он, увы, не получил... Но оставил на память о себе несколько хороших фильмов и книгу, которая и предлагается вниманию читателей.